Rp 1210/III (1925-1926) № 18

РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ

под редакцией
проф. *С. И. Гессена*, прив.-доц. *С. И. Карцевского* и *В. А. Ригана*
Адрес редакции: Praha II, Ječná ul. 32 „Plamja“.

Год изд. 3-й | Прага 1925—26 г. | № 18.

172262/6

SLOVANSKÁ KNIHOVNA V PRAZE

Органы управления народным просвещением в СССР.

Постановлением ВЦИК от 5. X. 25. утверждено и введено в действие положение о Нар. Ком. Просвещения РСФСР. Не устанавливая ничего нового, это Положение окончательно закрепляет сложившуюся в течение семи лет господства сов. власти структуру центральных органов народного просвещения в РСФСР, в основных чертах одинаковую для всех частей Союза ССР. Если иметь в виду, что на Украине аналогичная структура получила свое закрепление в изданном еще в 1924 году Украинском Кодексе законоположений по нар. просвещению, и что в 1925 году окончательно определилась также и структура местных органов управления народным просвещением, то можно сказать, что наступило время подвести итоги процессу развития указанных органов управления за революционный период и хотя бы в общих чертах дать картину того, как и кем управляется дело народного просвещения в современной России. Структура управления, как она сложилась к настоящему времени, поучительна не только сама по себе, но и по своей связи с общей эволюцией советской власти и советской школы в частности.

Как в эволюции последней, так и в эволюции административного аппарата народного просвещения можно определенно различить два периода: — военного коммунизма и НЭП-а, отделенных друг от друга 1921 годом и тесно связанных с «анархически-политехнической» идеологией, с одной стороны, и «классово-профессиональной» идеологией, с другой[1]). В отношении административного аппарата управления первый может быть охарактеризован как состояние относительной анархии, про-

[1]) Срв. нашу статью об эволюции сов. школы в «Русской школе за рубежом», № 15—16.

3(05) 557

являвшейся в том, что внутри НКПроса, под влиянием извне оказываемых давлений, выдвигались один за другим вновь создаваемые учреждения — формально органы НКПроса, а фактически почти самостоятельные управления, конкурировавшие с НКПросом, отнимавшие у него компетенцию за компетенцией и проводившие свою собственную политику. Эта тенденция в известной мере была противоположна самой идее НКПроса, определенно высказанной при его учреждении еще в 1917 году, согласно которой все просветительные учреждения, долженствовавшие носить один и тот же «политехнический» характер, должны были быть объединены в одном ведомстве. С учреждением НКПроса действительно сразу была отменена вся былая многоведомственность, отличавшая административный аппарат управления народным просвещением при старом режиме. С отменой всех прежних различий между отдельными типами школ, с провозглашенным превращением их всех в ступени единой трудовой «политехнической» школы, было естественно подчинить их и единому управлению НКПроса, как органа, специально ведающего «социальным воспитанием» и «политехническим образованием» всех граждан советской социалистической республики. И действительно, НКПрос сразу же взял в свое ведение не только все те школы, которые и раньше были подчинены М-ву. Нар. просв., но и школы всех других ведомств (церковно-приходские, епархиальные училища, духовные семинарии, кадетские корпуса, поскольку они не были просто закрыты, коммерческие училища, сельско-хозяйственные и железнодорожные школы, мариинские гимназии, институты и т. д.), также как и все высшие учебные заведения, ученые учреждения, библиотеки, музеи и театры, подчиненные ранее самым разнообразным министерствам. Однако уже с конца 1918 года с определенностью выяснилась неспособность НКПроса проводить активную коммунистическую политику просвещения. Вся его деятельность большею частью сводилась к снабжению свалившихся на его шею учреждений, бессистемному экспериментированию, к удовлетворению бесконечных ходатайств с мест. В провинции это время было расцветом местного творчества, создания из ничего массы новых учреждений, начиная с детских садов и кончая университетами.

Инертность НКПроса, как результат утопичности положенной им в основу своей политики просвещения идеи политехнической школы, очень скоро уже была осознана коммуни-

стической партией. Одна за другою начали выдвигаться «ударные» задачи «на фронте просвещения», поведшие к учреждению и специальных, ad hoc создаваемых органов. Первым таким (кажется, еще в 1918 г. созданным) органом явился Главполитпросвет. Будучи одним из главных боевых орудий гражданской войны, Главполитпросвет находился в тесной связи с Агитпропом (аг.-пропаганд. отделом) коммунистической партии и с Реввоенсоветом, которым он и был фактически подчинен, хотя формально и считался отделом НКПроса. Постепенно он забрал в свое ведение все учреждения внешкольного образования, превратив их в орудия активной коммунистической пропаганды. В конце же 1918 года с закрытием всех частных издательств и периодических изданий был учрежден в качестве фактически независимого центра Госиздат, долженствовавший сосредоточить в своих руках все литературное производство и распределение книжных богатств социалистической республики. В эпоху военного коммунизма, до НЭПа, Госиздат, будучи монопольным издательством, исполнял и цензорские функции, поскольку принятие к напечатанию было равносильно тогда разрешению к опубликованию. В следующем 1919 году, когда решено было сломить пассивное сопротивление университетов — этой «цитадели буржуазной идеологии», был учрежден ГУС (Государств. Ученый Совет), одним из первых актов которого было закрытие старых юридических факультетов и создание вместо них факультетов общественных наук. Хотя ГУС возглавлен был заместителем НКПроса М. Покровским, он фактически пользовался почти полной самостоятельностью и первоначально был не только Советом, вырабатывавшим проэкты реформ, новых учебных планов и т. п., но вмешивался и в управление высшей школой, в особенности в вопросах личного состава, назначая профессоров, деканов и ректоров высших учебных заведений. Нередко компетенция его сталкивалась с компетенцией другого органа НКПроса — Академического Центра, которому были подчинены отдельные институты разных высших учебных заведений, также как и все ученые учреждения республики, включая и центральные публичные библиотеки Москвы и Петрограда. Наконец, под влиянием выдвинутой украинскими деятелями идеи профессионально-технического образования, как очередной ударной задачи советской власти, в 1920 году был учрежден Главпрофобр, представлявший при своем возникновении не столько орган НКПроса,

каковым он считался формально, сколько конкурирующее с ним самостоятельное ведомство. Постепенно расширяясь, Главпрофобр стал одним из главных отделов НКПроса, сосредоточив в своем ведении не только профессиональные школы в узком смысле слова, но и всю высшую школу, вновь созданные «рабфаки» и «фабзавучи», техникумы и педагогические институты, также как и старшие классы единой трудовой школы, которые отныне должны были тоже «профобразоваться», т. е. задачу создания «политехнически образованной личности» заменить задачей создания «квалифицированной» и коммунистически мыслящей рабочей силы. Оттесненная на задний план профобром, идея «политехнического образования» пыталась еще удержаться в области начального образования (первой ступени единой школы) и дошкольного воспитания, которые, с учреждением Главпрофобра, были подчинены выделенному внутри НКПроса новому органу — Главсоцвосу, до сих пор сохраняющему в своем полном наименовании (Главное Управление социального образования и политехнического образования детей) следы еще недавно всецело господствовавшей идеологии. Этот процесс распада НКПроса на отдельные, почти самостоятельные и даже конкурирующие друг с другом ведомства[1]) дополнялся еще постоянными спорами НКПроса о компетенции с рядом других Наркоматов: Наркомздравом, пытавшимся подчинить своему контролю медицинские факультеты и медицинские средние школы, Наркомпутем, отстаивавшем свои права на управление громадной сетью железнодорожных школ, Наркомнацменом, притязавшим управлять школами национальных меньшинств и т. д.

Этой почти что анархической многоведомственности внутри центрального административного аппарата народного просвещения вполне соответствовала такая же анархия управления народным просвещением на местах. Основным органом местного управления считался Губнаробраз (ГубОНО), составлявший отдел губернского Исполкома. Однако в еще большей мере Губнаробраз был подчинен НКПросу, местным органом которого он в сущности и был. От НКПроса он получал основ-

[1]) Конкурренция эта нередко превращалась в прямой спор отдельных ведомств НКПроса об одном и том же (напр. библиотечном) имуществе, предел чему только отчасти был положен учреждением особого центрального органа снабжения внутри НКПроса — Госпросснаба. Почти все ведомства НКПроса имели свой особый отдел снабжения.

ные директивы своей деятельности. Отсутствие точно определенной компетенции Губнаробраза при стремлении НКПроса непосредственно из центра управлять всеми просветительными учреждениями на местах приводило к тому, что Губнаробраз был фактически простым агентом НКПроса, во всех существенных делах запрашивавшим решения последнего. Эта зависимость местных органов от центрального управления усугублялась еще отсутствием особой местной сметы: все средства на содержание просветительных учреждений шли из центра, который и утверждал окончательно сметы ГубОНО и даже отдельных местных учреждений. Более того, как НКПрос в целом, так и ГубОНО не представлял собою единого целого. Губполитпросвет, Губсоцвос и Губпрофобр считали себя подчиненными непосредственно центральным ведомствам НКПроса, исполнительными агентами которых они фактически и состояли. Аналогичным было и отношение Губнаробраза к уездным отделам народного образования (УОНО): формально будучи отделами УИсполкома, они фактически были агентами Губполитпросвета, Губпрофобра и Губсоцвоса. Так на местах воспроизводилась в точности многоведомственная структура НКПроса, что́ оборотной стороной имело чрезвычайное разбухание штатов как центрального, так и местного административного аппарата. Если присоединить к этому еще наличие целого ряда посредствующих инстанций с такой же точно структурой, напр. Украинского НКПроса, Сибирского Отдела Нар. образования (формально отдела Сибревкома) и др., полная неопределенность компетенции которых делала их то почти что независимыми от Московского НКПроса центрами управления (Украина), то напротив — простыми исполнительными органами последнего (СибОНО), то картина относительной анархии, в которой находился административный аппарат просвещения в период 1918—1921 года, станет еще более яркой. Не доверяя преподавательскому персоналу, НКПрос и местные органы управления вмешивались во все мелочи повседневной жизни отдельных учреждений, игнорируя провозглашенную в Положении 1918 году широкую автономию педагогических советов[1]). При этом, защищая свою самостоятельность и даже самое свое бытие, отдельные учебные заведения (не только высшие, но и средние) нередко аппелировали то к Главпрофобру против

[1]) Срв. нашу цит. выше статью в № 15—16 «Р. шк. за рубеж.».

местного ГубОНО, то, напротив, к ГубОНО или областному отд. нар. обр. против постановлений того или иного Главка НКПроса.

Невозможность такого положения была ясно осознана самими советскими деятелями (как на местах, так и в центре) к концу 1921 года. Осенью этого года на всероссийском съезде заведующих ГубОНО определенно выдвигается уже лозунг «собирания НКПроса»[1]), образец для которого еще раньше дала опять таки Сов. Украина. НЭП в этом отношении оказал решающее влияние. Прежде всего переход на твердую смету потребовал почти что катастрофического сокращения штатов. Чтобы дать понятие об этом сокращении, достаточно сказать, что напр. в украинском НКПросе число всех служащих НКПроса, которых в 1921 г. числилось 740 чел., к 1924 г. было сведено до 257 сотрудников (из них 120 «ответственных»)[2]). Естественно, что под воздействием этого финансового нажима разросшиеся в отдельные ведомства органы НКПроса должны были свернуться до простых его отделов с взаимно разграниченной компетенцией, а сам НКПрос «утрястись» в единое целое. Еще большее значение в том же направлении имело сокращение штатов в местных органах (ГубОНО и УОНО): здесь оно привело к прямому уничтожению старой структуры местных отделов народного образования, воспроизводивших в точности структуру НКПроса, и тем самым, как мы увидим ниже, к еще более полному их объединению. Идеология НЭПа, выдвинувшая в педагогике идею профессионально-технического образования (удовлетворение потребностей государственного капитализма), с одной стороны, и коммунистического воспитания (создания «смены» для партийной диктатуры), с другой, и приведшая к фактическому отказу от идеи единой трудовой школы[3]), со своей стороны тоже влияла в указанном направлении. Главпрофобр постепенно стал главным стержнем всей политики НКПроса, оттеснив на задний план Главсоцвос и Главполитпросвет. В своем ведении он сосредоточил все выходящие за пределы начального и внешкольного образования просветительные учреждения (начиная от университетов и кончая старшими классами трудовой школы, включая и такие, как музыкальные

[1]) Срв. Всероссийский Съезд ГубОНО. 1922. Стр. 259 сл.

[2]) Срв. офиц. отчет Укр. НКПроса «Народное просв. на Украине» 1924 г.

[3]) Срв. нашу статью в № 15—16 «Р. шк. за рубеж.».

училища), также как и низшие профессиональные школы. С сокращением сети детдомов (все более и более превращающихся в простые дома для бесприютных[1]) и с фактическим упразднением сети дошкольных учреждений, в ведении Главсоцвоса осталось начальное образование (четырех и семилетки), а также попечение о беспризорных детях, специальные школы для дефективных детей, охрана детства и руководство детдвижением. Несколько в тень (особенно в провинции) отошел и Главполитпросвет, упорнее всех отстаивавший свою ведомственную самостоятельность, которая позволяла ему, благодаря тесной его связи с диктаторствующей партией, сохранять свое исключительное привиллегированное положение, в особенности в отношении сметных ассигнований. Будучи прежде всего органом «государственной пропаганды коммунизма»[2]), он разделил в этом отношении судьбу самой партии, которая, с укреплением и насыщением верными людьми советского аппарата управления, тоже отошла при НЭПе как бы в тень, превратившись в своего рода верховную власть, правящую не непосредственно, а с помощью особого слоя советской бюрократии и живущую на счет цивильного листа, по необходимости все более сокращаемого. Наконец, два органа НКПроса еще в особой степени испытали на себе воздействие НЭПа: это Госпросснаб, с возвращением к денежной смете утративший смысл своего существования и ныне уже упразднённый, а также Госиздат, утративший свой характер монопольного издательства и преобразовавшийся в государственное предприятие, работающее на хозяйственных началах (на подобие других «трестов»). С другой стороны, разрешение частных издательств привело к учреждению уже отдельного от Госиздата Глав. Управления по делам литературы и издательства (Главлит), «объединяющего все виды политико-идеологического просмотра печатных произведений и зрелищ» и на Украине даже носящего старое знакомое название Центрального Управления Печати (ЦУП).

Таковы были главные обстоятельства, которые вызвал к жизни НЭП и под давлением которых изменялась структура административного аппарата просвещения. За невозможностью

---

[1]) На Украине (как это прямо говорится в цит. выше отчете Укр. НКПроса) проводится определенная тенденция превратить детдома в пансионы, воспитанники которых посещают разные школы ближайшего района.

[2]) Положение о НКПросе РСФСР от 5. X. 25, § 16.

излагать здесь подробно этапы этого изменения, мы остановимся на структуре НКПроса и местных органов народного образования, как они определились к настоящему времени. Прежде всего следует отметить, что с образованием в декабре 1923 года Союза Социалистических республик окончательно утвердилась самостоятельность Украинского и Белорусского НКПросов. Согласно союзной конституции народное просвещение есть исключительное дело входящих в Союз республик (РСФСР, Украина, Белоруссия, Закавказская респ., Туркменская респ., Узбекская). Общесоюзного ведомства просвещения нет, как нет и общесоюзного бюджета народного образования[1]). Высшими органами народного просвещения являются НКПросы отдельных перечисленных выше республик, покрывающих расходы на народное образование из предоставленных им источников дохода[2]). Это не мешает совершенному единству как общей политики просвещения, так самой структуры центрального и местного аппарата в отдельных республиках. Единство это обеспечивается не только силою вещей и диктатурой хотя и «отошедшей в тень», но по прежнему всесильной коммунистической партии, но и от времени до времени созываемыми «совещаниями наркомов просвещения СССР». Не смотря на то, что сами советские деятели не устают подчеркивать различия в системах просвещения отдельных республик[3]), мы можем

---

[1]) Впрочем недавно утверждено положение о своеобразном зародыше общесоюзного НКПроса — «Комитет по заведыванию ученой и литературно-издательской частью учреждений, состоящих при ЦИК СССР». Комитет этот, находящийся в ведении президиума ЦИК СССР, координирует работу след. учреждений: а) научной ассоциации востоковедения СССР, б) центр. издательства народов СССР, в) коммунистичес. у-та трудящихся Востока им. И. В. Сталина, г) института востоковедения в Москве, д) ин-та восточных языков имени А. С. Енукидзе в Петербурге, е) института Маркса и Энгельса, ж) музея Революции СССР, з) средне-азиатск. госуд. у-та в Ташкенте; и) средне-азиатск. коммунистич. у-та в Ташкенте. Комитет разделяется на две постоянных секции: одна объединяет работу востоковедных и национальных учреждений, а вторая — учреждений общенаучного характера. («Изв. 1926, № 30). Характерно наличие в данном перечне Ташкентского университета, изъятого из ведения Узбекского НКПроса. То обстоятельство, что в нем отсутствует Российская Академия Наук, повышенная после юбилея в ранг «всесоюзной», показывает, что она фактически остается повидимому еще в ведении НКПроса РСФСР.

[2]) Срв. статью А. Маркова в этом номере «Р. шк. за рубеж.».

[3]) Различие это сводится к отмеченому выше преобладанию «идеологии профобра» на Украине, которая действительно раньше и откровен-

здесь отвлечься от этих различий, остановившись подробно на характеристике административного аппарата просвещения в РСФСР и УССР, как типичного и для других частей СССР.

Как и во всех советских Наркоматах во главе НКПроса стоит Нар. Комисар Просвещения и при нем его заместители и коллегия, в которую входят заведующие главными отделами НКПроса. Таких главных отделов («главных управлений») в НКПросе РСФСР, согласно последнему положению, 6: 1) административно-организационное управление, в компетенцию которого входит общее составление и исполнение сметы, статистика, руководство организационной работой местных отделов нар. образ., «а равно осуществление других функций НКПроса, не отнесенных к компетенции других его управлений»; 2) Главсоцвос (дошкольное воспитание, детдома, опытно-показательные учреждения соц. воспитания, школа 1 ступени[4]), социально-правовая охрана несовершеннолетних, детдвижение); 3) Главпрофобр (высш. уч. зав., рабфаки, техникумы, фабзавучи, среднее и низшее профессиональное образование, включая и художественные училища и музык. школы, 2-й концентр школы 2-й ступени); 4) Главполитпросвет («государственная пропаганда коммунизма», внешкольное образование, партшколы вплоть до коммунистич. университетов); 5) Главнаука (академии, науч. общества и ассоциации, научно-исследовательские институты, государственные книгохранилища и музеи, заповедники, памятники, госуд. академич. театры, госуд. музыкальные учреждения и т. п.); 6) Главлит («политико-идеологический просмотр всех печатных произведений и зрелищ», причем помощники заведующего Главлитом назначаются НКПросом по соглашению с Реввоенсоветом и ОГПУ). Кроме того, в составе НКПроса РСФСР имеются еще 1) ГУС, лишенный всех своих былых административных функций и ведущий ныне лишь «методическую и программную работу» по всем отделам народного просвещения (соцвосу, профобру, политпросвету, главнауке) и 2) Совнацмен (орган, «при помощи котор. НКПрос осуществляет общее руководство делом просвещения националь-

---

нее чем РСФСР вступила на путь отказа от идеи единой трудовой (политехнической) школы. Но, во-первых, РСФСР все последовательнее идет в этом отношении за УССР, а во-вторых, на структуре органов управления различие это, как мы увидим ниже, ничем почти не отражается.

[4]) На Украине четырехлетка и семилетка, к чему повидимому приходит и РСФСР.

ностей нерусского языка»; он не представляет собою особого управления, а организационно связан со всеми главными управлениями НКПроса и с ГУСом). Наконец, «при НКПросе» состоят также Госиздат, Госкино и Музпред (объединение предприятий музыкальной промышленности), представляющие собою особые предприятия, действующие «на основании особых о них положений, утверждаемых Совнаркомом РСФСР».

Такова же структура и Украинского Наркомпроса с тем только отличием, что в нем нет ГУСа как особого учреждения (последнему соответствуют в нем «научно-педагогический» и «методологический» комитеты при Главсоцвосе, Главпрофобре и Главполитпросвете), нет Главнауки (ей соответствует Научный комитет Главпрофобра), нет Музпреда, но зато имеется особое «управление селянскими будынками» (народными домами) и особое, отдельное от Гос. Изд. Украины, педагогическое издательство «Червоний Шлях». Кроме того админ. орган. управление называется на Украине финансово-экономическим, Главлит — Центр. Управлением Печати, что не мешает ему находиться в такой же тесной связи с Реввоенсоветом и ГПУ, как и его собрату Российского НКПроса.

Нетрудно подметить, насколько сильно нэповская идеология «профобра» (подготовка квалифицированной рабочей силы для государственного капитализма и коммунистической «смены» для обеспечения «диктатуры пролетариата») определила собою сложившуюся к настоящему времени структуру НКПроса. Только этой идеологией можно объяснить, что в одном управлении Главпрофобра объединяются такие разнокалиберные учебные заведения, как университеты (на Украине даже переименованные в разбитые по спеціальностям «производственно-целевые» институты), с одной стороны, и низшие профессиональные школы и фабзавучи, с другой. Тем самым разрезаются на две части, с одной стороны, высшие учебные заведения, от которых к Главнауке отходят т. н. научно-исследовательские кафедры и институты, в силу чего естественно понижается высшее образование; а с другой стороны, — средн. школа, которая в сущности совершенно исчезает: то, что остается на долю Главсоцвоса, есть начальная школа (ибо и семилетка есть не более как высшая начальная школа), объединяемая в одном управлении с борьбой с беспризорностью и руководством детдвижением, что придает Главсоцвосу не столько «политехнический», сколько коммунистический характер. Глав-

политпросвет, как орган «государственной пропаганды коммунизма», является естественным дополнением этой организационной структуры. На Украине, где до самого последнего времени Главнаука составляла отдел Главпрофобра, идеологическая основа всей организационной структуры выступает особенно явственно: подготовка квалифицированной рабочей силы для государственного капитализма — Главпрофобр, подготовка коммунистической смены для диктатуры пролетариата — Главпросвет и начальное образование в направлении обеих целей — Главсоцвос.

Характеризуя эволюцию НКПроса за последнее время, советские деятели определяют ее как «переход от управления к инспектированию». Если раньше НКПрос пытался непосредственно управлять всеми просветительными учреждениями, то теперь, с переходом всей начальной школы, почти всех средних профессиональных заведений и большей части внешкольных учреждений на местные средства[1]), он ограничивается только их инспектированием, т. е. методическим руководством их деятельности. И действительно, согласно положению о НКПросе РСФСР (а точно так же дело обстоит и на Украине), в непосредственном управлении соответствующих отделов НКПроса остаются только высшие учебные заведения и опытно-показательные учреждения, имеющие общегосударственное значение, все же другие просветительные учреждения находятся в непосредственном управлении местных отделов народного образования. Что переход от управления к инспектированию действительно имеет место, это подтверждается рассмотрением нынешних штатов НКПроса, под давлением НЭПа испытавших с 1921 г., как мы видели, катастрофическое сокращение (на Украине почти в три раза). По данным упомянутого Украинского отчета за 1924 г. 17.000 учреждений Украинского Соцвоса инспектируются 16 инспекторами центра, 82 губернскими и 100 окружными инспекторами (всего 196 сотрудниками), причем в местных отделах народного образования инспекторский штат составляет половину всего штата сотрудников, а в самом НКПросе немного менее половины. Значит ли это, что в деле народного образования действительно осуществляется местное самоуправление? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо ознакомиться еще со структурой местных отделов народного образования.

---

[1]) Срв. статью А. Маркова в наст. № «Р. шк. за рубеж.».

Структура этих местных отделов вполне разделяет основную черту советской системы местного управления вообще. Состоящие при губернских и уездных исполкомах отделы народного образования (ГубОНО и УОНО), составляя горизонтально часть местного исполкома, притязающего быть своего рода местным самоуправлением (исполнительным органом местного совета), вертикально являются подчиненными НКПросу органами центральной власти. Последнее выражается между прочим в том, что заведывающие ГубОНО, назначаясь исполкомом, утверждаются НКПросом, а заведывающие УОНО утверждаются ГубОНО. (В волостных исполкомах наличие особого члена, заведующего народным образованием, является не везде осуществленным дезидератом, причем в совет. печати встречается указание, что он должен назначаться УОНО). Еще недавно структура ГубОНО воспроизводила структуру НКПроса («функциональные» подъотделы Губпрофобра, Губсоцвоса, Губполитпросвета, Гублита, т. е. местные цензора), что фактически вело к еще большей непосредственной зависимости местных органов от центральных (Губпрофобра от Главпрофобра и т. д.). В последнее время, под давлением сокращения штатов, происходит перестройка ГубОНО и УОНО по новой схеме, ослабляющей повидимому значение вертикальной зависимости от центра и потому вызывающей сопротивление со стороны ранее привилегированного, а ныне особенно страдающего от экономии политпросвета. Согласно этой новой схеме ГубОНО и УОНО делятся на два главных подотела: организационный и инспекторско-методический, из которых один объединяет в себе управление, а другой — инспектирование всемч основными видами народн. образования (совцвосом, профобром и политпросветом), при чем профессиональные школы остаются повидимому в непосредственном управлении ГубОНО. При этом штаты ГубОНО как на Украине, так и в РСФСР колеблются, в зависимости от величины губернии, от 30 до 50 человек. Согласно одному из последних проэктов[1]) в РСФСР предполагается установить 5 групп ГубОНО в отношении штатов. По первой группе (наиболее многочисленный штат) предполагается следующее количество служащих в ГубОНО: 1) Зав. ГубОНО, 2) администр.-организ. подотдел — 16 чел., 3) инспек-

---

[1]) Срв. статью М. Эпштейна. К вопросу о структуре ОНО. «Народ. Просв.» 1925 г. № 4.

торско-методический подотдел — 20 чел., 4) Гублит и Губмузо по два чел.[1]). УОНО претерпевают еще большие сокращения штатов: кое-где они даже сливаются в один общий отдел с Здравотделом и Собезом, что несомненно еще больше ведет к ослаблению вертикальной зависимости их от центра.[2]).

Было бы однако чрезмерным оптимизмом полагать, что это ослабление вертикальной зависимости местных органов управления от центральных управлений НКПроса и переход последних от непосредственного управления к «инспектированию» хотя бы в отдаленной степени осуществляет старое требование русской общественной педагогики, стремившейся к упразднению учебных округов и передаче их функций губернским и уездным земствам (передача функций управления органам самоуправления). Не говоря уже о том, что Исполкомы менее всего являются органами, выбранными самим населением,

---

[1]) Принимая во внимание, что штат ГубОНО заменяет частично штат бывших учебных округов, земских и городских отделов народ. образования, инспекторов и директоров народных училищ, местных агентов просвещения других ведомств, штат этот нельзя признать чрезмерным.

[2]) Происходящая ныне перестройка административного деления СССР на области (края), округа и районы вместо прежних губерний, уездов и волостей (приведшая уже к созданию Уральской области, Северо-Кавказского края, Дальневосточной области и др.) по существу не затрагивает охарактеризованной выше структуры местных органов нар. образования. Вызванная прежде всего соображениями экономии (удешевления администр. аппарата), она сводится к созданию укрупненных волостей (районов), уездов (округов) и областей (соединяющих несколько прежних губерний). Как и прежний волостной исполком, районный исполком не имеет особого отдела нар. обр.: «ведение вопросами хозяйственного обслуживания массовой сети соцвоса и политпросвета (т. е. начальной школы, изб-читален и народн. библиотек) возложено в районах на одного из членов РИКа при совмещении 4—5 районных должностей по советской линии». Округа или имеют в своих исполкомах разделенные на два подъотдела (организационный и инспекторский) ОкрОНО с очень сокращенными штатами или даже не имеют особого ОНО, слитого в таком случае с Здравотделом и Собезом в Общем Отделе ОкрИКа. Эта последняя структура вызывает однако решительные возражения со стороны НКПроса и областных ОНО на том основании, что НКПрос и ОблОНО в таком случае «лишаются по округам вполне ответственных за постановку просветительной работы ведомственных просвещенских органов». Областные (краевые) ОНО в большей части воспроизводят в сокращенном виде структуру НКПроса (Облпрофобр, Облсоцвос и т. д.). Срв. статью И. Заколодника «Районирование республики и народное образование» в № 4 «Нар. Просв.» за 1925 г.

вертикальная зависимость их отделов от соответствующих центральных управлений хотя и уступает место «власти на местах», но отнюдь не упраздняется как таковая. Уже совершенное отсутствие точно определенной компетенции ГубОНО и УОНО, которая отграничила бы их функции как местной власти от функций их как органов власти центральной, не позволяет говорить об объединении в одних руках функций самоуправления и управления. Нет в сущности вопроса, который подлежал бы окончательному решению УОНО или ГубОНО и не мог бы быть перерешен ГубОНО или Главным Управлением НКПроса не только в порядке надзора за законностью, но и в порядке простой целесообразности[1]). Ведь самое разделение на законность и целесообразность есть «буржуазная выдумка», противоречащая советской идее права, вполне совпадающей с целесообразностью. Как Губисполком в целом по своим полномочиям есть не что иное как коллегиальный генерал-губернатор, так и ГубОНО скорее всего может быть уподоблен коллегиальному попечителю учебного округа.

Наконец, нельзя забывать, что коммунистическая партия, хотя и «отошедшая в тень» с консолидацией и укреплением советского аппарата, занимает все же все его «командные высоты». Не только во главе всех высших учебных заведений, но и во главе других наиболее значительных учреждений ныне стоят уже коммунисты. Всюду имеются свои комъячейки, осуществляющие надзор за деятельностью советского аппарата управления и через посредство партийных органов могущие всегда добиться перерешения уже принятых постановлений, увольнения неблагонадежных служащих и т. д. Как велика коммунистическая «прослойка» в административном аппарате просвещения, об этом могут дать понятие следующие цифры,

---

[1]) В частности это касается и сметных предположений. Они составляются для сети массовых учреждений соцвоса и политпросвета УОНО, но затем поступают в ГубОНО, где безжалостно кромсаются. Отсюда вместе со сметами профобра и учреждений губ. значения они поступают в НКПрос, где опять таки подвергаются пересмотру и переделке. Впрочем, нельзя отрицать, что в последнее время Губисполком и Уисполком (а где произведено районизирование — ОкрИК и ОблИК) приобретают все большее влияние при установлении общей суммы расходов, идущих на ГубОНО и УОНО (ОкрОНО и ОблОНО). В известной мере здесь подтверждается принцип «кто платит, тот и хозяин». Несомненно, перевод массовых просветительных учреждений на местные средства явится сильным фактором в росте советской хотя бы децентрализации.

хотя и относящиеся еще к 1921 г.[1]). Из 40 завед. губ. отд. нар. образ. и отд. автон. областей РСФСР 39 состояло членами партии. Из 8.473 сотрудников НКПроса (включая и рабочих Госиздата и Госснаба) в партии состояло 460, т. е. 5%. Для сотрудников УОНО процент этот равен 7,2, а для сотрудников ГубОНО — 10,9%. Последовавшее с тех пор сокращение штатов в 2—3 раза несомненно соответственно подняло и этот %.

Из двух требований, выдвигавшихся перед революцией русской общественной педагогикой — объединение народного просвещения в одном ведомстве и децентрализация аппарата управления через передачу функций управления органам местного самоуправления, советская власть безусловно осуществила первое требование. Процесс «собирания НКПроса», одним из этапов которого было подчинение НКПросу просветительных учреждений железнодорожного и водного транспорта[2]), привел в конце концов к объединению в одном ведомстве всего дела народного просвещения. В известной мере осуществлена и децентрализация: во-первых, в порядке союзной конституции, предоставляющей управление делом народного просвещения (за незначительными исключениями) всецело НКПросам отдельных республик; во-вторых, в порядке перехода центрального административного аппарата от управления к инспектированию. Но, независимо даже от коммунистической прослойки, с помощью которой диктаторствующая партия держит в своих руках советский аппарат управления, и этот последний, как мы видели, еще очень далек в своей структуре от той подлинной децентрализации, децентрализации самоуправлений, а не генерал-губернаторов, которая предносилась русской общественности на заре революции. Для превращения советской лжедецентрализации в децентрализацию подлинную необходимо прежде всего освобождение идеи права от идеи целесообразности, упрочение законности и разграничение компетенций, — что однако означает отмену самых основ советского строя.

С. И. Гессен.

[1]) Срв. Всероссийский Съезд ГубОНО, 1922. Доклад Венгрова, стр. 251.

[2]) На Украине включение в ведомство НКПроса «транспортных школ» произошло окончательно в 1924 году. В учебно-административном отношении они всецело подчинены ныне Главпрофобру и Главполитпросвету. В административно-хозяйственном — НКПутю и Профсоюзу транспорт. рабоч. Что этому образцу последовала и РСФСР, можно заключить из прим. 2 к ст. 3. Положения о НКПросе от 5. X. 1925 г.

Бюджет народного образования в советской России.

Наличие материальных средств является важнейшим условием для удовлетворения потребности населения в образовании. Поэтому для представления о состоянии народного образования в советской России необходимо выяснение бюджета народного образования, т. е. необходимо исчисление тех средств, которые разными органами в государстве на дело народного образования затрачиваются. Этому и будет посвящена наша статья. В ней мы сделаем попытку, опираясь на материалы, почерпнутые из различных советских изданий, представить данные о материальных затратах советской власти на дело народного образования и установить, если это окажется возможным. те тенденции, которые в этой области существуют.

Однако, нам кажется, что у читателя не получилось бы достаточно полного представления о развитии расходов на народное образование в современной России, если бы мы не охарактеризовали положения бюджета народного образования в дореволюционной России. Без данных о расходах на народное образование в предреволюционное время трудно было бы решить такой волнующий вопрос, как вопрос о том, пошло ли дело народного образования при советской власти вперед, или оно ушло назад. Поэтому мы считаем необходимым начать наше изложение именно с характеристики расходов на народное образование в дореволюционное время.

Делом народного образования в дореволюционное время ведали различные органы центральной власти и органы местного самоуправления, при чем в руках последних находилось преимущественно начальное образование. Надо здесь же сказать, что наши земства и городские самоуправления на дело народного образования затрачивали не только свои средства. но и государственные, которые поступали в их распоряжение из государственного казначейства в виде специальных пособий. Выдача таких пособий стала усиленно у нас развиваться, в особенности после введения в действие законов 1908 и 1913 гг., устанавливавших обязательность материального содействия

общегосударственными средствами делу проведения всеобщего обучения. Об этом мы более подробно скажем ниже.

Старая Россия не может похвалиться широким размахом государственной власти в развитии расходов на народное образование. Эти расходы были в достаточной мере скромны и далеко, конечно, не соответствовали потребности страны в грамотности. Долго государственная власть, поскольку дело касалось собственно народного образования, исходила из того положения, что дело это местное, что им должны ведать и изыскивать для этого средства органы местного самоуправления. Как будто бы грамотность страны не есть государственная задача! Конечно, так не думали. Конечно, не думали, как в старое время, что «земледельцам других наук. состоянию их не принадлежащих, совсем иметь не следует, кроме российской грамоты, а грамоту могут они иметь и без учреждения для них училищ, как поныне было». Но общегосударственное значение грамотности населения все же не учитывалось с тою глубиной, как это делалось на Западе. И, может быть, те скромные цифры, которыми характеризуются государственные расходы на народное образование в старой России, очень многое объяснят в ходе русской революции, в которой некультурность народных масс облегчала пользование демагогическими приемами «вождей пролетариата», обещавших стране социализм.

Но обратимся к государственным расходам на народное образование в последние годы дореволюционной России. Они видны из следующей таблицы[1]):

Годы	Общая сумма госуд. расходов (в милл. рубл.)	Расходы на нар. образование	Расходы на нар. образов. в %% к общей сумме расходов
1908	2,417	82	3,4
1909	2,951	93	3,2
1910	2,781	108	4,0
1911	2,956	120	4,4
1912	3,106	142	4,6
1913	3,417	167	4,9
1914	2,898	214	7,6
1915	2,827	—	—
1916[2])	3,646	270	7,5

[1]) Данные позаимствованы из государственных росписей за соответствующие годы и приведены в круглых цифрах.

[2]) Исчисленные расходы.

За период с 1908 по 1916 г. сумма государственных расходов увеличилась в полтора раза. За это же время государственные расходы на народное образование возросли более, чем в три раза, т. е. государственные расходы на народное образование росли быстрее, чем общая сумма государственных расходов. В процентном отношении к общей массе государственных расходов расходы на народное образование с 1908 по 1916 г. возросли с 3,4% до 7,5%. Конечно, это уже было большим шагом вперед, и можно думать что даже при старом государственном порядке, когда значение народного образования не дооценивалось, оно все же должно было развиваться дальше. Это его развитие было обеспечено все же значительным нажимом на правительство со стороны старых законодательных учреждений, влиянием которых надо, несомненно, объяснить и увеличение государственных расходов на народное образование в последние предреволюционные годы.

Однако, несмотря на указанный рост государственных расходов на народное образование, они количественно являются все же слишком скромными. Если исходить из общего количества населения России в довоенное время в 170 миллионов душ, то государственных расходов на народное образование (в 1914 году) на душу падало всего около 1 руб. 26 коп. Сумма эта, разумеется, очень невелика, в особенности принимая во внимание слабое распространение образования в стране.

Как мы указали выше, кроме государства делом народного образования в дореволюционное время ведали органы местного самоуправления. По действовавшему в дореволюционное время законодательству расходы городских самоуправлений и земств на народное образование относились к группе расходов необязательных, т. е. такого рода расходов, которые могли производиться при наличности остатков денежных средств после покрытия расходов обязательных. Статья 139 Городского Положения по этому поводу говорит: «за удовлетворением исчисленных в статье 138 и вообще указанных законом потребностей, средства городского поселения могут быть употребляемы и на другие, относящиеся к пользам сего поселения, предметы, в пределах ведомства общественного управления»[1]).

---

[1]) К числу обязательных расходов были отнесены следующие расходы: содержание общественного управления, содержание зданий и памятников, уплата по долговым обязательствам, уплата обязательных пособий

Несмотря, однако, на то, что законом расходы на народное образование были отодвинуты на второе место, в действительности, в особенности в сметах земств, они приобрели первенствующее положение и беспрерывно и быстро развивались. Обратимся сначала к расходам на народное образование земств. Их количество и рост видны из следующей таблицы:

Земские расходы на народное образование в 34 земских губерниях.

Годы	Все расходы	Расходы на нар. образование	Отношение расходов на нар. образ. в %% к общей сумме расходов
	(в тысячах рублей)		
1871	21,509	1,600,0	7,4
1875	28,820	3,550,0	12,3
1890	48,347	7,225,8	14,9
1895	63,667	9,128,6	14,4
1900	89,142	15,970,9	17,9
1905	124,185	25,314,0	20,4
1910	171,707	42,882,0	25,0
1911	191,707	52,278,0	27,3
1912	220,168	66,473,3	30,2
1913	253,754	80,222,0	31,6
1913[1])	290,560	90,128,7	31,0
1914	292,050	91,846,8	31,4
1914[1])	336,373	104,596,7	31,1

Из представленной здесь таблицы видно, что за время с 1871 по 1914 г. бюджеты 34 земских губерний возросли более, чем в 13 раз. За это же время расходы земств на народное образование увеличились в 57 раз, и если в 1871 году они составляли только 7,4% всех расходов, то в 1914 г. они стали составлять 31,4% всех расходов, став на первое место по сравнению с другими расходами. В 1914 г. (в 34-х земствах) при общей сумме расходов в 292,050 тысяч рублей, на народное образование было израсходовано 91,846,8 тысяч рублей, на медицину — 70,753,9 тысяч рублей, на экономические мероприятия — 24,641,5 тысяч рублей, на ветеринарное дело 9,884,1 тыс. рублей.

Начиная приблизительно с 1912—1913 года, расходы земств на народное образование, продолжая развиваться количествен-

---

разным учреждениям и государству, расходы по содержанию полиции и пожарных команд, содержание в исправности улиц и площадей.

[1]) Для 40 губерний. Календарь земского деятеля за 1917 г. стр. 42

но, в процентном отношении к общей сумме земских расходов стоят почти на одном уровне. Это явление следует объяснить тем обстоятельством, что в это время стали сильно развиваться расходы на медицину и на экономические мероприятия. В 1911 году расходы на медицину составляли 53,6 мил. руб., в 1914 году они равнялись уже 70,7 милл. рублей; расходы на экономические мероприятия в 1911 г. равнялись 9,7 милл. рублей, к 1914 г. они поднялись до 24,6 миллионов рублей.

Если мы будем сравнивать рост земских расходов на народное образование и государственных, то увидим, что земские расходы росли значительно быстрее, чем расходы государственные. Это свидетельствует о том, что дело народного образования, и, конечно, прежде всего, дело начального образования, все более и более укреплялось в руках именно земства, став его излюбленным и важнейшим делом.

В городских поселениях дело народного образования находилось в менее благоприятных условиях. Это объяснялось тем, что повинности обязательного характера отнимали у городов больше средств, чем у земств. В 1918 году города (в пределах существующей в настоящее время территории России) должны были затратить на расходы по воинской повинности и по содержанию полиции свыше 22 миллионов рублей, тогда как расход земств на этот же предмет составлял всего только 0,85 миллионов рублей. Но тем не менее и в городских бюджетах расходы на народное образование занимали видное место. В 1913 году городские поселения (в пределах существующей в настоящее время территории) израсходовали на дело народного образования 30,470 тысяч рублей из общей суммы расходов в 231,395 тыс. рублей, что составляло 13,2% всех городских расходов. (Необходимо иметь в виду, что городские сметы включали и предприятия, входившие в общую смету расходов валовыми суммами. Это влияло на размер %, характеризующих расходы на народное образование. В 1913 году на предприятия городами было израсходовано 41,6 милл. рублей, что составляло 18% всех расходов. Если считать расходы чистые, то и в городских бюджетах расходы на народное образование занимают первое место).

Из этих данных видно, что в процентном отношении города тратили больше на народное образование, чем государство. Что касается роста городских расходов на народное образование, то этот рост происходил также весьма быстро. Так, на

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1925 - 1926
Číslo výtisku: 18
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 577 - 596

SYSTEM
KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

начальное образование города в 1881 году затратили 1,7 милл. рублей, в 1891 г. — 3,0 милл. рубл., а в 1913 г., как мы видели, городами на народное образование было затрачено свыше 30 миллионов рублей. При том надо заметить, что, если раньше города тратили средства почти исключительно на начальные училища, то в последние годы стали увеличиваться их затраты на средние школы, на школы профессиональные, а также иногда и на высшее образование[1]).

При установлении общей суммы расходов государственных и местных на народное образование в дореволюционное время необходимо иметь в виду, как и указано выше, что часть расходов по народному образованию органов местного самоуправления покрывалась за счет общегосударственных средств. Говоря о роли государственных пособий в местных расходах на народное образование, необходимо указать, что городские самоуправления этим своим правом на государственные пособия полностью не воспользовались. Так, число городских поселений, получавших от государственного казначейства пособия на проведение начального образования, хотя и возростало из года в год, но пособия не получались всеми городами, в чем отнюдь не была виновата центральная власть. В 1909-м году число городов, получавших пособия равнялось 14; в 1916 году это число поднялось до 293 (из общего числа городских поселений свыше 1000 с Польшей и Финляндией). Всего в 1916 году на выдачу пособий и проведение всеобщего обучения было ассигновано городам 2,872,6 тысяч рублей[2]).

Надо сказать, что главною виною того, почему городские самоуправления при бедности своих собственных средств не пользовались правительственными пособиями, была, конечно, косность старых городских органов самоуправления. Но были случаи сознательного игнорирования того права на государственные пособия, которое городам принадлежало, по причинам характера политического. Так, например, Петербургское городское самоуправление отказалось от пособий на народное образование в виду «нежелания связывать городское управление теми условиями, которые ставило министерство народного просвещения». Условия эти состояли в том, что, выдавая пособия, центральная власть естественно стремилась контроли-

[1]) Так, например, Саратовское городское управление внесло значительное имущественное пожертвование для Саратовского университета.

[2]) Календарь городского деятеля на 1917 год.

ровать надлежащее употребление этих пособий. Таким образом, уродливые отношения между центральной властью и органами местного самоуправления в дореволюционное время создавали иногда такие положения, при которых местные расходы на народное образование были меньше того, чем они могли бы быть.

Земские учреждения, относившиеся к делу народного просвещения с большим вниманием, чем города, а также и в силу несомненно более здоровых отношений между ними и центральной властью, в большей мере, чем города, воспользовались государственными пособиями на дело народного образования. В 1913 году земства получили от правительства пособий на школьное дело в сумме 35 миллионов рублей, при чем большая часть земств принадлежащим им правом на пособия, в противоположность городам, воспользовалась. В 1913 году 40% земских расходов на школу было покрыто казенными средствами[1]).

Кроме государственных и местных расходов на народное образование в дореволюционное время на то же дело затрачивались и частные средства (частных лиц и обществ). Цифра этих расходов с точностью не может быть установлена, но в советской специальной литературе она считается равной 10—20 миллионам рублей в год[2]).

Теперь подведем общие итоги государственных, местных и прочих расходов на народное образование в довоенное время, причем в целях сравнения с советскими расходами на народное образование будем учитывать прежние расходы в границах современной России[3]).

Государств. расходы	Земские	Городские	Земские в неземск. губ.	Мирские	Частн.	Всего
(в миллионах рублей)						
158,6	85,2	30,4	2,5	5,3	20	302

[1]) Кулишер. Очерки финансовой науки.

[2]) Проф. А. Соколов. «Вестник Финансов», № 11 за 1924 г.

[3]) Госуд. расходы на народн. образование взяты нами из данных по исполненной росписи за 1914 г. Общую сумму этих расходов мы уменьшаем на 10%, учитывая уменьшение территории (по советским данным это уменьшение определяется в 10 %. — Народное и госуд. хозяйство в 1922—23 г., стр. 4). Кроме того, из полученной суммы вычитаем сумму пособий государства земствам и городам, которые они получили в 1913 г. Местные расходы на народное образование взяты нами за 1913 год (зем

Итак на народное образование в прежней России в последние предвоенные годы затрачивалась сумма в 300 (в круглых цифрах) милл. рублей[1]). На душу населения затрачивалось около 1 р. 80 коп.

* * *

Прежде, чем обратиться к исчислению бюджета народного образования в советской России, необходимо сделать несколько замечаний об общих условиях экономического положения страны при советской власти. Это экономическое положение определяет, с одной стороны, размеры государственных расходов на народное образование; с другой стороны, оно не может не влиять и на возможности для самого населения производить расходы на образование.

Экономическое положение страны определяется в основных чертах состоянием народного дохода. В последние предвоенные годы народный доход России определялся в 16,4 миллиарда золотых рублей или 101 р. 35 к. на душу населения[2]). В советский период этот доход сильно упал. Исчисление его в период собственно социалистического хозяйства советской власти, т. е. в годы 1918—1921 представляется совершенно невозможным. Это был хаос хозяйственного переворота, гражданской войны, восстаний населения. Только при новой экономической политике, когда советское и народное хозяйство приняло все же какие-то устойчивые формы, когда появилось денежное обращение, хотя и не приобретшее еще твердости, только в это время определение народного дохода оказалось

ства) и за 1912 г. (города). Более поздних сведений нет. Эти местные расходы взяты в пределах существующей территории России по данным советской статистики («Вестник Финансов, № 5 за 1925 г.).

[1]) Наши вычисления не претендуют на совершенную точность. Абсолютно точные суммы не могут быть получены по той причине, что госуд. и местные расходы по территории распределялись неравномерно, а мы их должны для сравнения с советскими расходами переводить на современную территорию. Кроме того, в силу необходимости мы берем разные годы для госуд. и местных расходов на нар. образ. Но тем не менее, наши данные не могут значительно отходить от истины и достаточны для сравнения с расходами на народное образование в настоящее время. Брать более поздние данные по госуд. расходам на народи. образ. мы не решались, так как курс рубля уже с 1915 г. стал подвергаться колебанию, это усложнило бы дальнейшее. На 1 I 1916 г. товарный индекс поднялся с 1 (для 1913 г.) до 1,43.

[2]) По данным проф. С. Прокоповича.

более или менее возможным. По данным проф. Литошенко, народный доход советской России является следующим[1]):

Годы	Сумма	На душу
1913	16,4 миллиарда рублей	101,35 зол. рублей
1922—1923	8,2 милл. бюджетн. рубл.	62,00 бюдж. рубл.
1923—1924	9,0 милл. бюджетн. рубл.	66,50 бюдж. рубл.

Итак, народный доход упал чрезвычайно низко. Благосостояние населения страшно ухудшилось. Бедная в прежнее время страна стала почти нищей. Социалистические опыты не создали благоприятных материальных условий для дальнейшего развития народного образования, столь слабо развитого в дореволюционное время.

Но, помимо этого, коммунисты первой своей и основной задачей естественно считают не удовлетворение культурных потребностей страны, а достижение своих собственных задач, заключающихся в построении социалистического хозяйства. Это основной и главный конкуррент народному образованию при распределении слабых бюджетных средств. При преобладании коммунистических политико-экономических задач, столь невыгодных народному хозяйству, расходы на удовлетворение культурных потребностей страны фактически как бы превращаются в «необязательные» расходы, каковыми расходы на народное образование формально считались в прежнее время.

Кто ведает делом народного образования в советской России? В социалистический период советской власти, когда основным источником существования всех правительственных учреждений были натуральные блага, взыскивавшиеся с населения, и национализированное имущество, а также эмиссия — местная система доходов исчезла. Прежнее разделение бюджета на государственный и местный было заменено единым государственным бюджетом, из средств которого удовлетворялись потребности и государственные и местные. Органов местного самоуправления в прежнем виде не существовало. Была установлена единая советская система управления, проникнутая коммунистическим централизмом. При таких условиях дело народного образования финансировалось из общегосударственных средств. Им ведали органы центральной советской власти и местные советские органы управления.

---

[1]) Проф. Литошенко. Национальный доход СССР, стр. 47. К исчислениям Литошенко близко примыкают и исчисления народного дохода других авторов.

Каков был бюджет народного образования в этот период, т. е. с конца 1917 года и включая 1921 год и даже 1922 год, определить представляется совершенно невозможным. Учреждениям давались готовые продукты, им поступали пачки советских бумажных денег, испытывавших беспрерывное падение. Эти натурально-денежные поступления не отличались ни системой ни постоянством. Всякого рода сметные предложения носили исключительно формальный характер, но действительного положения дела не отражали. Самое большее, о чем они говорят, это об основных направлениях в расходовании средств.

Однако, судя потому, что именно в этот период страна переживала величайшую ломку, именно потому, что в это время производство новых благ ушло на второе место и было заменено потреблением прежних благ и благ, создававшихся сокращавшим свое хозяйство крестьянством, которое не могло быть захвачено целиком коммунистическими опытами, именно по этим причинам государственные рессурсы были невелики. Не мог быть значительным и бюджет народного образования.

Отказываясь по указанным причинам дать какую-либо точную цифру государственных расходов за годы социалистического периода советской власти, мы все же приведем некоторые данные, которые дадут нам возможность сделать известные выводы.

Государственные расходы за 1918—1920 г. (то есть расходы и центральных и местных органов советской власти) в росписях изображались следующим образом[1]):

Годы	Общая сумма расходов	Расходы на просвещение	Расходы на просвещение в %% к общей сумме расходов
	(в миллионах бумажных рубл.)		
1918	46,706	2,976	6,3
1919	215,402	17,211	8,0
1920	1,048,875	114,366	10,9

Конечно, в действительности расходы были иными, чем это изображалось в росписях. Но характерно, какое место предназначалось расходам на просвещение. Из таблицы мы видим, что расходам на просвещение уделено весьма скромное место — 6,3 до 10% общих расходов. А между тем росписи

[1]) Нар комиссариат финансов. Отчет к VIII съезду советов, изд. 1920 г.

учитывали все расходы на просвещение, то есть расходы центральных и местных органов.

Как мы уже указали выше, коммунистическая власть была занята другим, более важным для нее делом — социализацией хозяйства. В процентном отношении к общей сумме расходов расходы национализированной промышленности составляли:

в 1918 г.	16,4%
в 1919 г.	25,5%
в 1920 г.	22,7%

Но промышленность была дефицитна и требовала громадных затрат общегосударственных средств на покрытие дефицита, что, конечно, отражалось на ассигнованиях для культурных потребностей страны. Так, по советским росписям доходы и расходы национализированной промышленности (кроме путей сообщения, почт и телеграфа) изображались следующим образом (в миллионах бумажных рублей):

Годы:	Доходы:	Расходы:	Дефицит:
1918	12	7,663	— 7,651
1919	14,676	55,117	— 40,441
1920	52,631	238,711	—186,070

Каково было действительное исполнение росписей, об этом ничего точного сказать нельзя, но из приведенной таблицы видно, что национализированная промышленность требовала колоссальных приплат. При скудости средств выполнение этих приплат вело к чрезвычайно слабому финансированию культурных потребностей страны.

По подсчетам советских экономистов расходный бюджет 1920 года, т. е. его денежная и натуральная часть, сводится к сумме 1.803 милл. товарных рублей[1]). Это совокупность и государственных и местных расходов против 3.975 мил. руб. зол. государственных и местных расходов в 1913 году (в современных границах СССР). Ясно, что, при такой скромной сумме государственных расходов и при политике преобладания расходов на коммунистические опыты, расходы на народное образование не могли быть значительными. Упадок расходного общего бюджета вел несомненно к упадку и бюджета народного образования. Этим и характеризуется бюджет народного обра-

[1]) «На новых путях», вып. II. стр. 13—48.

зования за социалистический период советской власти по сравнению с довоенным бюджетом.

При новой экономической политике советский государственный бюджет принимает иные формы. Натуральная его часть отпадает, в учете денежных средств делается попытка внести твердый измеритель. В это же время вновь восстанавливается, хотя и не принимает еще окончательных форм деление доходов, а также и расходов, на государственные и местные.

Первая попытка разделения расходов на государственные и местные в области народного образования была сделана декретом от 10 декабря 1921 г. По этому декрету на местные средства были отнесены следующие расходы:

а) По социальному воспитанию, включая и расходы по питанию детей: 1) по детским домам для нормальных детей, 2) по детским садам и очагам, 3) по детским колониям и площадкам, 4) по школам-клубам и трудовым школам, 5) по приемникам и коллекторам-распределителям для нормальных детей полностью.

б) По профессионально-техническому образованию: 1) по внешкольному профтехническому образованию — конференциям и съездам, чтениям и беседам, краткосрочным периодическим и постоянным курсам, курсам всех видов профобразования, кроме курсов центральных обще-украинского харакера, 2) по школам и клубам фабрично-заводского ученичества и домам подростков, занятых в производстве, 3) по профшколам сельско-хозяйственным, индустриально-техническим, художественно-промышленным и художественным, их учебновспомогательным учреждениям, 4) по сельско-хозяйственным школам переходного типа, 5) по всем техникумам и их учебно-вспомогательным учреждениям в половинном размере и 6) по учебным кружкам, обществам и учреждениям, не имеющим общегосударственного значения.

в) Содержание и осуществление мероприятий по культурной работе нижеследующих учреждений: 1) библиотекам, хатам-читальням, народным домам, просвитам, клубам, находящимся в селах, 2) местным библиотекам, клубам-ячейкам, местным музеям, выставкам, местным политико-просветительным курсам, находящимся в городах и предприятиях, за исключением ученого и учебного персонала, 3) местным губернским и уездным ремонтным мастерским музыкальных инструментов, 4) театральным зрелищам и предприятиям за исключением

принятых особым постановлением СНК на обще-государственные средства, а также переведенных на хозяйственный рассчет.

г) Расходы на текущий капитальный ремонт и новое строительство по перечисленным учреждениям и школам Наркомпроса полностью, за исключением техникумов, детских учреждений социального воспитания, на которые средства отпускаются в половинном размере.

д) Расходы по оборудованию инвентаря перечисленных школ и учреждений Народного Комиссариата по просвещению.

Из перечня расходов по народному образованию, отнесенных на местные средства, видно, что на местные средства падали расходы, связанные по преимуществу с внешкольным образованием, с учреждениями дошкольного воспитания и с начальным образованием.

Однако, положение 1921 г. не остается постоянно действующим и подвергается дальнейшим изменениям. Характерной чертой этих изменений является уточнение и увеличение расходов по народному образованию, падающих на местные средства. Действующим в настоящее время положением, перечисляющим местные расходы, падающие на местные средства, являются декреты от 12 ноября 1923 г. и от 29 октября 1924 г. Местные расходы по народному просвещению делятся, согласно указанным декретам, на три группы: на расходы по профессионально-техническому образованию, на расходы по социальному воспитанию и на расходы по культурно-просветительным учреждениям и мероприятиям.

Необходимо здесь дать перечень этих расходов.

А) Расходы по профессионально-техническому образованию:

1) по организации, оборудованию и поддержанию профессионально-технических, сельско-хозяйственных, художественно-промышленных и музыкальных школ низшего типа; внешкольного профессионально-технического образования и краткосрочных курсов местного значения;

2) расходы по найму, отоплению, освещению, водоснабжению, содержанию в чистоте и ремонту помещений для нижеследующих учебных заведений, содержимых на общегосударственные средства, согласно особых списков этих заведений, утверждаемых Советом Народных Комиссаров подлежащей союзной республики: а) технических, сельско-хозяйственных, промышленных, педагогических, художественных и музыкальных учеб-

ных заведений среднего типа, б) школ лекарских помощников, в) прочих профессионально-технических школ среднего типа и г) рабочих факультетов, не состоящих при высших учебных заведениях.

Б. Расходы по социальному воспитанию:

Организация, оборудование и содержание: 1) школ 1-ой ступени, 2) школ 2-ой ступени (школ семилеток), 3) детских домов, 4) домов ребенка, 5) детских садов, площадок, очагов и колоний, 6) школ подростков.

В. Расходы по культурно-просветительным учреждениям и мероприятиям:

1) по избам-читальням, по домам крестьянина (кроме центральных домов крестьянства), клубам, народным домам, местным библиотекам, школам по ликвидации неграмотности и малограмотности и по школам для взрослых (повышенного типа);

2) по школам для малограмотных и по ликвидации неграмотности среди допризывников:

3) по содержанию школ политграмоты местного значения;

4) расходы по ремонту, найму помещений, отоплению, освещению, водоснабжению и содержанию в чистоте советских партийных школ первой и второй ступени, содержимых на общегосударственные средства согласно особых списков этих школ, утверждаемых Советом Народных Комиссаров подлежащей союзной республики;

5) по музеям, архивам и картинным галлереям местного значения,

6) по ученым учреждениям, за исключением принятых на обще-государственные средства, согласно особых списков этих учреждений, утверждаемых по каждой союзной республике Советом Народных Комиссаров этой республики;

7) по учреждениям фото-кино местного значения;

8) по чтениям, беседам, выставкам и экскурсиям;

9) по театрам, зрелищам и студиям, за исключением субсидируемых из общегосударственных средств государственных театров, согласно особых списков этих театров, утверждаемых по каждой союзной республике Советом Народных Комиссаров республики;

10) по учреждениям и мероприятиям для развития и распространения музыкального просвещения, изобразительных искусств и литературного творчества, за исключением принятых на общегосударственные средства, согласно особых списков,

утверждаемых Советом Народных Комиссаров подлежащей союзной республики.

Из перечня видно, что число расходов по народному образованию по сравнению с их числом, указанным в декрете 1921 года, значительно увеличивается. На местные средства переходит содержание школ 1 и 2 ступени (следовательно, и среднее образование). Местные средства привлекаются к участию в расходах государственных просветительных учреждений и ученых учреждений и по содержанию чисто партийных, т. е. коммунистических школ. Все прочие расходы по народному образованию, и, прежде всего, содержание высших школ, падает на бюджеты отдельных республик, входящих в советский Союз.

Надо констатировать значительный размах в объеме просветительных учреждений и просветительной деятельности, которой должны ведать местные органы советской власти и органы союзных республик. Нечего и говорить, что этот размах значительно шире дореволюционного, когда органы местного самоуправления встречали нередко даже препятствия в расширении своей просветительной деятельности, в особенности в области внешкольного просвещения. Но, к сожалению, из перечня видно, что местные средства привлекаются и для чисто партийных целей — партийных школ. Главное же: этому широкому размаху в области просвещения не соответствуют финансовые возможности ни местные, ни государственные.

Здесь нам необходимо в самых общих чертах остановиться на этом вопросе. Современное строение государственных финансов в советской России отличается необычайной концентрированностью источников доходов в руках Союза. В распределении доходов в настоящее время конкуррируют: Союз, входящие в него республики и местные органы советской власти. Однако, ни для отдельных республик ни для органов местной власти не создано сколько-либо крупных самостоятельных источников дохода, так как основные доходы — от главнейших прямых налогов и налогов косвенных — сосредоточены в руках Союза. Республики и органы местной власти получают отчисления от общесоюзных прямых налогов и имеют право устанавливать ограниченные по закону надбавки к этим налогам. Самостоятельная же их система доходов состоит из ряда второстепенных и мелких доходов налогового характера и доходов частно-правового характера, получаемых от эксплоата-

ции республиканских и местных имуществ и предприятий, часто не только не дающих дохода, но требующих приплат.

В частности, местные органы советской власти, заменившие органы местного самоуправления, утеряли такой важнейший источник дохода, как обложение недвижимых имуществ, каковое обложение в земском бюджете имело первенствующее значение. Достаточно сказать, что в 1914 году в 40 земских губерниях при общей массе доходов в 336,3 миллиона рублей 200,1 миллиона рублей получались от обложения недвижимых имуществ. Этот объект обложения теперь перешел в руки Союза.

Такое деление доходов отражается и на величине расходов Союза, республик и местных органов советской власти. Так, в 1924-25 бюджетном году обыкновенные расходы распределялись следующим образом[1]):

Союз	1,662,5	миллионов червонных рублей
Республики	255,6	„ „ „
Местный бюджет	575,0	„ „ „

Само собою разумеется, что такие условия создания доходов республик и местных органов управления, ограничивающие их общие расходы, ограничивают и расходы в области народного образования.

Переходим теперь к этим расходам. Как мы указывали выше, расходы по народному образованию проходят по росписи республик и по местному бюджету. Остановимся на расходах по народному образованию республик.

Согласно данным об исполнении росписи за 1924-25 год, республики израсходовали 255,693 тысячи червонных рублей. На народное образование было истрачено (в тысячах червонных рублей)[2]):

Республики:

Российская	79,715
Украинская	20,005
Белорусская	2,710
Закавказская	11,527
Туркменская.....	1,596
Узбекская	3,692
	119,245.

[1]) «Вестник Финансов». № 3, за 1925 г., «Экон. Обозрение» № 12 за 1925 г.

[2]) «Экон. Обозр.». № 12 за 1925 г. К сожалению, данных об исполнении росписи за прежние годы с распределением по группам расходов республик нет.

Таким образом, по отношению к общей массе расходов республик, расходы на народное образование составляют 46,7%. Они являются преобладающими по сравнению со всеми другими расходами (на управление и суд расходы составляли 19,2% всей суммы расходов, на земледелие — 19,7%, здравоохранение и социальное обеспечение — 14,4%).

Попробуем сравнить государственные расходы на народное образование в советской России с такими же расходами некоторых европейских государств. Указанная выше сумма в 119,2 милл. червон. рубл. в золотых рубл. составляет 59,5 милл. рубл., на душу немногим более 40 коп.[1]). В Пруссии в 1924 г. на народное образование всех видов было истрачено 323,5 милл. марок т. е. около 160 милл. зол. рубл. На душу причитается таким образом свыше 4 рубл.[2]). Во Франции по Министерству просвещения и искусств (что соответствует советскому комиссариату просвещения) на 1926 г. правительством испрашивается сумма в 1.754,6 милл. франков или около 126 милл. зол. рубл. (по курсу на 23-II 1926 г.), что на душу составляет до 3 руб. 30 копеек[3]). Таким образом так называем., буржуазные государства тратят неизмеримо больше на народное образование, чем тратят на это советские республики.

Как теперь велики расходы на народное образование по местному бюджету? Об этом говорит следующая таблица[4]):

Годы:	Расходы в милл. черв. рубл.	% отношение к общей массе расходов
1922—1923	75 (предположено)	20%
1923—1924	178 ,,	25%
1924—1925	219 ,,	26%

Таким образом по местному бюджету в 1924-25 г. на народное образование предположено затратить около 109,5 милл. зол. рубл. или на душу до 80 коп.

Мы видим, что и в местном бюджете расходы на народное просвещение занимают крупнейшее место. Как по сумме расходов, так и в процентном отношении к общей массе расходов,

---

[1]) Берем средний курс червонца в 1924—25 г. Число населения определяем по данным за 1920 г. (Народное и госуд. хозяйство в 1922—23 г.)

[2]) Данные берем из Statistisches Jahrbuch für den Freistaat Preussen. 21 том.

[3]) Данные берем из проэкта бюджета на 1926 г. (Budget général de l'exercice 1926, том IV, № 1990, Chambre des députés).

[4]) «Вестник финансов». № 3 за 1923 г.

они стоят на первом месте. И мы должны, сравнивая современные расходы по народному образованию с довоенными, указать на это сходство, заключающееся в преобладании в местном бюджете (и бюджетах республик) расходов на народное образование.

С особенною яркостью преобладание расходов на народное образование выступает, если обратиться к местным бюджетам отдельных республик. Так, в проэктах местных бюджетов на 1924-25 год расходы на народное образование составляли в процентах к общей массе губернских расходов[1]):

В губернии:	
Воронежской	32,7
Курской	34,7
Орловской	33,4
Пензенской	28,1
Рязанской	32,5
Тамбовской	26,3
Самарской	24,6
Саратовской	24,9
Чувашской области	36,2
Архангельской губернии	26,7
Вологодской	31,9
Петербургской	18,3
Смоленской	26,5
Вятской	36,5
Уральской области	33,0
Иркутской губернии	31,0
Омской	25,7
Алтайской	27,4
Дагестанской республике	18,3
Якутской области	34,2.

Ясно, что народное образование, его нужды пробиваются сквозь толщу других советских непроизводительных расходов и занимают в общем такое же место, как и прежде расходы на народное образование заниимали в местном бюджете.

Дальше мы можем установить несомненный факт роста расходов на народное образование. Рост этот наблюдается и по республиканским и по местным бюджетам. Для 1925-26 года республиканские бюджеты предполагается поднять с 244,6 милл. червонных рублей до 368,5 милл. рублей[2]). Повышение общих

[1]) Материалы бюджетного совещания. «Вестник Финансов» №№ 2—6 за 1925 г. Привожу только некоторые губернии различных частей России.

[2]) Проэкт росписи на 1925—1926 г. опубликован в «Эк. Ж.» от 27. X. 1925 г.

расходов повлечет за собой и рост расходов на народное образование. Нет сомнения в том, что увеличатся несколько и местные бюджеты, что опять таки вызовет увеличение расходов на народное образование[1]).

Если, таким образом, есть нечто общее в положении расходов по народному образованию в местном дореволюционном и советском бюджете, если наблюдается, как это было и раньше, рост расходов на народное образование, то каковы количественные отношения этих расходов в довоенное и советское время?

Ответить на этот вопрос с совершенной точностью довольно затруднительно. Затруднения заключаются в том, что стоимость золотого рубля довоенного времени иная, чем стоимость советского червонного рубля. Правда, советские так называемые плановые органы устанавливают покупательную силу червонца по общесоюзным индексам товарных цен. Но, во первых, эти индексы различны и устанавливаются различными методами, а во-вторых, они не отражают всего разнообразия положения советской валюты и ее покупательной способности в разных районах России. Это же очень существенно, так как цены товаров в разных местах России сильно различаются. Вот с такими оговорками мы попытаемся ответить на поставленный вопрос.

Возьмем для сравнения с довоенными расходами на народное образование советские расходы на это 1924-25 года. Мы видели, что общая сумма расходов на народное образование в 1913 году составляла сумму в 300 миллионов золотых рублей. Советские расходы 1924-25 года составляют сумму до 339 миллионов червонных рублей. Покупательная способность червонца в 1924-25 году по Всесоюзному розничному индексу статистики труда колебалась между 4,67—5,36 рублей (при паритете в 10 рублей)[2]). Можно считать, что в 1924-25 году червонец составлял 50% стоимости золотого рубля.

В таком случае общая сумма советских расходов на народное образование в 1924-25 году составляет 169,5 миллионов зо-

[1]) Если сравнивать расходы на народное образование по местному бюджету с соответствующими расходами по местному же бюджету в Пруссии, то сравнение это показывает, как далеко расходы советской России отстоят в этом отношении от расходов буржуазного государства. По данным, относящимся к 1917 г., в Пруссии по местному бюджету на народное образование было затрачено свыше 242 мил. марок или около 3 р. на душу. (Eheberg, Finanzwissenschat, изд. 1921 г., стр. 651).

[2]) «Экон. Обозрение» № 10 за 1925 г.

лотых рублей против 300 миллионов золотых рублей в 1913 г. Такие результаты дают нам основание сделать следующий вывод. Хотя расходы на народное образование в советской России занимают приблизительно такое же место, какое они занимали и прежде, в особенности в местном бюджете, и имеют тенденцию к возрастанию, но количественно эти расходы значительно ниже довоенных, составляя около 56,5% прежней суммы, затрачивавшейся на народное образование в России. Таково же приблизительно уменьшение расхода и на душу населения. Революционные годы нанесли, таким образом, громадный ущерб развитию дела народного образования в России, которое в последние годы до войны начинало так быстро развиваться.

Мы видели, что госуд. расходы на народное образование с 1908 г. по 1914 г. увеличились на 132 милл. рубл., возрастая таким образом в среднем в год на 18,8 милл. рубл. Земские расходы на народное образование (не считая городских) за период 1900—1913 г. увеличились на 74,2 милл. рубл., возрастая в год по 5,3 милл. рубл. Если бы коммунисты не разрушили народного хозяйства, то этот рост продолжался бы. Если бы он продолжался более замедленным темпом (после военного времени), предположим средний прирост расходов был бы в два раза меньшим, то в таком случае расходы на народное образование в 1924—25 г. достигли бы суммы до 500 милл. зол. рубл. (военные годы мы совсем исключаем). А между тем они составляют всего 169,5 миллионов рублей. Вот советские завоевания...

Но для оценки этой цифры необходимо принять во внимание выше нами указанный факт обеднения населения и затруднительности для него нести расходы на образование. Кроме того, необходимо принять во внимание, что за годы советской власти не было школьного строительства, почти не было капитальных затрат на оборудование школ, что, конечно, ухудшает условия обучения.

Дальше необходимо принять во внимание следующее чрезвычайно важное обстоятельство, без указания на которое о материальных условиях народного образования в советской России создалось бы неправильное представление. Дело заключается в том, что распределение средств по местному бюджету в настоящее время иное, чем оно было раньше. В настоящее время наблюдается большая неравномерность местных бюджетов, каковой не было в такой степени раньше.

Нижеприводимая таблица иллюстрирует это утверждение[1]).

Губернии:	Бюджеты 1914—1915 г. (в тысячах	Бюджеты 1924—1925 г. (расходы) золотых рублей)	Бюджет 1924—1925 г. к бюджету 1914—15 года в %%
Московская	61,624,5	98.615,0	160,0
Петербургская	61,373,3	45.497,1	74,2
Саратовская	15.713,5	6.144,0	39,1
Самарская	18.607,2	4.700,3	25,2
Курская	10,195,1	4.181,7	41,4
Тамбовская	11.130,2	4.576,6	41,2
Псковская	4.146,3	2.477,5	59,8
Крым (с Симферополем, Севастополем и Ялтой)	10.918,8	5.403,5	49,6
Воронежская	13.118,9	5.222,5	39,8
Симбирская	6.416,5	2.623,1	40,0

Из таблицы видно, что в настоящее время главное внимание советской власти сосредоточено на «показательных» губерниях, каковыми являются Московская и Петербургская. Бюджет Московской губ. (если доверять советской статистике) даже превосходит бюджет г. Москвы и Московского земства. Бюджет Петербургской губ. приближается к бюджету 1914—1915 г. В то же время бюджеты других губерний еще очень далеки от прежних бюджетов. Совершенно ясно, что в этих губерниях и расходы на народное образование при общей ничтожности средств далеко ниже расходов земств и городов.

Какие перспективы можно нарисовать для бюджета народного образования в будущем? Надо думать, что жажда к просвещению не угаснет. Но увеличение материальных средств для этого мыслимо лишь в том случае, если государственные и местные финансы будут освобождены от непроизводительных хозяйственных опытов советской власти и если народное хозяйство, которое создает государственные и местные доходы, получит большую хозяйственную свободу.

Как и при каких условиях это может произойти? Очевидно,

[1]) Мы берем здесь бюджеты 1914—15 г. (без уездных городов). Проект бюджетов 1924—25 г. переводим в золотые рубли путем деления на два. Берем губернии, в территориальном отношении не потерпевшие существенных изменений. Бюджеты Московской и Петербургской губ. взяты за 1923—24 г. по данным «Справочника коммунального работника» на 1925 г., стр. 309. Считаем необходимым здесь указать, что, как показывает практика, бюджетные предположения обычно выше исполнения.

только при условиях ослабления коммунистической диктатуры, ибо только действительное самоуправление, действительный контроль народного представительства над расходованием государственных средств могут освободить государственный бюджет от непроизводительных советских расходов и могут дать хозяйственную свободу народному хозяйству.

При этих условиях расходы на народное образование вырастут, и самое народное образование освободится от давления на его постановку диктаторствующей партии. А это очень существенно. Ведь можно и много тратить на народное образование, но при той его уродливой постановке, при подчинении народного образования узко партийным целям коммунистов и от больших расходов будут получаться малые результаты. Народное образование требует материальных средств, но оно требует и здоровых политических условий.

А. Марков.

Импровизационный театр, как средство педагогического воздействия.

Одной из отличительных черт, характеризуюших внутреннюю жизнь советской трудовой школы за все время ее существования, является исключительный интерес учащихся к театру, их крайнее увлечение всем театральным. Они старались, при малейшей к тому возможности, посещать театры и кинематографы, с большой радостью и энергией участвовали в различного рода школьных постановках, а многие из них — преимущественно девочки — страстно мечтали о возможности для себя в будущем серьезной сценической карьеры и т. д. и т. д. Указанное явление находит себе объяснение в общих условиях переживаемого времени и прежде всего, конечно, в том, что революционная действительность выбила из колеи и взбудоражила учащихся, у многих из них возбудив и до крайности обострив нервную систему. Создавшееся в таких случаях настроение искало себе выхода в особых, нервных, захватывающих переживаниях. Нужно затем принять во внимание, что в течение долгого времени вся домашняя обстановка учащихся была полна материальных лишений и у большинства из них окрашена в серый, безрадостный колорит. Многим живым натурам хотелось уйти от такой жизни в другой, более яркий и манящий мир, и эту возможность давал им «сладкий яд» чужого и собственного лицедейства. Нельзя, наконец, забывать и того, что надшкольные власти, с своей стороны, поощряли и развивали театральные интересы и увлечения учащихся: в течение ряда лет присылались еженедельно в школу даровые билеты в государственные театры, вводилось преподавание т. наз. драматизации, одобрялись школьные постановки.

Интерес собственно к театру стал несколько падать за два последние года, которые (в особенности, последний год) характеризуются внедрением политики во все области школьной жизни. Говорю «собственно к театру», так как театральный элемент вообще продолжал играть чрезвычайно значительную роль в жизни учащихся. Так, с одной стороны, сильнее чем когда-либо стало именно за это время увлечение их кинемато-

графом, который начали даже устраивать в помещении самых школ, а с другой стороны, при усиленной политической агитации в школах пользовались для нее, в широких размерах, подсобными театральными приемами и средствами.

Среди вышеупомянутых школьных постановок особое на себя внимание обращали опыты с устройством импровизационного театра. Одни из них не шли в этом отношении дальше самых простых и поверхностных приемов и стремлений; другие оканчивались полной неудачей, заставлявшей их устроителей отказываться от дальнейших попыток; но были затем и такие, которые оказывались вполне удачными и давали интересные и значительные результаты. В этих последних случаях, действительно, достигалось преимущество импровизационного театра: наиболее свободное и полное выявление театральной личности играющих и удовлетворение при этом присущей многим натурам способности и потребности именно к импровизационному творчеству. По этому поводу я позволю себе привести слова одного бывшего ученика советской трудовой школы, участвовавшего, в бытность свою в III-м классе 2-ой ступени, в импровизации на тему рассказа Оскара Уайльда «Кэнтервильское привидение». «Половина спектакля прошла на экспромптах и импровизациях, настолько неподдельных, что на другой день, при повторении спектакля, говорили в большинстве случаев другие слова, путали выходы, так что лица, видевшие спектакль накануне, не могли понять, каким образом некоторые места представления до неузнаваемости изменились. Спектакль имел огромный успех. «Кэнтервильское привидение» был наш первый триумф в этом году, и мы гордились им, как первой попыткой дать на сцене широкую и вольную импровизацию вместо скучного, срепетованного представления с твердо заученными ролями. Когда немного спустя поднялся вопрос о новой постановке, то мы уже чувствовали, что теперь, после Кэнтервильских импровизаций, нам нельзя было итти назад, в сторону обыкновенных постановок того, что было уже давно написано и тысячу раз представлялось на сцене, и нам хотелось чего-то нового, хотелось не только поставить, но и сочинить что-нибудь своими силами».

Интересуясь школьными постановками импровизационного театра, я убедился, что таковой не только является чрезвычайно интересным явлением в чисто театральном отношении, но и может быть, при известных условиях, успешно применен

и использован как средство непосредственного педагогического воздействия на учащихся. В этом отношении очень поучительным был для меня опыт, сделанный в одной из больших и интересных трудовых школ Петрограда (б. 3-ей Петерб. Гимназии, ныне 13 Сов. школе) работавшим в ней очень даровитым и оригинальным педагогом Николаем Павловичем Ижевским (вскоре затем безвременно погибшим), и о нем-то мне казалось небесполезным рассказать на страницах настоящего журнала. В данном случае дело было, прежде всего, в том, что в III классе 2-ой ступени, где Н. П. Ижевский состоял воспитателем (являясь, кстати сказать, истинным другом своих питомцев), шесть выдающихся учеников, в возрасте от 14 до 16 лет, влюбились в четырнадцатилетнюю ученицу другого класса, увлекшую их своей миловидной внешностью и своим полу-детским кокетством. Мальчики не имели никаких тайн от своего воспитателя и в данном случае скоро ознакомили его с дневниками, письмами, стихами и всем тем, что имело непосредственное отношение к их «роману». Он первый из педагогического персонала узнал, что для каждого из шестерых влюбленных (говоря словами одного из них) «самыми дорогими были инициалы «Н. П.», которые нещадно вырезывались перочинным ножом чуть ли не на всех партах и украшали все стены класса», что «все разговоры неизменно сводились к одному и тому же разговору о «ней», что все, что связывалось с «ее» именем, обладало животрепещущим интересом и почти ничего, кроме «нее», не существовало в то время для впервые влюбленных. Один за другим завязывались романы, сплетались друг с другом, сталкивали дружбу с изменой, притворство и ложь с искренними чувствами, запутывая все больше и больше взаимные отношения, заставляя чуть ли не в один и тот же день говорить совершенно разными словами об одном и том же. И незаметно, но бесповоротно, роковым образом сказалось все это на дружбе тех шестерых, которые составляли единую и нераздельную, как казалось, шестерку; сначала это способствовало как будто еще большему сближению друг с другом, потом стало наступать заметное охлаждение, образовывались более тесные группы по два, по три человека, состав их беспрестанно менялся, натянутые отношения быстро сменялись особо короткими, черезчур дружескими, в большинстве случаев остававшимися, однако, искусственными отношениями. Эти переживания, эта игра, не то в шутку, не то в серьез, этот маленький театр, который устраи-

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1925 - 1926
Číslo výtisku: 18
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 597 - 616

SYSTEM KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

вал каждый для себя — наполняли жизнь не только шестерки, но и тех, участие которых сначала во всем этом не обнаруживалось, а потом совершенно случайно открылось. И если отбросить нескольких человек, которые никогда в классной жизни участия не принимали, то можно сказать, что почти весь класс жил одним и тем же.

И вот, при таком положении дела, озабоченному классному воспитателю пришла совершенно невероятная, на первый взгляд идея: инсценировать весь этот необычайный «роман», со всеми его сложными перепитиями, с тем, чтобы участники его изобразили самих себя, со всеми их интимными переживаниями, на подмостках школьного театра. И идея эта, после первых недоумений и возражений заинтересованных лиц, была ими единогласно одобрена, причем решено было облечь весь романтический материал в форму комедии del'arte, разыгрывающейся на фоне карнавала. Затем приступили к делу и начался ряд репетиций, о которых один из участников записал потом много интересных подробностей. «В строгом смысле слова их нельзя было назвать репетициями — например, первая репетиция была почти исключительно посвящена разрешению некоторых сценических проблем. Дело в том, что, приняв комедию del'arte, как скелет для расположения материала, мы себя связали некоторыми обязательствами относительно действующих лиц; попросту говоря, нам пришлось вкладывать в схему содержание, в сильной степени ей не соответствующее. Наши действующие лица не укладывались в роли Арлекина, Пьеро и т. д., как по характеру отдельных участников, так и по некоторым сценическим требованиям. Наша постановка была очень строгой инсценировкой действительности: все, даже чрезвычайно мелкие эпизоды явились отражением действительно случившегося, и действующие лица, поскольку возможно, играли самих себя. Этими соображениями объясняется введение в комедию del'arte доктора Фауста, «человека без маски», разговора о естественности и лжи в любви и т. д. С другой стороны, некоторые детали были внесены из соображений чисто сценических, в целях скрепления и объединения отдельных эпизодов, а также ради оживления инсценировки; таковыми, например, явились введение пролога, Мага и его ученика и т. д. Основной задачей репетиций была выработка сценария, и эта задача была проведена исключительно на репетициях. Ролей не было. Каждый сам творил то, что считал нужным, каждый сам творил свою

роль. И эта задача оказалась весьма затруднительной. Очень трудно даже составить представление о том, что заключается в задаче «играть самого себя», это очень и очень сложная задача. Поскольку мы ее разрешили, нам сказать трудно. Но все же несомненно, наиболее трудной, наиболее неблагодарной задачей представлялась выработка сценария. Технически она производилась непосредственно на репетициях — актеры играли, не участвовавшие в данных сценах вносили свои поправки и предложения, и мало-по-малу, кирпич за кирпичем, создавалось здание нашей инсценировки. Это была до крайности невзрачная и в то же время колоссальная работа. Надо принять во внимание, что участвующие все были весьма юного возраста, 15—16 лет. Было лето, хотя еще и шли учебные занятия; времени было мало». Указав далее ряд технических и иных затруднений, тот же участник спектакля заканчивает следующим итогом: «Словом — было отчего притти в отчаяние и актеру, и режиссеру, и автору. Актеру — от трудности (в сценическом отношении) его роли и от неопределенности ее, и благодаря тому, что ему приходилось играть самого себя; режиссеру — от недостатка технических средств, от невыработанности сценария; автору — от чрезвычайной затруднительности согласовать свои замыслы с требованиями актера и режиссера, и если теперь принять во внимание, что актер, режиссер и автор — все трое совмещались в лице каждого из артистов, станут до некоторой степени понятны те трудности, которые нам пришлось преодолеть и которые не могли не отразиться на пьесе, придав ей некоторую неоднородность в структурном отношении, некоторые длинноты и другие сценические недостатки. Я и сейчас с удивлением думаю, каким образом нам удалось перешагнуть через все эти затруднения, и полагаю, что громадную, исключительную роль в этом сыграл наш руководитель, который своим настойчивым и неутомимым преследованием цели, своей энергичностью и неунывающей бодростью заразил исполнителей; благодаря ему в сравнительно короткий срок была проведена выработка сценария и срежиссирована с психологической, а отчасти и с внешней стороны общая композиция инсценировки».

Получившаяся в результате всего этого импровизационного коллективного творчества пьеса была озаглавлена «Так было — так не было» и представлена в школе 25 июня 1921 года. На многих из нас, смотревших эту постановку, она про-

извела чарующее и прямо-таки незабываемое впечатление. В этом отношении я приведу отзыв о ней большого знатока и философа театра Н. Н. Евреинова: «Я видел спектакль этой пьесы и считаю его счастливым событием в моей жизни, — жизни профессионально-театрального мастера, так как впервые узрел на этом спектакле невиданную мной до тех пор автобио-реконструктивную маску, соборно явленную не «для себя» только, а и «для других»... Играли хорошо, но... ведь это же были не актеры, к которым приложима обычная мерка! Декорационное обставление сцены было недурно, просто, со вкусом, в мудром расчете на условную минимальность... но опять-таки ведь это же была не сцена, а только эстрада актового зала бывшей... гимназии!... Костюмы, хоть и буквально сшитые из лоскутов, в общем вполне отвечали карнавальности действа, но... «подходить» к ним, как к нарядам из театральной гардеробной, по эскизам художника ad hoc выполненным, разумеется, не приходится! И то-же можно сказать про текст (all'improviso), про музыкальное сопровождение, про грим, про танцы и вообще про всю пластическую сторону спектакля «Так было — так не было». Но в этом спектакле заключен был интерес, куда более притягательный, чем даже в самом безукоризненном представлении виртуозно сыгравшейся первоклассной труппы. И я без всякого преувеличения скажу, что если бы меня тогда, накануне 25 июня 1921 г., позвали на спектакль, поставленный самим Гордоном Крэгом или Максом Рейнгардом, при участии Шаляпина, Сары Бернар, Элеоноры Дузэ и им подобных, я бы все-таки пошел на спектакль «Так было — так не было», представленный юнцами-любителями, да еще под руководством театрала-любителя, потому что здесь меня ждало совершенно новое, в своем задании и в своей реализации, зрелище: — соборно срепетованный и публично представленный спектакль *новых масок*, неизвестный еще в истории театра и имевший конечной целью смелый и высокий в своем замысле педагогический эксперимент».

Что касается до результата рассказанного опыта, то он вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды. По словам руководителя постановки, «роман был сценически изжит», и они стали «равнодушны к предмету своего увлечения; а некоторые так даже слишком *трезво*, пожалуй, критиковали игру Н. П., — и не сегодня-завтра эта критика от игры на сцене должна была перейти к игре партнерши в жизни». «Словом»,

замечает по этому поводу уже цитированный мною Н. Н. Евреинов: «любовное наваждение, гнетущее, не взирая на всю свою сладостность, вредное своей скороспелостью для слишком юных душ, опустошительное для них самим обогащением их преждевременным «любовным опытом», наваждение, создавшее ненормальную атмосферу класса, искусственный язык между закадычными друзьями, бесплодное раздражение нервной системы и, наконец, просто помеху учебным занятиям, — это наваждение было легко, красиво и мудро рассеяно *чарами театра* по инициативе и под руководством высоко-просвещенного, гуманного и смелого в своих опытах педагога».

Я должен, однако, заметить, что среди педагогического персонала не мало было лиц, которые, не отрицая интересности выше описанной постановки в театральном отношении, не одобряли ее с чисто педагогической точки зрения: они находили, что интимные отношения учащихся не должны, по самому существу своему, становиться предметом школьной инсценировки. Не отрицая, с своей стороны, ответственности и известной рискованности подобного рода постановок, я все же полагаю, что вопрос об их допустимости и желательности должен разрешаться не по общетеоретическим соображениям, а в зависимости от конкретных фактических условий каждого данного случая (и в особенности, быть может, от такта, чуткости и таланта руководителя). В настоящей же статье мне хотелось лишь — на живом примере действительности — напомнить и подчеркнуть характерную особенность серьезно поставленного «импровизационного» театра: возможность для его участников более сильного, чем в каком-либо другом виде драматического искусства, выявления своей личности и изживания ими, посредством театральной игры, некоторых владеющих ими в жизни эмоций. При наличии такого свойства импровизационного театра он, конечно, в целом ряде случаев — сейчас я не буду касаться вопроса о том, в каких именно — может явиться ценным средством непосредственного педагогического воздействия.

Б. Плаксин.

Русская школа в Маньчжурии.

В связи с политическими событиями в Маньчжурии своевременно остановить внимание на судьбах русской школы, воспитывающей на этой далекой окраине молодые русские поколения. — Пишущий эти строки пять лет учительствовал в Харбине, с падения власти Верховного Уполномоченного в Полосе Отчуждения Кит.-Вост. ж. д., ген.-лейт. Хорвата, — до заключения Московско-Мукденского соглашения, по которому соввласть добралась наконец и до К.-В. ж. д. Поэтому настоящий очерк ограничивается обозрением именно этого периода 1920—1925 гг.

* *
*

Волна беженцев, ползшая с восточных губерний России, задерживаясь в крупных и мелких городах вдоль Сибирской магистрали, с падением Иркутска, последнего оплота Временного Правительства адм. Колчака и сменившего его Политического Центра, поползла дальше на Восток, по направлению магистрали, к Харбину и Владивостоку.

В этом наплыве «племен, наречий, состояний», ежедневно эшелонами прибывавших в Харбин, значительный процент составляло учительство. Оно же одним из первых в Харбине начало и организовываться. Уже в марте месяце 1920 г. в местной прессе появилось объявление инициативной группы, подписанное преподавательницей К. В. Шендриковой, с призывом к объединению и деятельности. Призыв нашел отклик среди учителей-беженцев, и Союз Городов, наладивший еще раньше свою работу в Харбине, образовал *Педагогическую Секцию*, отпустив некоторую сумму на организационные расходы. Секция быстро пополнялась вновь прибывавшими и теперь регистрировавшимися в ней педагогами. — Насчитывая в своей среде квалифицированных преподавателей по всем предметам средней школы и соображаясь с большим числом учебных заведений в Харбине, Пед. Секция решила использовать приближавшиеся летние каникулы и открыть Летнюю Подготовительную Школу для переэкзаменовочников и вновь поступающих в местные школы.

Учебн. Отдел К.-В. ж. д. предоставил П. Секции на лето одно из зданий ж.-дорожных школ, вместе с школьной мебелью; Союз Городов дал субсидию на публикации, канцелярские и другие расходы, и Летняя Подготовительная Школа открылась.

Я намеренно подробнее остановился на этом моменте, т. к. это был первый шаг новоприбывшего учительства, имевший огромное значение как для него самого, так и для русской национальной школы в Полосе Отчуждения К.-В. ж. д.

* *
*

К началу 1920 г. учебное дело в Харбине и на линии, представлялось в следующем виде. Китайская-Восточная ж. д., как частное предприятие, обеспечивала детям своих служащих бесплатное образование в низших и высших начальных училищах. В частности, по поводу высших начальных училищ в правящих кругах существовало сомнение, не достаточно ли для Дороги одних низших. — В Харбине насчитывалось 3 низших и 2 высших нач. училища. На линии, на запад от Харбина, до ст. Маньчжурии, — на восток, до ст. Пограничной, — и на юг, до ст. Куаньченцзы — на всех более крупных станциях имелись низшие и известное число высших начальных училищ. Все они управлялись Учебным Отделом в Харбине, во главе которого стоял Начальник и его помощник. Учебному же Отделу подчинены были и поселковые школы и гимназии, в пригородах Харбина и на линии, пользовавшиеся от Дороги субсидией и зданиями. Имелось в Харбине еще одно, содержавшееся на счет Дороги, но Учебному Отделу не подчиненное, Коммерческое Училище и, кроме того, гимназия имени ген.-лейт. Хорвата, пользовавшаяся для своего гигантского здания субсидией от Дороги натурою (отопление, освещение).

Город имел свои школы — тоже только низшие и высшие училища, — управлявшиеся Учебным Отделом при городском самоуправлении и Школьной Комиссией.

Таким образом, ни Дорога ни Город не имели своих средних учебн. заведений. Этот недостаток с избытком восполняла частная и общественная инициатива: в Харбине к 1920 г. было (не считая упомянутой гимназии имени г.-л. Хорвата) 7 средних учебн. заведений — мужских и женских, классических и реальных (гимназии Андерса, Генерозовой, Дризуль, Оксаковской, Вечерняя для взрослых, Общественная, Реальное смешанное училище), из которых одни, как состоявшие прежде в ведении М.Н.П., хотя теперь уже несколько лет функционировавшие вне всякого контроля и наблюдения, продолжали «пользоваться правами правительственных гимназий» или «правами для учащихся», — другие же, возникшие в период смуты, озабоченно искали той власти, от которой и они могли бы получить право на подобную фирму, имевшую большое преимущество в глазах колеблющегося родителя.

Польская колония, прежде очень многочисленная, содержала свою, польскую гимназию имени Г. Сенкевича. — Татарское купечество поддерживало свою, татарскую школу. — Несколько позднее возникла Украинская гимназия. — Грузинский яз. и история преподавались в Реальном Смеш. Училище.

Таков пестрый состав харбинских школ, который еще более испещрится, если включить в него и все многочисленные школы китайские, японские и возникший позже Русско-Японский Институт.

В марте 1920 г., когда учителя-беженцы только что вздохнули от всех оставшихся позади ужасов социальной катастрофы и стали организовываться, чтобы в свободной атмосфере Полосы Отчуждения начать свою привычную профессиональную работу, — вслед за беженской, докатилась до Харбина волна революционная.

Находясь на самой почти окраине Азиатского материка, держа внешнюю связь с метрополией лишь посредством тонкой паутинки Сибирской магистрали и телеграфа, паутинки, которая, в годы гражданской войны, постоянно и иногда надолго обрывалась, захолустный и глубоко провинциальный Харбин и линия (около 20.000 железно-дорожных агентов, не считая частного населения) понятия не имели о том, что делалось не то что в России, а даже в соседней Сибири, почерпая сведения о русских делах из японской и английских (выходивших в Китае) газет.

Железно-дорожные агенты (низшие, ибо о старших и говорить нечего), обеспеченные среди баснословно дешевой жизни высокими окладами, казенными — с отоплением и освещением — квартирами (а многие предпочитали еще отказаться и от квартиры, чтобы из получаемых в таком случае квартирных денег снимать за бесценок частную квартиру), живя полным домашним хозяйством (коровы, свиньи, домашняя птица, огородик, садик, летн. кухня — словно не в городе, а где-нибудь на ферме), в конец обленившиеся, распустившиеся, нерадивые к службе под патриархальным управлением «Бороды» (ген. Хорвата), вдруг, словно очнувшись, разом почувствовали над собой гнет генеральского режима, вдруг стали, по меньшей мере, единомышленниками коммунистов и стали требовать удаления с Дороги ген. Хорвата.

Возникшая незадолго перед этим «конференция» харбинских профессиональных и общественных деятелей, издававшая под этим именем и газету, повела компанию по организации забастовки, которая должна была свергнуть генерала, превратившего Полосу Отчуждения в «Хорватию».

В марте и раздался тот многообещавший исторический гудок с харбинских Механических Мастерских, где работают тысячи железнодорожных рабочих, который возвещал начало забастовки, а после достижения победы должен был повестить и прекращение ее. — Результат известен: выгоду, как всегда при драке двоих, извлек третий-радующийся, т. е. ни демократия, ни Хорват, а Китай. Пользуясь несуществованием больше ни царского правительства, заключившего с Китаем договор о К.-В. ж. д., ни объявившего себя Временным Всероссийским Правительства адм. Колчака и полной, следовательно, безопорностью уцелевшего представителя обоих режимов, — с другой стороны, прислушиваясь к неудовольствию ген. Хорватом русского населения, китайское военное командование сместило

ген. Хорвата, как политического и административного деятеля К.-В. ж.д. Забастовку же приказало прекратить.

После этой легкой победы Китайское правительство, уже в порядке указа, объявило себя, до появления признанного хозяина, опекуном К.-В. ж. д., а все русское население — лишенным права экстерриториальности, со всеми вытекающими следствиями.

* *
*

Учителя Кит.-Вост. ж. д., объединенные в «Учительский Союз К.-В. ж. д.», принимали в этой печальной забастовке, раньше времени приведшей к крушению и русское национальное дело и русский авторитет на Дальнем Востоке, самое деятельное участие, как вхождением в конференцию, так и агитацией среди родителей и даже среди детей в самой школе, в частности, и против Учебного Отдела, в лице его начальника, Н. В. Борзова, и помощника — Д. А. Дьякова.

Учебный Отдел повел борьбу с педагогами, забывшими свои обязанности и восставшими против него: учителя, бойкотировавшие Учебный Отдел, отказывавшие и в подчинении ему и в сношениях с ним, не принимавшие и не исполнявшие его распоряжений, овладевшие ключами школьных зданий и казенными печатями, — были объявлены уволенными. (То же наблюдалось и в городских школах, где учителя и учительницы, даже дьякон (законоучитель) не пускали Школьную Комиссию в классы, не исполняли письменных предписаний и т. п.).

Борьба с вышедшим из повиновения учительством затруднялась, с одной стороны, тем, что родительская масса (т. е. та незначительная, но активная группа, которая всегда и везде присваивает себе право выражать мнение всех) поддерживала учителей, с другой, администрация дороги, перепуганная забастовкой, не решалась ни на какие твердые меры, а, с третьей, китайская полиция, к которой она обращалась за содействием — не пускать в школы уволенных учителей, не считала необходимым поддерживать авторитет русских органов.

Вопрос решило время: весна приходила к концу, а с ней и учебные занятия в школах. Уволенные учителя, выдав выпускным классам аттестаты на захваченных бланках и «с приложением казенной печати», — без школьных занятий и без жалования — разбрелись.

Учебный Отдел — один, среди всего аппарата администрации, не поддавшийся панике, твердыми мерами за лето восстановил положение: объявил выданные уволенными учителями аттестаты — недействительными, назначил в течение лета новые испытательные комиссии и провел экзамены беспрепятственно.

Пользуясь тем, что Харбин был наводнен учителями средней школы, прибывшими и все прибывавшими из России и Сибири, Учебный Отдел приглашает из только что возникшей при Союзе Городов Педагогической Секции учителей-беженцев

на должности учителей и заведывающих в. нач. училищами, замещая освобождающиеся и вновь открывающиеся вакансии квалифицированными педагогами российских средних учебных заведений.

* *
*

Между тем Летняя Школа, придуманная Пед. Секцией как временный заработок для скопившихся в Харбине безработных учителей-беженцев, вела дело блестяще. И едва ли не сами учащиеся в ней, при мысли о предстоящем к осени прекращении занятий, заронили ту идею, чтобы и впредь учиться в этой — «своей» — школе. Родители тоже не могли нахвалиться работой школы и тоже все чаще и чаще высказывали пожелание и в будущем видеть своих детей в руках тех же педагогов. — Насколько Летняя Школа успела завоевать популярность в Харбине, лучше всего свидетельствует тот факт, что через месяц ее работы Учебный Отдел К.-В. ж. д. почти в полном составе пригласил работавших в ней педагогов на службу на Кит.-Вост. ж. д.

Мысль о собственном учебном заведении улыбалась и самим педагогам. И еще летом учителя и родители учащихся в Летней Школе детей образовали общество для учреждения и содержания Новой Смешанной Гимназии, а 13 сентября она торжественно — в присутствии всех высших представителей администрации Кит.-Вост. ж. д. — открылась в составе I—VII классов. Учебн. Отдел Дороги принял новую гимназию в свое ведение и предоставил ей в бесплатное пользование — во вторую смену — помещение, которое раньше занимала Летняя Школа, а педагогам, принятым на Дорогу, разрешил, как учредителям, работать и в своей гимназии.

Открытие Н. См. Гимназии явилось фактом, чреватым для Харбина многими благими последствиями. Прежде всего, в лице этой гимназии харбинское общество получило, наконец, первое образцово в педагогическом отношении поставленное среднее учебное заведение, которое очень скоро оказало влияние на все местные учебные заведения, не пользовавшиеся даже среди харбинцев уважением и окрещенные ими же, как «лавочки аттестатов». Последнее вполне понятно: в Харбин, окраинный город, которому и сейчас всего 27 лет, до войны никто из учителей добровольно не стремился, и в местных учебных заведениях ощущался такой недостаток педагогических сил, что приходилось восполнять этот недостаток лицами других профессий. Рядом с одним-двумя преподавателями-профессионалами, в средних учебных заведениях выступали в роли педагогов студенты, доктора, инженеры, ксендзы (латинск. яз.), ветеринары, даже полицейские надзиратели, а в одной мужской гимназии Закон Божий (в младш. классах) преподавала девица, курсистка. — Теперь, чтобы не отстать от Нов. Смеш. Гимназии,

все эти учебные заведения подтягиваются, освежают свой преподавательский состав новоприбывшими силами.

Но влияние Н. См. Гимназии не ограничилось одним только этим равнением на нее старых учебных заведений г. Харбина: по ее примеру и типу, вслед за нею, возникает в городе целый ряд новых средних учебных заведений, — в числе даже превышающем существующую потребность: Смеш. Гимназия Союза Учителей К.-В. ж. д. (нового); Русско-Китайская гимназия; Реальное училище «Озо» (Общ. Заамурских Офицеров); Гимназия Ломоносовская; Пушкинская; Модягоуская; Смешанная вечерняя; Вечерняя при женской гимназии Оксаковской; Объединенная; две методистких; Союза Христианской Молодежи; II Коммерческое Общественное училище, — т. е. с Нов. Смешан. Гимназией целых 12 новых школ (гимн. Союза Учит. и Русско-Китайская вскоре закрылись), что, с ранее основанными, составляет около 20 — на город, насчитывающий до 80.000 русского населения, где основной и наиболее обеспеченный элемент — железнодорожники — по традиции обучал детей своих в Коммерческом училище и гимназии имени ген. Хорвата (в этих двух училищах ежегодно числилось свыше 2000 учащихся!).

И тем не менее, не смотря на такое обилие вновь возникших средних учебных заведений, все они (кроме двух уже упомянутых) существуют и работают и сейчас. Правда, ни одно не благоденствует, имея, в общем, по 120—180 учеников (только Новая Смешанная Гимназия насчитывает 300); правда, педагоги регулярно из года в год не дополучают летнего содержания — и все же везде идет живая педагогическая работа.

Глубоко-захолустный Харбин, неузнаваемо преобразившийся в те первые же 2—3 года, что он дал приют тысячам беженцев, обязан беженскому учительству тем, что впервые м. б. за 20 с лишним лет своего существования он имеет теперь для своих русских детей настоящую русскую среднюю школу, вместо бывших до того школьных торговых предприятий.

* * *

Учебный Отдел К.-В. ж. д., обновленный свежими педагогическими силами, готовыми здесь, в этой Полосе Отчуждения от всероссийской разрухи, после нескольких лет скитания и размышления над виденным, создать оазис русской культуры, проявляет кипучую деятельность, тесно в этот период связанную с именем пом. Нач. Уч. Отд. — Д. Дьякова. — Так, летом же 1920 г. усиленно работает назначенная Учебн. Отделом комиссия по пересмотру школьных программ низших и высших начальных училищ, чтобы с осени начать занятия по новым программам. Впервые в жел.-дор. школах Полосы Отчуждения отводится выдающееся место предметам, бывшим доселе в загоне — гимнастике, пению и рисованию. Вводится изучение английского яз. В основу программ положен трудовой принцип.

Наряду с предметами общеобразовательными вводится — для девочек — практическое рукоделие, в широком смысле и масштабе, а для мальчиков — ремесло (через 4 года I Высш. Нач. Уч. в Харбине имело уже свои оборудованные мастерские, где ученики работали по дереву, металлу, по переплету и картонажу, по набивке чучел и т. д.; ученические мастерские собственными силами исполняли ответственные заказы на школьную мебель, на приборы по физике, естествознанию). Нѣсколько позже был введен в расписание школьных предметов научный кинематограф; организованы ежегодные всешкольные весенние спортивные праздники.

Новыми программами низшие и высшие начальные училища преобразовались в школы I и II ступени, каждая с законченным характером даваемого образования. В дальнейшем, после проверки программ на опыте и необходимых исправлений, Уч. Отд. предполагал осуществить на Дороге и III ступень, для которой уже имелся в его распоряжении и кадр учителей-специалистов, занятых сейчас во II ступени.

Новые учителя, все время вливавшиеся в жел.-дор. школу, создают, взамен Учительского Союза, который после провалившейся забастовки растерял и своих членов и свой авторитет, новый «Союз Учителей К.-В. ж. д.». Энергией и деятельностью своих руководителей Союз Учителей К.-В. ж. д. добивается у Дороги оздоровления самого Учебного Отд., где должность Начальника Уч. Отд. совмещалась с должностью Директора Коммерческих Училищ (мужск. и женск.), при чем Коммерческое Училище не находилось в ведении Учебного Отдела. Обе эти должности совмещал в своем лице Н. В. Борзов, выдающийся педагог и администратор, образцово поставивший свое Коммерческое Училище, куда отдавал все силы, внимание и симпатии, благодаря чему училище это из года в год росло и богатело, тогда как жел.-дор. школы на линии и в Харбине сиротствовали и, если были в описываемое время кому обязаны, так только упомянутому уже помощн. Нач. Уч. Отд., Д. Дьякову. — Союз Учителей добился перед Правлением Дороги разъединения этих двух ответственных должностей, в результате чего Н. В. Борзов, не пожелавший расстаться с своим любимым детищем — Коммерческим Училищем — отказался от должности начальника Уч. Отдела, и его место занял его помощник Д. Дьяков.

С новым главой Уч. Отдела возобновляется давно остановившееся школьное строительство: на линии и в Харбине строится несколько образцовых школьных зданий. — Высших начальных училищ, о самом существовании которых еще недавно возбуждался вопрос, теперь в Харбине уже не 2, а 4, при чем все классы имеют по 2, по 3 параллельных.

Смета Уч. Отдела, уже много лет не превышавшая 45.000 золотых рублей, теперь в короткий срок скакнула до 200.000 зол. рублей. Д. Дьякову и Начальнику Дороги, инж. Б. В.

Остроумову, рисуется в недалеком будущем смета уже миллионная: когда Россия наконец сбросит с себя иго своих поработителей, Китайская-Восточная ж. д., с ее образцовыми и многочисленными к тому времени школами, вернет разоренному своему Хозяину полученный от него и приумноженный талант...

Чтобы не зависеть от случайностей книжного рынка и иметь для своих школ руководства, согласованные с новыми программами, Уч. Отделом намечается и начинается школьное издательство учебных пособий.

С беженцами в бедный книгами Харбин приехали в изобилии и книги, и иногда такие, которые не то что в Харбине, а и в Петербурге и Москве разве только у хороших антикваров найдешь. Уч. Отдел буквально ограбил Харбин, скупая в книжных магазинах и у частных лиц все наиболее ценные и интересные издания для библиотеки Уч. Отдела, многие годы удовлетворявшейся одной комнатой, а теперь задыхавшейся в этих 4-х стенах, где не оставалось уже ни одного свободного кв. вершка.

Все время расширяя рамки своей деятельности, Уч. Отдел идет навстречу духовным потребностям линии: организуются три передвижных библиотеки, три «вагона-библиотеки», курсирующие по Западной, Восточной и Южной линиям. — К ним присоединяется потом такой же передвижной кинематограф со штатом лекторов.

Наконец, видя бесконтрольное и безответственное ведение школьного дела в частных харбинских средних учебных заведениях, Уч. Отдел постепенно и на них распространяет свой надзор и контроль. — Марка Учебн. Отдела в эту пору ценится в Соедин. Штатах Америки так высоко, что только те молодые харбинцы попадали беспрепятственно в высшие американские школы, на чьих аттестатах стояла печать Уч. Отдела К.-В. ж. д., аттестаты же, выданные другими учебными заведениями, хотя бы даже и «с правами правительственных», но если они не состояли в ведении Уч. Отдела К. В. ж. д., американцы не считали для себя действительными. — И ближайшие соседи «Кавежеде» интересуются ее школами: экскурсии китайских, японских, филиппинских педагогов знакомятся с постановкой русского учебного дела в Маньчжурии.

* *
*

Вместе с учительством — не в такой, конечно, пропорции — проникает в Харбин и профессура. Одним из первых приехал, спасаясь после иркутской катастрофы, проф. Н. В. Устрялов печальной известности (до него в Харбине проживал только один профессор — В. В. Ламанский). Потом появляются профессора Г. К. Гинс, Миролюбов, Миронов, Абросимов, Петров(†), Никифоров, Морозов, Зандер, Рязановский, Энгельфельдт, Н. А. Стрелков, Индрисон, Ст. В. Кузнецов. Между прочими это наличие в Харбине профессуры было Уч. Отдел. тоже исполь-

зовано: он организовал ежегодные летние Педагогические курсы для учителей железно-дорожных школ. Еще раньше, по мысли Н. Борзова, возник в Харбине Юридический факультет, уже давший прошлой весной первый выпуск харбинских юристов.

Обилие в Харбине прибывших из России лиц с высшим техническим образованием приводит к открытию в Харбине Русско-Китайского Политехникума, который тоже скоро даст первых харбинских инженеров.

Изобилие врачей (в одной только газете «Заря» ежедневно публикуется около 70 врачей!) и избыток ежегодно кончающих среднее учебное заведение молодых людей, которым негде получить дальнейшее образование и из которых не все же идут на юрид. фак. или в Политехникум, привели к открытию в Харбине Высшей Медицинской Школы. Наконец, совсем недавно, минувшей осенью, открылось в Харбине еще одно высшее учебное заведение — Педагогический Институт. А несколько раньше Союзом Христианской Молодежи открыт в Харбине Народный Университет. Все это сделано беженцами в те 4—5 лет, что они обосновались в Харбине.

* *
*

К сожалению, тот горячий румянец, который играет на щеках чахоточного, свидетельствует не о возвращающемся к нему здоровьи, но, напротив, о приближении рокового конца. Что-то аналогичное узнаешь теперь, оглядываясь назад, и в этом лихорадочном росте и расцвете культурных начинаний в обреченном Харбине.

Харбин, по территории китайский, по населению и жизни в нем — совершенно русский город: в этом его особенность и его судьба. Будь он в России — СССР, он давно уже был бы обезличен, как те «обезличенные бобы», перевозка которых сотавляет главную статью на К.-В. ж. д., — здесь же, в Маньчжурии, в сутках езды от русской границы, он продержался 4 года вне пределов досягаемости советской власти, хотя она и давно до него добиралась. С другой стороны, и китайцы, так легко в дни «мартовской» забастовки ликвидировавшие русский суверенитет в Полосе Отчуждения, ведут с тех пор планомерную политику вытеснения русского влияния в этом, среди мертвой пустыни, русскими созданном грандиозном коммерческом и культурном предприятии, которое оценивается сейчас в миллиарды золотых рублей.

И вот первое, что вскоре почувствовала русская жизнь в Маньчжурии, а несколько позже и русская школа, в частности, — было то, что потом получило название китаизации К.-В. ж. д. — В настоящем очерке не место распространяться о фактах китаизации вообще, а лишь постольку, поскольку это относится к русской школе.

Прежде всего, в самом Уч. Отделе создается дополнительная, дотоле не существовавшая должность китайского помощника Начальника Уч. Отд., а затем и китайского инструктора по народн. образованию. — В течение 2—3 последних лет в Харбине появляется целый ряд китайских школ мужских и женских, содержащихся на средства Дороги. А для одной своей женской гимназии Китайским Штабом захвачено великолепное огромное здание в несколько этажей, принадлежавшее О-ву Заамурск. Офицеров (ОЗО), где помещалось в последнее время реальное училище того же имени, с предписанием Училищу и персоналу в определенный срок очистить здание. Мотивировался этот захват тем, что здание в прежнее время занималось военными, а с ликвидацией русской военной охраны на Дороге все военные постройки перешли в распоряжение сменившей русскую китайской охраны.

Года два тому назад в Харбине было учреждено Китайское Поселковое Управление и при нем Китайский Учебный Отдел, который объявил все школы «иностранных резидентов» находящимися в его ведении. Всем частным и общественным русским школам было предложено в определенный срок зарегистрироваться. Во главе Учебн. Отд. стоит китаец, по русски не говорящий, и при нем один русский инспектор, говорящий по китайски. А так как Кит. Уч. Отдел, кроме регистрации, присвоил себе право разрешать или не разрешать открытие новых русских школ, закрывать существующие, утверждать выборы директоров, приглашение и увольнение преподавателей и т. д., то легко себе представить, какие недоразумения, какие злоупотребления могли возникать при переписке на китайском яз. и при единственном русском докладчике. Они уже и имели место.

Помимо этого Учебн. Отдела при Кит. Поселк. Управлении, который ревизовал школы, назначал своих представителей на экзамены и т. д., русские учебные заведения были подчинены еще и другому надзору со стороны китайцев, — это была Канцелярия Главноначальствующего «Особого Района Трех Восточных Провинций» (как теперь была переименована китайцами Полоса Отчуждения К.-В. ж. д.), при которой имеется тоже школьный отдел со своим (тоже единственным) русским инспектором, докладывающим своему начальству по китайски, тоже инспектирующим школы и т. д.

И все-таки, в общем, если не переоценивать значения отдельных фактов, эта китаизация, выражаясь лишь в известных, правда, по старой памяти, иногда чувствительных для национального самолюбия, внешних ограничениях, совсем не посягала на внутренний уклад и характер, на душу русской школы. И, хотя теперь нам часто подчеркивалось, что школа русская — в гостях, на чужой земле, но эта чужая — Китайская земля, оказывая гостеприимство «иностранным резидентам» (обезличенные бобы!), в то же время охраняла пользовавшихся этим го-

степриимством от тех, у кого и на чужой земле чесались руки насильничать, как у себя, на своей.

* *
*

Гораздо, конечно, зловреднее и разрушительнее для русской школы и жизни в Полосе Отчуждения был натиск со стороны России — СССР, так называемая «советизация».

Летом 1924 г., в совершенной тайне, состоялось второе соглашение Москвы с Китаем, вернее, с генерал-губернатором трех Восточных Провинций. Сущность соглашения состояла в принципе паритета договаривающихся сторон, который отныне должен был проводиться на Дороге, где прежде китайцы составляли лишь незначительный процент. Это было умаление России, из полновластного хозяина этого русского предприятия сводившейся до роли совладельца. Но СССР-ия не Россия, и ей важно было лишь во что бы то ни стало получить доступ к Дороге. И к половинке доступ она получила.

С первых же арестов (вопреки декларативному заверению, что арестов не будет) представителей высшей администрации — инж. Б. В. Остроумова, Н. Л. Гондатти, г. Михайлова — все притаилось и с напряжением ожидало дальнейших шагов новых хозяев на Дороге. В частности, школа раньше других ожидала внимания к себе. Но большевики, не желая сразу же произвести дурное впечатление на иностранцев и раньше срока всполошить «осиное гнездо», как они величали «белобандитский» Харбин, на первых порах не тронули школы, оставив даже проф. Н. Никифорова — пом. Начальника Уч. Отд. — исполнять обязанность Начальника (после ухода Д. Дьякова и его отъезда в Америку).

Однако это неустойчивое равновесие не могло быть длительным. Администрация издала приказ об упразднении предмета Закона Божия и потребовала, чтобы Учебный Отдел провел приказ по школам. Проф. Никифоров честно и мужественно отказался подписать подобный циркуляр и просил Управляющего Дорогой освободить его от занимаемой должности. — Тому только этого и нужно было: отставка проф. Н. Никифорова была принята, и на его место назначен достаточно известный, а вернее, пресловутый, проф. Николай Васильевич Устрялов, который, не задумываясь, подписал и разослал циркуляр о Зак. Божием.

Проф. Устрялов, будучи сам человеком религиозным (простоял же он, уже состоя Начальником Уч. Отд., с крестами и поклонами пасхальную заутреню в церкви Коммерческого Училища, где молится харбинское «общество»), ничто же сумняшеся не только проводил по школе направленные против религии распоряжения своего начальства (напр., закрыл и эту самую церковь Коммерческого Училища и вынес ее из здания), но и сам от себя прилагал к этому свое личное усердие. Так, всю-

ре по вступлении своем в должность НШ (Начальника Учебн. Отд.), вызвал к себе в служебный кабинет заведующего одной школой, где еще поддерживался порядок и дисциплина, и с первых же слов осведомился, как практикуется в его школе утренняя молитва. Узнав, что присутствует все училище, Николай Васильевич недовольно поморщился и напомнил заведующему, что звать всех на молитву — нельзя, необходимо, обойдя по классам, объяснить учащимся, что посещение молитвы не обязательно, предоставляя это лишь тем, кто пожелает.

За первым шагом последовали и следующие. Совершенно неожиданно для всех и для себя увольняется создатель Коммерческого Училища, директор Н. В. Борзов, с предписанием по телефону в порядке экстренности, в несколько часов, сдать все дела проф. Устрялову, назначенному на его место директором. Таким образом, новая администрация Дороги восстановила старый порядок совмещения двух ответственн. должностей в одном лице. — Одновременно с директором были уволены еще два преподавателя Коммерческого Училища.

В Учебн. Отделе учреждается новая должность инструктора, которую занял бывший семеновский офицер Филиппович, в чьем послужном списке, под рубрикой образования, прописано: 7 лет самообразования! — Инструктор этот, — фактический начальник Уч. Отдела, при котором проф. Устрялов, как гоголевский директор в «Женитьбе», так, только для виду поставлен, — рассылает по школам ряд вопросов, которые даже в той уже кем-то выправленной редакции (после того как испугавшаяся за честь своего учреждения машинистка отказалась их печатать) все еще поражают своей глупостью. Учительству предложено было обсудить эти вопросы (социальное положение? общественная работа? самообразование? какую школу считает идеальной? какую осуществимой? идеал учителя и кому подражать? с какими программами знаком и какую считает наиболее применимой? метод в работе настоящий? какими методами может вести еще? ведется ли подготовка к текущей работе? дневник учеников и свой? как понимает комплексное преподавание? и т. д.) — для предстоящего коллоквиума с инструктором. Кое-где этот позорный коллоквиум имел место.

В Харбине поднимает голову Сорапрос, где-то до сих пор таившийся в подполье. Нач. Уч. Отд., проф. Н. Устрялов, не менее, чем о непосещении утренней молитвы учениками, хлопочет, чтобы учителя записывались в Сорапрос (Союз работников просвещения), а если уж не записывались, то хоть бы выходили из «дьяковского» *Союза Учителей К.-В. ж. д.* Здесь и красноречивые доводы разума, и ласковые заманивания «друга» учительства и наконец грозный, о последствиях напоминающий тон начальника — все средства были пущены. Союз Учителей К.-В.ж.д. в те же дни готовил к выходу № 1 журнала «Вопросы школьной жизни»: проф. Устрялов пригласил к себе редактора и, не будучи еще знаком с содержанием находившейся в наборе

книжки, предупредил, что учителя жел.-дор. школы, поместившие свои статьи в журнале, будут уволены. — Номер все-таки вышел, но только под многими статьями стояли одни инициалы.

Так как прямо ввести в школах Китайской дороги советские программы мешали пункты Мукденского соглашения, то Уч. Отделом была образована комиссия по составлению новых программ, согласованных с программами СССР, а летом были организованы курсы для переподготовки учителей, с выписанными из Владивостока лекторами, при чем слушатели на эти курсы зачислялись по назначению Учебного Отдела.

Посещая школы (в городе и на линии), проф. Устрялов не ходил на уроки, не интересовался постановкой учебного дела, а только агитировал среди учителей о необходимости работы с советской властью. Видно было, что *этой* «Борзовско-Дьяковской» школе дают дотянуть до близкого уже конца учебного года и вообще до своего конца, а с осени начнется уже vita nuova.

Впрочем, эта новая жизнь прорвалась-таки кое-где и не справляясь с оффициальным календарем. В некоторых школах произошли смены старых заведующих, и при новых тотчас были вынесены иконы, повешены «вожди», появились стен-газеты, и начался «штурм неба и морали». Тут как тут появился, конечно, и Дальтон-план à la U.S.S.R., от которого в такой восторг приходил проф. Устрялов.

Летом проф. Устрялов, сопровождаемый шестью учителями и учительницами, отправился в Москву — за директивами и за научением.

Одновременно, на основании § мукденского соглашения, по которому на К.-В. ж. д. могли состоять на службе только русские и китайцы, были уволены все «внеподанные» учителя (и агенты других служб) — 62 человека, «как не состоящие в подданстве ни СССР ни Китая», а в начале сентября их участь разделили еще 88 учителей, забронировавшихся было китайским поддаңством, — итого 150 преподавателей, 45% общего числа.

Оставшуюся на Дороге вторую половину составляли: 1) старослужащие преподаватели, харбинские старожилы, которым, если они хотели жить и работать в своем городе, ничего не оставалось, как зарегистрироваться в советском консульстве, и 2) те из новоприбывших из России и Сибири учителей, для которых г. Харбин явился последней географической точкой, до которой они добежали, но за которой для них уже не было больше путей: этим тоже ничего не оставалось, как молча и покорно сдаться на милость, вернее, на волю победителей. Но были среди этой группы и такие «перелеты», которые хотели обелить и оправдать свой переход высшими патриотическими мотивами, дескать Соввласть — настоящая народная власть и т. п. в том же роде. Они публично заявляли о своем выходе из «желтого» Союза (учителей К.-В. ж. д.) и с напускным, ко-

нечно, молодечеством афишировали свою преданность новому порядку.

Однако, наиболее чувствительный и тяжелый удар сохранившему верность национальной идее учительству был неожиданно нанесен его недавним вождем и соратником — Д. Дьяковым, который незадолго до прихода большевиков на К.-В. ж.д., получив с Дороги многотысячные заштатные и другие пособия, эмигрировал в Америку, а затем, перехав в Европу, прислал из Парижа харбинской советской администрации покаянную с предложением своих услуг по Уч. Отделу, где у него такой опыт и такое влияние на учительство...

Итак, школа на Кавежеде была очищена от «белогвардейщины». Взамен уволенных 150 педагогов были назначены новые, надежные.

Справившись так легко с низшей школой, советская администрация принялась за высшую.

Медицинскую Школу она убила, запретив студентам доступ в клиники Центральной железно-дорожной больницы. — Упорство Политехникума пыталась сломить деградацией этого учебного заведения в среднее и лищением кончающих звания инженера, — временно спас Институт его директор, — инженер А. Щелков, — nomen odiosum в глазах большевиков — отказавшись от директорства. — Юридический факультет существует на субсидию, отпускаемую Дорогой. Он преобразуется в советский путем влива в него новых сил из СССР или Владивостока.

* *
*

Итак, уцелели от советизации только городские школы, частные и общественные средние учебные заведения в Харбине, да несколько поселковых гимназий на линии, т. е. русские школы, находящиеся в ведении и под защитой Китайского учебн. отдела. С ними советская администрация ведет сейчас упорную борьбу, пытаясь всеми способами их разложить, обессилить и додушить, — но пока, кажется, довольно безрезультатно.

Впрочем, борьба — выражение в данном случае слишком сильное, предполагающее сопротивление другой стороны, тоже борющейся. Но эта другая сторона — китайская — как раз и не может бороться. За год бесцеремонного хозяйничанья советчиков на Дороге, китайцы успели узнать тех, кого они, считая для себя неопасными, довольно легкомысленно пустили в свой огород. И хотя в Мукдене сейчас хорошо разглядели большевиков, но на открытый разрыв с ними итти не решаются в виду уже несколько лет длящейся вооруженной борьбы с Пекином и Южным Китаем*).

Поэтому, пока китайской половиной администрации Дороги

*) Впрочем, последние события на Кит. дороге говорят, кстати, что Мукден, ликвидировав выступление Юга и Пекина, намерен дать отпор и большевикам.

составлялись планы изъятия Учебн. Отдела из компетенции Управления Дороги и передачи его в ведение Канцелярии Председателя Правления (китайца) или передачи его в ведение Китайского Поселкового Управления, которому уже подчинены все другие русские школы; пока обсуждался проект выделения из общего числа жел.-дор. школ нескольких для детей тех русских родителей, которые приняли китайское подданство, с учительским персоналом тоже из русских китайского подданства, — большевики, не страшась никаких инцидентов и конфликтов, напротив даже сами создавая таковые (конфликт управляющего Иванова (псевдоним) с председателем правления, ген. Бао-Чуй-Цин'ом, кончившийся для последнего отставкой), разгромили прекрасно налаженный школьный аппарат, ввели в школу советские программы, порядки и нравы, разогнали половину лучших учителей, не побоявшись своей властью уволить даже учителей, состоявших в китайском подданстве.

Когда китайцы еще в последние дни управления проф. Никифорова объявили было и жел.-дор. школы подчиненными Кит. Поселковому Управлению и стали посылать своих ревизоров по школам, администрация предписала завед. ж. д. школами сноситься с Кит. Поселк. Управлением через посредство Управления Дороги, — и китайский план парализовать советизацию жел.-дор. школы был ликвидирован в корне.

Или, когда на курсах по переподготовке учителей лектора стали слишком уж зарапортовываться, курсы, по распоряжению китайских властей, были закрыты, но продолжали фунцкионировать конспиративно, а затем и оффициально вновь открылись.

Китайская администрация бессильна противоборствовать напору большевиков, и сами же китайцы, в сознании своей слабости, советовали берущим у них китайские паспорта: если вы хотите остататься на Дороге, эти паспорта вас не спасут, — выбирайте советские.

Русское общество в Харбине, преимущественно пришлое (потому что коренное не тем занято), имеет еще меньше возможности вести борьбу с большевиками; к тому же оно в массе своей очень плохо материально обеспечено и не сплочено, и потому все, что может оно сделать для русской школы, это — беречь ее и поддерживать, что, хоть с грехом пополам, оно и делает: учебные заведения, правда, бедствуют, но продолжают существовать и делать свое национальное дело под боком у большевиков.

Можно упомянуть еще об одном явлении, которое формально, пожалуй, скорее подходит под понятие борьбы — это движение среди самих учащихся.

В ответ на насилия пионеров и отмольцев, терроризирующих в Харбине белую молодежь, последняя объединилась в Союз Молодежи, который организовал свои дружины «крестоносцев» и «мушкетеров». — Одни ходят с нелепыми красными галстуками на спине, другие с национальными нашивками,

шифрами и крестиками. Среди бела дня на людной улице можно встретить девочку-подростка, вооруженную крепкой палкой, — чтобы защитить от посягательств нашитый на груди трехцветный бантик...

Результат, конечно, самый непедагогичный: не проходит дня без диких столкновений и жестоких побоищ, где пионеры и отмольцы, как чувствующие себя безнаказанными, пускают в ход не одни только кистени и «анаглифы» (как окрестили здесь резиновые палки), но револьверы и ножи. — В конце концов, китайская полиция потребовала «самороспуска» всех подобных отрядов и дружин. В частности, относительно пионеров она уже не раз издавала распоряжение о непоявлении на улицах с красными галстуками, но маленькие «товарищи» так же исправно игнорируют китайские приказы, как и большие.

* *
*

Невозможно, чтобы находящаяся бок-о-бок с рекой или прудом глубокая выемка, отделенная от воды несколькими саженями земли, не заполнилась через некоторое время сперва только просачивающейся, а затем просто прорвавшей преграду водой: так и Полоса Отчуждения К.-В. ж. д. не вечно могла оставаться полосой действительно отчуждения от метрополии. И то уже эти 4 года ее отчужденного, совершенно самостоятельного, вольного, вне принадлежности какому-нибудь государству, существования — случай, едва ли не единственный в наше время.

Приютив и пригрев у себя все самое здоровое и крепкое, что ушло с Поволжья, Приуралья и Сибири, Харбин за эту четырехлетнюю «передышку» и сам рос и развивался не по дням, а по часам. В частности, местная школа особенно испытала благотворное влияние от прилива свежих педагогических сил, оздоровивших низшую и среднюю школы и отплативших за гостеприимство созданием в Харбине высшей.

Обилие средних учебных заведений и минимальная в них плата за учение сделали харбинскую школу доступной для всех. И не одна тысяча молодых людей успела за этот срок закончить в нормальной обстановке свое среднее образование, что особенно должны были чувствовать дети-беженцы, у которых годы гражданской войны и скитания вырвали несколько лет школьного обучения.

И железно-дорожная школа, реформированная и обновленная педагогическим составом высшего ценза, не одну тысячу детских головок уберегла от засорения и заражения ненавистью и политикой, открыв им, взамен того, чистый мир красоты и знания.

Приход большевиков в Полосу Отчуждения развалил железно-дорожную школу и только что возникшую высшую. Но

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1925 - 1926
Číslo výtisku: 18
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 617 - 636

SYSTEM KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

средняя, пользуясь — пока! — защитой китайских законов, удержалась и, хотя тоже в ухудшившихся условиях, но продолжает творить свое русское дело на Дальнем Востоке.

Кроме Харбина, в поселках, выросших при станции К.-В. ж. д., в Маньчжурии, Чжалайноре, Хайларе, Бухэду, Иманьпо, Ханьдоахэцзы, Пограничная; на Южно-Маньчжурской ж. д. в японских городах Чаньчуне и Дайрене; в столице сев. Маньчжурии — Мукдене, в условиях еще более тяжелых, требующих уже личного героизма, тоже существуют и работают русские школы и гимназии, тоже теплятся эти слабые огоньки-светильники родного просвещения.

В. Перемиловский.

Кинематограф и Рисование.

(Итоги впечатлений с французской выставки кинематографического искусства в Париже 1924 г.)

За последние 25 лет, в небольшом изящном музее Галлиера, обычном месте осенних выставок прикладных искусств, Парижский муниципалитет устроил более 50 специальных выставок самых разнообразных отраслей художественной промышленности. В 1924 г. здесь же была организована выставка нового кинематографического искусства, если не рожденного, то творчески созданного и технически осуществленного XX веком. Овладевши солнечным лучом и движением, это седьмое искусство вдохнуло новую жизнь в неподвижные картины волшебного фонаря и преобразило экран. Вместо однообразных фотографий, застывших пейзажей, всегда неизменных, как бы окаменевших лиц, кино принесло на маленький прямоугольный экран все бесконечные оттенки человеческой улыбки и гримасы, всё разнообразие природы и искусства, все чудеса нынешней техники, картины кипучей жизни современных городов и отдельных уголков земного шара. Несбыточная мечта осуществляется на белой стене в дрожащих тенях кино, и нет фантазии, которая не вмещалась бы в ее пределы. Прошлое воскресает в картинах кино, а желанное будущее приближается к нам если не во времени, то в пространстве на расстояние всего лишь нескольких шагов. Кино, подобно человеческой мысли, может мгновенно обнять весь мир. В несколько минут мы можем побывать в голодающей волжской деревне, на подступах к Гималайским вершинам, в автомобильной мастерской, в будуаре артистки или в бесконечности млечного пути. Кино живет воображением. Это его стихия. Честь открытия кино принадлежит французской науке и технике, в лице проф. Марея и бр. Люмьеров.

Применение его к рисованию сделал инспектор парижских профессиональных школ Адриен Брюно, который во время войны, составляя по фотографическим снимкам карты неприятельских позиций, почти приблизился к кинематографическому рисунку и совершенно перевоспитал свою способность графического восприятия. Позднее, знакомство с фильмами д-ра Командона по ускорению роста растений отчетливо раскрыло Брюно могучую роль кино в развитии воображения рисовальщика и обогащения его памяти небывалыми декоративными элементами и вместе с тем натолкнуло его на мысль об использовании кино не только для общего образования, но и для профессионального, как средство усовершенствования работников художественного мастерства.

Брюно выработал некоторые приемы кинематографического метода в прикладном рисовании, и парижский муниципалитет позволил осуществить его задание. Первые опыты в национальной школе декоративных искусств завоевали учеников. К концу года класс не вмещал всех желающих работать с помощью кино. Прогресс в рисовании был очень велик. Но работы учеников декоративной школы не могли дать бесспорного доказательства важности нового метода. Ученики Ш.Д.И. представляли собой отборный элемент, так как поступление сюда происходило по очень трудному конкурсу, требовавшему хорошего знакомства с рисованием. Поэтому Брюно продолжил свои опыты над категориями детей, еще совсем не рисовавших. В одной начальной школе, в свободный от занятий день, т. е. по четвергам, он организовал уроки рисования, на которые допускал наряду со взрослыми и детьми 6, 7, 8 лет еще и малышей из материнской школы, т. е. детского сада. Это было лет восемь назад. После трехлетних работ Брюно на выставке показал свои рисунки, горячо обсужденные педагогами, различными специалистами и критиками искусства. Теперь, когда несомненная польза кино в рисовании слишком очевидна, метод Брюно введен в семи профессиональных школах г. Парижа, как необходимый элемент преподавания рисования, особенно в его применении к ремеслу. Этот интересный опыт еще не совсем окончен. Но серьезные результаты его уже обнаружились на кинематографической выставке 1924 г. Сделанная попытка не пропала даром. На успех ее указывают следующие факты: лестная оценка кино в развитии наглядных представлений, данная в объяснительной записке программ начальных школ 1923 г.; организация при национальном комитете научных изысканий и изобретений особой кинематографической секции; устройство при Мин. Нар. Просвещения большого кинематографического музея — настоящей Синематики, — составленного из различных образовательных фильм.

Но еще, быть может, более показательным является желание большой кинематографической фирмы «L'Art de France» принять на себя патронаж лучшей школы этого типа, школы «Искусства и Рекламы», и предоставление мощных средств для реализации и распространения идей Брюно. Педагогическая комиссия, под контролем этого общества, только что подготовила (1925 г.) ряд образовательных фильм для начальных и художественных школ, отвечающих программе А. Брюно.

Кинематографическая выставка была разделена на 2 отдела: ретроспективный и учебный. Уже в одном только этом делении можно усмотреть важность, какую, очевидно, организаторы выставки придавали кино в образовании. В ретроспективном отделе ясно наметилась картина постепенного развития кинематографического искусства от его первых робких и неуверенных шагов до современных блестящих достижений. Во всех экспонатах чувствовалась особая рабочая атмосфера и

какая-то новая форма человеческого творчества, хотя и эклектическая.

Учебный Отдел Кинематографической выставки был своего рода отчетом об успехах кинематографического метода в рисовании. Он подводил итоги работе семи профессиональных школ Парижа, которые употребляли этот метод и желали своими экспонатами показать его важность, жизненность и своеобразие. Детальное рассмотрение Учебного Отдела я отлагаю на конец статьи, так как без объяснения сущности кинематографического метода это описание не было бы понятным.

Прежде всего интересно выяснить, каким образом французская педагогическая мысль пришла к мысли использовать кино в рисовании и изобрела кинематографический метод. Здесь помимо случайных, привходящих элементов действовали две, тесно связанные причины, толкавшие школу к одной и той же цели. Искание новых педагогических форм, которым была обвеяна передовая французская школа в XX веке, шло навстречу настойчимым требованиям промышленности, желавшей не только книжно-образованных, но и творчески активных рабочих. Несмотря на то, что французское искусство чуть ли не с эпохи Возрождения сохранило мировую гегемонию, методы школьного рисования до самого последнего времени стояли во Франции далеко не на должной высоте. Тогда как в Америке много лет назад ученики начали рисовать с натуры для того, чтобы научиться графической передаче собственных мыслей, во Франции преподавание не могло отрешиться от геометрических фигур и копировки моделей, связывающих воображение и принижающих творчество. Только совсем недавно правилами 23 июня 1909 г. старые методы были реформированы, а программами 23 февраля 1923 сильно дополнены для окончательного выравнивания преподавания в новом стиле. Теперь французское школьное рисование покоится на следующих принципах.

Рисование есть необходимый элемент культуры, стимул для развития восприимчивости и воображения ребенка. Поэтому оно изучается не ради его самого, а в целях общего образования. Намеченная таким образом задача требует не чрезмерного углубления в технические тонкости, а воспитания в ребенке всей полноты эстетической сферы. Для этого абсолютно непригодны ни рисование геометрических фигур, ни копировка моделей. Предметом рисования может быть только натура. Ученик должен сначала увидеть реальное, почувствовать его, а затем наивно и искренне передать в рисунке. Чтобы эта цель была достижимой, ученику надо предоставить свободу чувств и вольную интерпретацию натуры. Учителя также необходимо освободить от всяких правил и требовать от него поощрения инициативы учеников. Так как всякой индивидуальности присуща своя манера работы и особый, личный подход к ней, то учитель должен избегать навязывания ученикам своей манеры рисования. Его роль — быть возбудителем активного, творческого

духа. Он не должен ограничиваться исключительно критикой ученических рисунков или простым надзором за аккуратностью выполнения готовых образцов. Исправление ученических работ — второстепенный элемент уроков рисования; главная же задача — это раскрытие заложенных в детях художественных возможностей. Итак, стремление освободить воображение ребенка от рутинных, связывающих условностей; тенденция сделать рисование естественным, правдивым, отвечающим наклонностям ребенка предметом привели его к природе и натолкнули на мысль использовать в этих целях кино, как неистощимую стихию фантазии, жизни, мечты. (Lomont. La nouvelle organisation pédagogique des écoles primaires. 1924. Книга содержит некоторые указания о постановке рисования во Франции).

Развитие детской наблюдательности под влиянием живых образов всегда констатировалось на занятиях в детском саду. Дети всегда стремятся рисовать не куб, не шар, ни тем более орнамент, но какой-нибудь бросающийся в глаза настоящий объект: стоящего человека, бегущую собаку, растущее дерево, виднеющийся дом. Их воображение не может еще анализировать реальных конкретных предметов и стремится закрепить на бумаге все виденное в цельном виде, как оно кажется им существующим в действительности и как оно воспринимается ими. Общее или синкретическое восприятие, по Клапареду, предшествует всякой сознательной апперцепции деталей. Еще с большей силой это влияние живых образов сказывается в начальной школе. Поэтому вполне естественной кажется мысль дать эти образы ребенку не в неподвижной и неизменной, а яркой и выразительной форме, в их динамическом процессе, каковым по существу и является кинематограф. Когда эта идея проникла в школьные круги, тогда в начальную школу кино начинает входить как элемент общего образования, а в профессиональную школу как специальный метод рисования. В рисовании роль кино, конечно, не всемогуща. Она сужена скрытыми в нем ограниченностями. Кино не может заменить прежние, испытанные методы рисования. Оно призвано дополнить и освежить их. Оно не имеет достаточных оснований, чтобы разрастись во всеохватывающий новый метод. Несмотря на свою второстепенную роль, все же кино в профессиональной школе, по мнению А. Брюно, «показывает такую правду, придает такую жизнь рисованию, раскрывает такую массу ранее скрытых от учеников явлений, развивает столь разнообразные способности, что совершенно меняет не только физиономию класса, оживляя его, но и вносит в употребляемые методы рисования новые приемы».

Кино, конечно, не создает художников, как и всякая другая школа. Его роль скромнее — быстро развить в ученике задатки будущего мастера, не вредя его собственной восприимчивости. Все эти профессионалы-работники крайне нуждаются в уменьи легко набрасывать экскизы, схватывая, оценивая

и вспоминая характерные черты разнообразных форм, оттенков, цветов. Их художественное образование должно быть действительной школой «видения» и пластической памяти.

В чем же сущность кинематографического метода? Каким образом кино приспособлено к урокам рисования? В каких формах они происходят? Лучшее представление об этом можно получить, ознакомившись с тем «экзаменом»-испытанием, которое производится в «Школе Искусства и Рекламы» (L'École d'Art et de Publicité) над всеми поступающими учениками независимо от того, избирают ли они класс рисования или какую-либо другую специальность. Это испытание художественной индивидуальности ребенка, его способности к творческому порыву, воображению, его склонности к той или иной профессиональной ориентировке.

Всякий новичек в течение первых дней посещает «уроки»-сеансы кино, где он наблюдает за картинами. Здесь ему предоставляется такая альтернатива. Он может, если желает, или делать наброски фигур и движений, показываемых на экране, или ограничиваться лишь простым наблюдением картин. Когда такое накопление впечатлений признается преподавателем достаточным, он предлагает ученику, рисовавшему экскизы, закончить свою работу и дать какой-нибудь технически отделанный как в общем замысле, так и в детялах, рисунок, сцену, плакат, словом — то, что больше всего его интересует и лучше всего соответствует его вкусам и художественным симпатиям. Ученику, не делавшему никаких экскизов на уроках кино, предлагают нарисовать что-нибудь на память, руководствуясь сохранившимися впечатлениями. Как в первом, так и во втором случае избегают всякого давления на волю и замысел ученика, предоставляя ему полную возможность сделать рисунки по воле его фантазии, желаний, знаний. Этим опытом достигают двух целей или вернее приближаются к верному пониманию их. Прежде всего, так определяется общая направленность художественного интереса ученика к той или иной области искусства и его профессиональные влечения, ибо ни в выборе темы, ни в выборе материала ученик никем и ничем не стесняется. Затем, таким образом выясняются, в известной степени, особенности воображения, характер творческих сил ученика, не говоря уже о его технической подготовке. Короче, это испытание более или менее раскрывает художественную личность ученика. Каковы бы ни были результаты этого испытания, они не влияют на его дальнейшую судьбу. Ему предоставляется полное право продолжать образование в избранной специальности и мастерской, и его свобода в этом отношении абсолютна. Если будущее покажет ошибочный выбор специальности, и ученик сам почувствует необходимость перемены ее или будет приведен к сознанию этой мысли учителем, дорога в другое ателье ему открыта.

Как же школа ставит и ведет эти кинематографические уроки? В темноте проэкционного зала перед учеником проходит

серия картин на определенную тему. Содержание этих картин очень разнообразно, но все они имеют прямое отношение к человеку, как одному из главных объектов рисования, природе, дающей неисчерпаемые декоративные вариации, и ремеслам, как профессиональной цели этих школ. Конечно, нечего много распространяться о том, что на этих уроках картины демонстрируются не бессистемно, а по определенному плану, сообразно задачам той или иной школы и подготовке учеников. Ученики перед экраном изучают ряд точных жестов и движений, фигуры и силуэты, мимику и позы, анатомию человека, сравнительную анатомию, технику различных ремесл, перспективные рисунки, пейзажи, экзотические или региональные костюмы, рисунки модных костюмов, вышивки платьев, кружев, флору и фауну различных стран, спортивные упражнения, уличное движение, балетное представление и т. п. Фильма проходит, ученик наблюдает. Учитель спрашивает: что вы видели? Опишите все это, а затем нарисуйте на память. Сначала демонстрация каких-либо движений или игр идет медленно и с повторениями, чередуясь с промежутками отдыха и зарисовывания мелькнувших образов. Затем, с прогрессивным ростом памяти и навыков, остановки и замедления на отдельных моментах делаются все более и более короткими, и от ученика уже требуется тоже более быстрое восприятие, т. е. схватывание на лету мгновенно появляющихся и исчезающих образов. В конце концов промежутки отдыха между демонстрациями имеют тенденцию совершенно прекратиться, и кинематографические уроки превращаются в очень трудную тренировку воображения, памяти, руки, глаза, в настоящую школу творчества и накопления зрительных впечатлений. Эскизы в синема идут наряду с изучением рисования в классе, в специальных мастерских, на гимнастике и улице. В большинстве школ ученики немедленно после кинематографических уроков заканчивают свои этюды в классе или в природе, т. е. делают определенные комбинации. Так, после кинемат. наблюдений летающих птиц или плавающих рыб, водопада или морского прибоя, ученики рисуют некоторые частности замеченных движений, анализируют, зарисовывая детали строения, стилизуют поток, волну делают орнаментом. Иногда, на этих фильмовых уроках не довольствуются набросками эскизов и вместо рисования силуэтов вырезывают из картона фигуры людей, домов, платьев, различных вещей, как будто делают образчики каких-либо промышленных изделий.

Сначала видеть, затем накопить у художника ряд точных образов и наконец преобразить его воображение огромным количеством прекрасного, подобранного материала — такова основа этого предваряющего рисование метода. Его можно выразить в трех словах, говорит Куассак (стр. 584. История Кинематографа) — «рисовать значит видеть». Эта умственная гимнастика состоит в регистрации в возможно короткий срок существенных особенностей моделей.

Прямым и необходимым дополнением кинематографических наблюдений являются наблюдения над жизнью, т. е. беглое эскизное рисование на улицах, в сквере, театре, мастерской, на народном празднестве, на бегах и т. п. Для чего нужно это дополнение? В кино, несмотря на всю его оживленность, чувствуется игра теней и царство схемы. В нем можно остаться эмоционально холодным. Жизнь же, как говорил Виктор Гюго, всегда дает душе новое содрагание. Для художника это неисчерпаемый запас впечатлений. Набрасывая беглые этюды движущейся толпы, фигур играющих детей, поз ленивых фланеров, прыжков танцующей балерины, ученик эти этюды, документы своих наблюдений, может впоследствии утилизировать для своих творческих работ. Одна классная и кинематографическая работа не сможет приучить ученика смотреть на мир и людей и с художественной и с профессиональной точки зрения. Только при сочетании всех этих трех видов труда ученик может овладеть линией, краской, движением. А так как и в жизни и в кино одинаковое движение не повторяется или, вернее, повторяется не часто, и мелькнувщую улыбку, принятую позу, сделанный поворот надо ловить налету, то молодой рисовальщик постепенно приспосабливается к быстрой и точной работе. Он приобретает уменье схватывать существенное, характерное, индивидуальное, т. е. самое ценное в искусстве. И так как кинематографический метод добивается от ученика творческой работы воображения, то условия рисования на улице как раз соответствуют его духу, дополняя и расширяя эту работу. Но все-же рисование с натуры не может заменить сеансы кино, на которых можно в нужный момент повторить, ускорить, замедлить движение, возобновлять его через определенный промежуток времени. Ученик не должен брать все целиком от модели. Своей фантазией он должен создавать и замысел и множество деталей. Поэтому весь смысл этих наблюдений (documentation au cinema et dans la vie) не копировка, а свободное творчество, т. е. оттолкнувшееся от жизни в своем полете. В результате этих наблюдений рождаются живые этюды, далекие от условных жестов академической живописи. Наша эпоха, проходящая под спортивным знаменем, отметает изучение анатомии, рисунка, движения посредством книг и манекенов. Преподаватель, пользуясь этим сильным влечением к спорту, может демонстрацией точных движений и искусным замедлением в кино нормальных упражнений достичь полной естественности в этюдах своих учеников.

Таковы приблизительно приемы кинематографических уроков. Что дают они ученику? Что новое вносят они в его психику? Есть ли определенные выгоды от этого новшества, которые упрочат его будущее, или оно отцветет, не успевши расцвесть? Чтобы дать ответы на все эти вопросы, надо прежде всего вспомнить о том, что кино введено в школу не для замены прежних методов рисования, а для их усиления, и с этой точки зре-

ния и оценивать его достижения. В 1922 г. обществом «Искусство в школе» был организован 1-й съезд деятелей по художественно-кинематографическому образованию (1 Congrès du cinéma appliqué à l'enseignement artistique). Директор высшей школы «Искусств и Ремесл» в Париже, главный докладчик этого съезда, вот как охарактеризовал значение кинематографа в художественном развитии ребенка.

«Работа перед экраном дает ребенку вкус к изучению жизни и движения. Эскизы в синема открывают ему наиболее выразительные моменты движения, уточняют силуэты, упрощают жесты, походку. Это дает возможность в рекламных этюдах выражать идею сразу и самым простым и самым «ударным» образом. С другой стороны, причудливые костюмы, обычаи, сюжеты возбуждают дух наблюдательности и внушают такие сближения, из которых могут возникать счастливые идеи, в рисунке или тексте, столь настойчиво искомые современной рекламой. Прибавлю, что ребенок, уходящий с кинематографического урока, способен графически видеть лучше все происходящее перед его глазами, так как он почти автоматически воспринимает уличный спектакль. Этюды с натуры, выполненные после периода кинематографического образования, имеют совершенно особую свежесть, точность и характер».

Г-жа Шапюц, учительница одной женской профессиональной школы, пишет: —«В течение 8 лет моего преподавния рисования я никогда не получала лучших результатов, чем за последние два года, когда я применяла на уроках кинематограф. Теперь мои ученицы умеют с громадной скоростью воспроизводить движения, пропорции, походку человека. Я добилась того, что и маленькие и взрослые ученицы ловят на лету движения своих подруг на гимнастике, за шитьем, глаженьем и т. п. Благодаря ловкости и привычке и вытренированной перед экраном памяти, ученицы могут воспроизводить дома фасоны костюмов, рассмотренные ими на бегах в Лоншан, на празднестве в Багатель, в театре или в магазине. Им ничего не стоит затем сделать их в школьной мастерской с большим вкусом. Это полезное упражнение необходимо для их профессии». После таких результатов школа по существу им больше не нужна. «Они приходят туда лишь за получением советов общего и технического характера и для сравнения своих работ с работами товарищей».

Резюмируя мнения различных преподавателей о значении кино в школе, можно сделать такое заключение: Кино прежде всего вносит неподдельную жизнь в школу. Оно создает атмосферу радости и интересного труда. Урок в кино рассматривается как награда, и ученики всегда ожидают его с нетерпением. Они не сомневаются, что там они узнают кое-что новое, полезное и в то-же время прекрасное. Кино всецело овладевает вниманием учеников и оставляет длительные впечатления. Развивая любовь к прекрасному, оно является поэтому могуществен-

ным средством морального воспитания. В оригинальных, еще неиспользованных сюжетах кино ученик имеет возможность находить неожиданные декоративные элементы. Возбуждением любознательности и воображения кино вызывает искание новых проникновенных путей творчества. Развитием зрительной памяти оно приучает глаз лучше видеть, т. е. различать существенное от мелочей, с одного взгляда улавливать общий облик вещей и их характерные отличия. Способность восприятия и воспроизведения прошедших образов делается почти автоматичной, так как экран утончает и уточняет и глаз и руку молодого художника. После фильмовых уроков они лучше схватывают жизнь улицы, которая является великолепной школой рисования. Применение приобретенных навыков в прикладном рисовании, в специальных мастерских увеличивает изящество ручных работ. От ремесла они восходят к искусству. Неудивительно поэтому, если преподаватели общим хором повторяют: «Отныне нет больше плохих учеников рисования».

Действительно, кино может выявить дремлющее призвание, яснее определить индивидуальные задатки, привить вкус к определенному типу ремесла и тем самым поставить профессиональную ориентировку на правильный путь.

Краткую, но выразительную оценку кинематографического метода случайно дала одна окончившая школу ученица. Среди ее последних одухотворенных рисунков, оставленных школе, на одном была найдена такая чудесная надпись:

Цель — живой рисунок.
Учитель — натура.
Книга — кино.

Теперь мы подготовлены к пониманию Учебного Отдела К. В. Его экспонаты были разбиты на три группы:

I. Иллюстрация кинематографического метода.
II. Иллюстрация достигаемых результатов в рисовании.
III. Иллюстрация практических достижений в мастерской.

Экспонаты I-й группы показывали, как проходят кинематографические уроки. Здесь мы находим самые простые эскизы, сделанные на самом уроке в перерывах двух демонстраций или нарисованные в классе после окончания целого сеанса по памяти. Дальше идут более сложные задания, обширные композиции и технически вполне законченные работы. Обозревая это постепенное прогрессирование в сложности и технике рисунка, можно ясно видеть, как, по мере увеличения количества кинематографических сеансов, зреют глаз и рука учеников. Первые наброски сделаны неверной рукой, переполнены ненужными деталями; линии и позы бесформенны и просто безобразны. Но постепенно этюды приобретают черты законченного стиля, жизнь, разнообразие, гармоничность. Ученик улавливает существенное, отбрасывает мелочи. Вот два рядом находящихся эскиза. Первый — «Сидящая натурщица» — нари-

сован в Академии в 1919 г.; второй — «Танцующая балерина» — набросан после посещения кино в 1920 г. Но какая между ними разница! Неуклюжая, грузная натурщица, в ленивой позе, устало опустившая ноги с табурета, какая-то неестественная, искусственно-натянутая, олицетворяет собой мертвое искусство, умершее одновременно с принятой, заученной позой. А вот невесомая балерина, оторвавшаяся от земли в вольном и радостном танце, высоко закинувшая руки, словно нет ей пределов в пространстве, — есть уже настоящее торжество искусства, преображающее жизнь. Теперь автор этих эскизов, бывший ученик школы «Искусства и Рекламы», сделался преподавателем школы «Прикладных Искусств» и рисует только в кино и по памяти. В рисунках учеников последней школы играет воображение и искрится насмешливый ум этих маленьких парижан. Эти фигуры нарисованных, вырезанных из картона или вылепленных из глины буржуа, эти типы синема и улицы, театра или дансинга полны простодушия, ума, сатиры или юмора. Они могли быть созданы только в Париже с его старой культурой, как шампанское только в Шампани с ее старой виноградной лозой.

Все эти успехи нельзя, конечно, приписывать исключительно одному только кино, так как наряду с сеансами кино ведутся уроки рисования по прежним методам и при значительно большем количестве часов, как показывает это, напр., программа уже упомянутой школы прикладных искусств. Здесь 8 часов в месяц отведено на сеансы в кино, 9 ч. на эскизные уроки в природе и жизни и 64 ч. — на работы в специальных мастерских. Но все же влияние живого экрана чувствуется несомненно и, по мнению преподавателей, ускоряет прогрессивный процесс работы. Кроме того надо отметить, что вступающие в профессиональные школы ученики представляют собою отборный элемент, обладающий известным художественным призванием и ознакомившийся, за весьма редкими исключениями, с основами рисования в начальной школе.

II-ая группа экспонатов освещает результаты рисования с помощью кино уже в осуществлении сложных, законченных целей, т. е. в составлении эскизов, плакатов, афиш, этикеток, орнаментов, композиций, набросков модных костюмов и т. п. Эти проэкты вполне закончены и годны для выполнения в соответствующей мастерской. Это уже синтез предшествующих занятий, реализация задуманной идеи. Темы этих проэктов отчасти заданы учителями, отчасти выбраны учениками. Многие работы представляют собою продукт коллективного труда: начатые одними, они закончены другими учениками, или располагавшими большим временем или посещавшими чаще ателье «впечатлений» особой Этьенской школы, обладающей большим запасом кинематографических фильм разнообразнейших сюжетов и многочисленными мастерскими чуть ли не всех видов ремесла. Любопытно сравнить эскиз, сделанный

одной ученицей на первом уроке в кино, с ее же рисунком модного костюма, сделанным после двухлетнего пребывания в школе, при трех лишь уроках рисования в неделю. Это две совершенно различные вещи. Первый этюд действительно в полном смысле слова ученический. Он недалеко ушел от каракулей. Последний проэкт уже настоящая модель для работы по четкости линий, свежести замысла, техническому выполнению.

Вообще — здесь я даю слово учительнице M-elle Денонен, более компетентной в этом вопросе, — «выставленные рисунки модных нарядов (les figurines de modes), задуманных в кино, резко отличаются от условных и мертвых картинок роскошных модных журналов Парижа. Их движения правдивы, пропорции гармоничны, выражение лица в соответствии с характером персонажей и платьев. Соответствующая окраска и необходимые надписи вполне достаточны для портнихи».

III группа экспонатов показывает результаты, полученные на практических работах в мастерских.

Выставлены различные вещи, сделанные в школьных мастерских: обыкновенные или роскошные переплеты, иконы, игрушки, силуэты, вырезанные из картона, барельефы на дереве, раскрашенные шкатулки, иллюстрированные книги, макеты театральных или кинематографических декораций, расписные фризы, рисунки мод, вышивки и т. п. Много места занимали всевозможные афиши, проспекты, рекламные эскизы — бутылка рома, чернильница, конфектная коробка, сигарный ящик и этикетки, этикетки без конца. Многие вещи, по недостатку места, были представлены в виде фотографий. Эти экспонаты удивительная смесь тонкости и смелости, колоритности и нежной нюансировки. В лакировании токарных изделий кинематографическое преподавание оказывает огромные услуги, и все эти специфически-парижские вещицы — бювар, пудреница, ящичек для писем, зеркало — действительно получают изящную отделку. Рассматривая эти предметы, видишь, что рисование в этих профессиональных школах интимно, внутренне связано с ручным трудом, который выростает из рисунка и им определяется. Наблюдение фильм и исправление примерных, карандашных или акварельных, эскизов предшествует технической работе в мастерской. Прежде чем сделать гравюру, ученик учится «гравировать» карандашем на бумаге. Для того чтобы вышивать по шелку, ученица сначала должна набросать свой этюд вышивки в тетради или альбоме. Композиции какой-либо рекламы предшествует предварительная работа над изучением уличного движения, выражений смеха или удивления и т. п.

На рисовании исправляются ошибки первоначальных эскизов, и уже затем, пользуясь этими технически законченными рисунками, в соответствующих мастерских вышивают силуэты птиц или людей и т. п. на материи, вырезывают на меди, рисуют на вазах, тарелках, бокалах, высекают из камня, вделывают в какие-нибудь брошки, пряжки и т. п.

Работа в кино не легка для учеников. В кинематографической зале бывает такое напряжение ума, какого не дает никакая другая обстановка. Здесь сильно обострено и внимание и память и воображение. Вот почему нельзя злоупотреблять сеансами кино и делать их слишком длинными.

Несомненно, что значение кино в образовательном процессе будет прогрессивно возрастать. В дальнейшем, конечно, могут измениться способы его применения; могут улучшиться технические приемы самих фильмовых уроков, но самый кинематографический метод останется, как прочное и ценное завоевание педагогики XX века.

В заключение считаю совершенно необходимым дать краткое описание центральной, т. е. творческой школы этого типа, именно школы «Искусства и Рекламы», которая является колыбелью кинематографического метода в рисовании. Ее существование началось в 1918 г., если не считать предварительных опытов, произведенных в школе декоративных искусств. Школа «Искусства и Рекламы» преследует чисто исследовательские и пропагандистские цели. Ее назначение создать, проверить и распространить лучшие приемы кинематографического метода в рисовании. По своему духу это активная школа. Она изучает все виды как художественного, так и промышленного рисования. Поэтому она и не выполняет никаких, чуждых ее основной задаче, целей. Бытие ее кратковременно, и дни ее сочтены. В тот момент, когда новые методы преподавания рисования, с участием кино, будут в достаточной мере разработаны, и «кинематографическое обучение и фильмовые уроки» могут быть даны в рациональной и приемлемой форме, школа «Искусства и Рекламы» будет закрыта. Несмотря на этот как будто чисто теоретический характер ее, она в то же время является и настоящей школой художественного ремесла. Персонал школы, занятый разработкой кинематографического метода, ведет свою работу так, что теоретические изыскания не мешают слушателям приобрести соответствующие знания и технические навыки в избранном ремесле.

Профессиональный характер школы заставил администрацию, наряду с преподаванием рисования по обычному и кинематографическому методам, организовать различные практические занятия в специальных мастерских, которые приготовляют из ученика настоящего мастера художественного ремесла — иллюстраторов, вышивальщиц и т. п. Таким образом, полная программа школы L'Art et Publicité слагается из следующих «предметов»:

1. Рисование эскизов и наблюдение в кинематографе (documentation au cinema) — 4 часа в месяц.

2. Рисование эскизов и наблюдение в жизни (documentation dans la vie — 4 часа в месяц).

3. Анатомия в кино (движения и выражения).

4. Прикладное рисование.

5. История искусства и История костюма с проэктированием на экране.

6. История печатных букв с проэктированием.

7. Гравирование на линолеуме и дереве (в мастерской).

8. Литографирование, в связи с занятиями в особом «ателье впечатлений» Этьенской школы (в мастерской).

9. Театральные и модные рисунки в применении к изготовляемым платьям (в мастерской). Atelier de figurines de modes et de théâtre, avec application au costume realisé.

10. Начертание букв.

11. Рисование.

	Женская профессион. школа на улице 24. Ganneron.	Ж.П.Ш. на улице 24. Fondary.	Ж.П.Ш. на улице 7. Portou.
Сколько лет существует кинематограф в данной шк.	4 года	3 года	2 года
Есть ли свой аппарат.	свой аппарат.	неизвестно.	нет.
Фамилия директора	M-elle Adam	M-me Панико	M-me Гомье
Сколько раз в месяц даются уроки в кино.	1 раз по 2 часа.	1 раз.	неизвестно.
Сколько учителей пользуется кино в рисовании.	10	2	3
Как производятся уроки по кинематографическому методу	Эск. произ. б. ч. по памяти чем по наблюдениям во время фильм. урок. Немедлен. после них сост. композиция в прир. или кл.	Эскизы прямо с экр. по памяти. Примен. их в ателье к выш. модных фасонов	Эскизы в кино и на память.
Кто учится в шк.	вышивальщицы корсетницы модистки портнихи рисовальщицы.	вышивальщицы модистки портнихи	вышивальщицы модистки портнихи рисовальщицы.
Возраст учениц.	13—17 лет	15—16 л.	10—15 л.
Какие экспонаты выставила школа.	Книжные иллюстрации, обложки, переплеты, иллюстр. роман. картонажн. раб. окрашен. бумага	Первые эскизы в кино. Технически законченные фасоны (чертеж) платьев	Рисунки мод. Иконы. Лаковые работы.

ЛИТЕРАТУРА.

Литература по затронутому специальному вопросу в данный момент мне почти неизвестна. Материалами для наст. статьи послужили: 1) краткие отчеты учителей описываемых профессиональных школ, 2) несколько номеров кинематографических журналов, 3) личные впечатления на выставке, 4) некоторые лекции, слышанные автором этих строк в музее Галлиера, во время выставки с 7 по 31 октября 1924 г. Вот перечень этих лекций.

1. Коллет. Развитие наблюдательности и образной памяти в начальной школе посредством кино.
2. Д-р Командон. Открытия микро- и радиокинематографии. Изучение живой анатомии посредством кино.

Муницип. школа приклад. искусст. для мальчиков 11. Rue Dupetit.	Муницип. школа приклад. искусст. для девочек 24. Rue Duperré.	Профессиональн. женск. школа Элиза Лемонье. 41 Rue des Boulets	Школа Искусства и Рекламы. 5 Rue Madame.
2 года.	2 года.	Несколько месяцев регулярно	8 лет.
свой аппарат.	свой апарат.	свой аппарат.	свой аппарат.
Евген. Веловиль	М-me Шатрус.	М-me Пиво	Адриен Брюно.
8 час. в кино 9 ,, на улице 64 ,, в мастер.	Такое же количество, как и в мужск. школе.	точно неизвест.	4 час. в кино. 4 ,, на улице и неопредел., но значит. число час. раз. предметов в синема.
больш. учителей	11	10	все учителя. — 10.
Эскизы в кино. Эскизы на пам.	Наблюдение в кино и на улице. Изучение точных жестов, движен.	Эксизы в кино. Эскизы на пам.	Все методы, доступные для кино.
рисовальщики, коммер. и рекл. рисовальщики		рисовальщицы, портнихи, вышивальщицы	граверы, рисовальщики, декораторы. живописцы, рисовальщики реклам и афиш и т. д.
различен	различен	различен	различен от 7 до 20 лет
Всевозм. композиции для различных промышленных издел. и реклам. Рисунки	Эскизы, Рисунки, комбинации, гравюры.	Этюды животных и их приложение к декорациям. Проэкты и оконч. рисунки. Годовые модн. модели. Вырев. из картона и одет. силуэты	Эскиз. в синема. Эск. с натур. Эск. на пам. Композиции разл. издел. рекл. орнамент. афиш, мод. фас. Переп. Икон, игруш. куклы. Разук. резн. ящ., илл. роман., раск. фризы., макеты. театр. или кин. декорац. и т. д.

3. Олив. Кинематографическое ускорение и замедление и изучение естественных явлений.
4. Леон Гиле. Обучение промышленным искусствам и кино.
5. Жан Ларан. Жизненные фильмы (le documentaire) и художественное народное воспитание.
6. А. Брюно. Кино в активной рисовальной школе.
   Эскизы и рисование.
   Научные познания рисовальщика и художника.
7. Иэаное Рамбосон. Заключение: Все, что кино дает другим искусствам.

Напечатаны ли где-нибудь эти лекции, я не знаю. Укажу несколько книг, посвященных вообще кино:

1. *Michel Coissac.* L'histoire du cinématographe dès ses origines à nos jours 1925. Цена 30 фр. Librairie: Gauthier Villars. Paris 55. Quai des Grands Augustins. 3 страницы посвящены роли кино в пластических искусствах. Большая глава об образоват. роли кино, остальное история.
2. *Jaques Ducom.* Le cinématographe scientifique et industriel, son évolution intellectuelle, sa puissance éducative et morale. 25 fr. Книга посвящена большей частью техническим проблемам кино.
3. *Pola Nergi.* La vie et le rêve au Cinéma. 1925 г. — 5. fr. Изящная книга для салонного чтения.

   Обе предшествующие книги изданы — Albin Michel. Paris. 22. Rue Huygens.

Журналы: Le Cinéopse. Revue mensuelle de l'industrie cinématographique. 30 fr. в год. Paris XV; 73. Boulevard de Grenelle. Есть отдел — кино в образовании.

Le travail manuel, les sciences expérimentales et le cinéma à l'école. Paris. Éditeur Nathan.

Лебедев Николай. Кино. Москва. 1924 г. Госиздат.

П. Муратов. Кинематограф (Совр. Зап. XXVI).

Н. А. Шарманин.

Институт „Хамптон“.

(Школа для негров в Соед. Штатах).

Во время своих путешествий по Америке я между прочим посетила знаменитую школу для негров, которая является теперь одной из лучших образцовых школ с программой среднего и высшего учебного заведения. Из дальнейшего изложения будет видно, почему я останавливаюсь на этом предмете: на примере его ясно виден путь, по которому идет вообще развитие американской школы. Подробное освещение программы всех отделений института и тех основных требований, которые предъявляются ко всякому поступающему, покажут всю практичность и жизненность, а главное, огромное воспитательное значение «Hampton»'а. Но что еще интереснее в данном случае вообще для европейцев, а особенно для нас русских — это история развития всего учреждения. Мы видим тут то стремление приспособить школу к требованиям жизни, к потребностям и пользе не только учеников, но и общества, среди которого этим ученикам в дальнейшем придется жить, то отсутствие страха перед опытом и новаторством, одновременно с достаточной самокритикой и уменьем во время признать и исправить свою ошибку, которых особенно недостает европейской школе, до сих пор отличающейся рутиной и какой то закоснелостью своих программ и методов.

Основателем «Хамптона» был генерал Амстронг. Сын миссионера, он родился в 1839 году на Гавайских островах, где его отец проповедывал христаинство и открывал первые школы. Образование он получил в Массачузетсе, где он кончил в 1862 году «William's College», руководимый в то время известным американским педагогом Hopkins'ом. Там же он участвовал в кружках, ставивших себе целью освобождение негров. По окончании колледжа он вступил в армию волонтеров и, быстро подвигаясь по службе, выдвинулся скоро в первые ряды. В 1865 году он был уже бригадным генералом. По окончании войны Амстронг был в 1866 году поставлен во главе большого округа в Виргинии, для того чтобы наладить отношения между неграми и их бывшими хозяевами. Работа была трудная, но интересная и благодарная. Очень быстро Амстронг убедился в том, что самое необходимое для негров, это образование и воспитание. Он воспользовался старым военным лагерем в Хамптоне и в апреле 1868 года открыл там школу для негритянской молодежи, с целью создания кадров образованных негров, могущих послужить своему освобожденному народу. Школа начала работу при 15 учениках и 2 преподавателях. Она естественно была интернатом. Увлекшись своей идеей, Амстронг

вложил всю свою душу в свое детище и добился ее исключительно быстрого расцвета. Умер Амстронг в 1893 году, проработав 25 лет на пользу освобожденных с его помощью негров, совершенствуя и расширяя свою школу.

Амсторнг говорит: «Дидактическая и догматическая работа мало помогает образованию характера, что́ является моей целью. Этого последнего можно добиться, лишь сделав школу маленьким жизненным миром, перемешивая тяжелую ежедневную работу на ферме или в мастерской с общественными развлечениями и оценивая успех скорее по поведению, чем по учебным отметкам. Школьная жизнь должна быть реальной, действительной жизнью». Учитывая важность и необходимость учебных предметов, он однако считал необходимым сделать их жизненными, вернее приложимыми к жизни а потому: «педагоги должны быть не только преподавателями, но и гражданами», и школа« должна предназначаться не только для одного умственного развития, но для развития всего человека, всей его человеческой личности». Эти основные положения всегда служили программой для Хамптонского института. Физический труд составлял там всегда одну из важнейших частей образовательно-воспитательной программы. Это является общим местом во многих школьных системах, но в те времена это было ново и необыкновенно, хотя, как показала дальнейшая судьба этой школы, очень дальнозорко и умно.

Хамптон развивался постепенно, все расширяя свою деятельность, иногда резко видоизменяя свои программы и отклоняясь то в одну, то в другую сторону. В момент своего основания Хамптон обладал всего небольшой фермой в 125 акров, и все ученики занимались обязательно сельским хозяйством на ферме. Эти занятия преследовали две цели: во первых, как воспитательное средство, а во-вторых — как средство оплаты своего обучения. Не надо забывать, что только что освобожденные от рабства негры еще были совершенно нищими и не могли содержать своих школ. А так как большинство негров занималось сельским хозяйством, было естественно, подготовляя для них кадр учителей, научить их тому, что будет являться главной профессией учеников.

С самого начала занятия были организованы так, что все учащиеся, главным образом мальчики, работали несколько часов на ферме, исполняя все виды сельско-хозяйственной работы. Но вскоре выяснилась неудовлетворительность этого плана, и тогда все учащиеся (мальчики отдельно и девочки отдельно) были разделены на 5 групп, из которых каждая поочередно назначалась на один день работы на ферму. Кроме того все вместе работали там большую часть субботы. Таким образом ученики имели всегда четыре дня классной работы и полтора-два дня платного труда на ферме.

Школа росла очень быстро и уже в 1872 году не вмещала учащихся в своих помещениях, почему 60 молодых людей спало

в палатках на дворе. Естественно, что нельзя было найти работу для всей этой массы на ферме. Поэтому в 1880 году была куплена дополнительная ферма в 600 акров и пущена в ход лесопилка. Но каждое из этих предприятий ставило перед школой столько же новых задач, сколько она только что разрешила. Лесопилка не могла работать с переменным составом работников, нужен был постоянный штат и т. д. Пример разрешения вопроса с лесопилкой интересен потому, что показывает ту практичность организации, которая часто не приходит в голову европейцу; при этом решение вопроса не теряло из виду главной воспитательной цели и общих задач школы.

Мы, европейцы, вероятнее всего просто наняли бы постоянный штат рабочих, заставив учеников нести лишь поденную работу и при этом «учиться». Амстронг поступил иначе: случилось так, что несколько молодых людей, прибывших в Хамптон учиться, несмотря на свои 16—18 лет, не могли быть приняты в младший класс, так плоха была их подготовка. Они бродили по школьной усадьбе, ожидая отправки домой. Амстронг вдруг переменил свое решение, собрал этих молодых людей (их было 12) и объявил им, что он устроит для них специальный класс. Так как все эти молодые люди были без всяких средств, то им было сказано, что они должны работать 10 часов в день на лесопилке, а два часа вечером он будут заниматься в подготовительном классе. За работу на лесопилке они получали нормальную плату, из которой погашалась стоимость их содержания, а остальное записывалось на их счет. Через год эти молодые люди выдержали экзамен для поступления в младший класс Хамптона и могли оплатить свои занятия, т. к. у каждого из них была сумма в 100 долларов на счету училища. Многие из попавших так в школу потом были видными судьями, преподавателями и общественными деятелями. Так был разрешен вопрос постоянного состава рабочих на лесопилке и открыт новый путь, которым необеспеченные люди могли заработать себе средства на обучение. Практичность и польза такого начинания были так ясны, что повлекли за собою перестройку школы, к ее программе был прибавлен постоянный «Work-Year Class», «класс трудового года». Всякий, кто не достаточно был подготовлен или не имел средств оплатить свое содержание и обучение в школе, мог поступить в этот класс, что влекло за собою назначение на ферму, лесопилку, скотный двор, кухню или другие учреждения школы, где они должны были в течение 10 часов в сутки работать, а затем два часа вечером учиться в классе. Это продолжалось ровно 12 месяцев, после чего они переходили в первый общий класс Хамптона, имея кроме подготовки запас денежных средств, достаточный, чтобы оплатить свое дальнейшее образование. Этот рабочий год оказывал на учеников огромное влияние: развивал привычку к систематическому труду, к ответственности за свои действия и многие другие черты, оказывавшиеся потом особенно ценными для

жизни. Впоследствии было замечено, что никакая организация, никакая сторона школы не могли возместить ученику, не прошедшему класса рабочего года, опыта и пользы этой первой воспитательной ступени. В результате школа стала усиленно поощрять поступление именно в этот рабочий класс и практически еще 15 лет тому назад не было почти ученика, который бы не прошел этой подготовки к Хамптону.

Интересно еще отметить способ оплаты этого трудового года. Надо оговориться, что во многих американских школах применяется система использования в течение известного числа часов бесплатного труда учеников, главным образом как средство понижения школьных расходов. Хамптон и тут придерживается другой системы ради развития в своих воспитанниках привычки к деловому отношению к своему труду. Поэтому оплата труда учеников производится определенным месячным или почасовым вознаграждением. Таким образом желающие всегда имеют возможность заработать лишнее. Затем деньги не выдаются на руки, а зачисляются на счет ученика и служат для оплаты учения или иных расходов ученика в школе. Если ученик, имея личные средства, не использует своего сбережения, оно остается в школе и по требованию ученика может быть переведено в другое учебное заведение или переписано в пользу его брата или сестры, поступающих в Хамптон. Теперь все чаще и чаще случаи, когда дети, поступая в Хамптон, пользуются теми сбережениями, которые заработали их родители или родственники, чем иногда неожиданно разрешается трудный вопрос воспитания сирот или детей разорившихся семей.

После 15-летнего опыта установилось в Хамптоне правило, что воспитанники могут получать в школе платную работу двух видов: 1) «Трудовой год», состоящий в 10 час. неквалифицированной работы 6 дней в неделю и «академических занятий» пять вечеров в неделю и 2) — «трудовой день», т. е. физический труд один день в неделю и понедельник до полудня для тех, кто находится в дневной школе. Эти правила действуют и поныне, только укорочен рабочий день, повышена оплата труда, и «трудовой день» не разрешен ученикам ремесленной и агрономической школ, т. к. с них и без того требуется огромное количество физического труда, как часть обязательной программы.

Все вышесказанное относится главным образом к труду мужской части воспитанников. Для девочек это организовано несколько иначе. Очень скоро после возникновения школы была открыта мастерская шитья, где изготовлялись все необходимые для воспитанников вещи. Большое число девушек находили там применение своего труда. Кроме того они должны были смотреть за помещениями своими и персонала и помогать в столовых и кухнях. По субботам девушек посылали группами по 8 человек в дома, находившиеся на территории школы, учиться печь хлеб и приготовлять домашний обед. Но очень скоро этот обычай был заменен специальным поварским классом под ру-

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1925 - 1926
Číslo výtisku: 18
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 637 - 656

SYSTEM
KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

ководством особой преподавательницы. Впоследствии был заведен огород, занятия в котором ведутся в той или другой форме до сих пор. В 90-х годах прошлого столетия было построено специальное здание для занятия «домоводством». В добавление к практической работе в дортуарах, делаемой в течение «трудового года» или «трудового дня», четыре часа в неделю посвящаются в течение всего курса классным занятиям по домоводству. В 1913 году эти занятия вылились в форму специального среднего учебного заведения «домашнего хозяйства», с 4 летним курсом, ввиду появившейся огромной потребности в специальн. преподавательницах этого предмета, введенного в большинстве школ южных штатов. Через 5 лет курс в школе был сокращен на 2 года, так как потребность в учительском персонале возрастала и не могла быть удовлетворена с достаточной быстротою.

Возможностей для обучения домоводству в таком заведении как Хамптон было так много, что во многих отношениях он исполнял свою роль лучше, чем даже хорошо поставленный дом, где всегда можно было, конечно, получить достаточный опыт. Несколько лет тому назад был введен «принцип подвижности», в силу которого каждая ученица передвигается в другую область, как только она достаточно освоилась с работой на первом месте. В результате все области домоводства изучаются в совершенстве. Принимая участие в работе по дортуарам и другим школьным помещениям, воспитанницы учатся не только практике домоводства, но и практике воспитания и общения во всех случаях жизни.

Но насколько просто разрешался вопрос с обучением всех девушек домоводству, которое им всем было нужно, настолько сложным оказался вопрос с мальчиками, т. к. их стремление к ремеслам было различно, да и в школу они приходили, зная иногда уже очень порядочно какое-нибудь ремесло. Этому удовлетворяло отчасти то, что вместе с ростом школы росли ее нужды. Так в 1883 году, когда школа насчитывала уже 15 лет существования, она имела прачешную, большую ферму, лесопилку, кузницу, портняжную, сапожную и шорную мастерские, столярную, малярную и типографию, которая обслуживала не только нужды школы. Изучая мастерство в течение 3-х лет, занятые в мастерских юноши посещают каждый вечер три сорокаминутных лекции в классе. В 1895 году при преемнике генерала Амстронга Х. Б. Фрисселе были сделаны первые шаги к организации настоящей ремесленной школы. Первой мерой было постановление о 6-месячной технической подготовке перед тем как поступить в соответствующие мастерские. Второй мерой было изменение условий приема: было объявлено, что браться за ремесленные работы могут только те поступающие, которые сдали экзамен с достаточными знаниями, причем предпочтение отдается тем, кто лучше сдал вступительные испытания. Эта мера привела к тому, что вскоре лучшие ученики

шли именно в обучение ремеслам. Организация ремесленного обучения к 1895 году достигла уже такой высоты, что с этого момента стали выдавать специальные ремесленные удостоверения тем, кто 3 года обучался ремеслу и прошел определенный минимум общеобразовательных занятий. В течение 10 лет с 1903 года обычный путь прохождения мальчиками Хамптона был следующий:

1 год. — Платная работа в классе «трудового года», чем приобретались средства для оплаты содержания этого года и следующего.

2 год. — Техническая подготовка и работа в соответствующих мастерских в течение 9 час в сутки и классная общеобразовательная работа в течение 2 час. каждый вечер.

3 и 4 год. — Производительная работа (а потому платная) в соответствующих мастерских в течение 9 час. в сутки и 2 часа вечером классной работы.

5 год. — Четыре дня в неделю целиком посвящены общеобразовательным занятиям, дающим право на получение аттестата.

Сначало большинство оставляло школу после 4-х лет, заканчивая лишь ремесленное обучение, а затем все большее число стало оставаться на 5-й и даже 6-й год для завершения общеобразовательного курса и получения аттестата.

Наконец, коренная реформа 1913 года с дополнительными прибавлениями 1920 и 1923 г. (а именно открытие высшего учебного заведения по агрономии и по строительному искусству) привели Хамптон к его современному виду и организации.

В настоящее время Хаптон представляет собою маленький городок на небольшом мысе, выступающем в океан и с одной стороны еще отделенный небольшой речкой Hompton; в нем 150 зданий, среди которых большая церковь, библиотека, несколько великолепных учебных зданий с огромными аудиториями, мастерские, дортуары, коттеджи преподавателей и другие постройки. Площадь, занимаемая усадьбой школы и ее фермой достигла уже 100 акров. В 1924 году преподавательский и воспитательский персонал насчитывал 250 членов, а учащихся (девушек и юношей) было 2251.

Хамптон имеет 4 отделения.

I. Collegiale Division. — Высшее:

1. Учительский колледж.
   а) агрономический институт.
   б) учительский институт.
   в) институт домашнего хозяйства.
   г) летняя школа для учителей.
2. School of Business (Коммерческий институт).
3. Строительное отделение.

II. Secondary Division — Среднее:

1. Academy (гимназия).

2. Ремесленная школа:
автомобильных механиков,
кузнецов,
каменщиков и штукатуров,
мебельщиков,
столяров,
механиков,
маляров,
печатников,
слесарей и механиков парового отопления,
портных,
колесников с дополнением кузнечества.

III. Ежегодные конференции:

строителей
фермеров
священнослужителей

IV. Краткосрочные курсы:

Краткий зимний курс агрономии.
Краткий курс для строителей.

Академия (гимназия) и промысловая школа делят свой учебный год — с 18 сентября по 8 июля — на четыре периода приблизительно по 9 недель каждый. Кроме этого, академия открыта с 10 июня до 29 августа для учащихся в классе «трудового года» и других специальных классов, а ремесленная школа (кроме высшего строительного отделения) открыта все лето для учащихся в третьем классе (третий год) и специальных классов. В высших учебных заведениях весь год между 18 сентября и 8 июля делится на три триместра по 12 недель каждый.

Не останавливаясь подробно на всех отделениях Hompton'a, я ограничусь характеристикой тех его отделений, которые, по своей для нас новизне, представляют особый интерес для русского читателя. Сюда относится в первую очередь агрономический институт, составляющий одно из главных отделений «Учительского колледжа». Цель этого учебного заведения приготовлять преподавателей агрономии, агрономов-инструкторов и, наконец, просто фермеров. Курс 4-годичный, заканчивающийся получением ученой степени баккалавра наук (bachelor of science). Институт, кроме общих ученых помещений и оборудования, имеет специальную химическую лабораторию, а также специальную библиотеку. Далее — ферму в 70 акров с правильным хозяйством, скотным двором с 36 коровами, конюшней, молочной и племенным птичником. 14 акров заняты под сад и огород. Кроме того, в 4 милях от института есть вторая ферма, имеющая 850 акров земли со скотным двором в 90 голов чистокровного скота, 28 лошадей и мулов и со свинятниками, где находится 150 чистокровных свиней.

Учебный план института следующий:

I год (25 нед. часов).

Английский язык (5 час.). Проходится грамматика, письменные и устные упражнения и письменные сочинения (изложения, рассказы и описания). Специальное внимание уделяется произношению и упражнениям в речи.

История (3 часа): История Европы как фон для изучения истории Америки. Средневековье, Ренесанс, Реформация, эпоха Стюартов. Новейшая история Европы 1648—1815 гг. Особое внимание уделяется сношениям Европы с Америкой. Европа в XIX столетии. Промышленная революция и ее следствия.

Математика (3 часа): Алгебра и геометрия.

Биология (5 час.): Общая ботаника, общая зоология и физиология человека.

Химия (3 час.): Общая неорганическая химия.

Полеводство (1 час): Общее понятие об отдельных отраслях сельского хозяйства и введение в агрономию.

II год (25 нед. час):

Английский язык (3 часа): Сочинения и изучение литературы на нескольких избранных образцах.

История (3 часа): История Соедин. Штатов от освободительной войны 1783 г. до 1878 года. Переход от примитивного хозяйства к культурному 1876—1896. Соединенные Штаты как мировая держава; изучение экономических и социальных проблем 1896—1924.

Физика (5 час.): Механика, теплота, свет, звук и электричество.

Химия (5 час): Количественный анализ и агрохимия.

Агрономия (5 час.): Главнейшие виды хлебов, их значение по отдельным областям Соед. Штатов, их экономическое значение, методы культивирования, принципы их улучшения и искусственного отбора.

Физическое воспитание (3 часа): Игры, спорт, гигиена, воспитательная гимнастика, работы на дворе. Анатомия.

Педагогика (1 ч.): Обзор современных педагогических проблем.

Второе или третье лето ученик должен остаться на летние практические занятия, причем он должен провести «одну единицу» работы на ферме, т. е. провести какую-либо полевую культуру или работу из области животноводства. Кроме этого он должен пройти курс какого-либо ремесла — столярного или кузнечного.

III год (21 нед. час):

Педагогика (3 часа): Введение в педагогику, теория классного преподавания, типы уроков и т. д. Психология ребенка. Экспериментальная педагогика.

Экономика и сельская социология (3 часа): Рынок, его типы, методы. Транспорт, хранение, доставка с.-хозяйственных продуктов от производителя к потребителю. Меры для улучшения быта сельскохозяйственного населения: церковь, школа, клуб, здравоохранение, кредит и т. д.

Биология (5 час.): Хозяйственная энтомология; хозяйственное значение насекомых, надзор за вредителями в поле, ферме, саду, огороде и т. д. Вредители животных. Физиология растений. Бактериология, особенно ее значение в производстве хлеба и молочных продуктов для сохранения продуктов. Проблема здоровья и болезни и т. д.

Животноводство (4 часа): Разведение крупного рогатого скота, племенной скот, отбор, кормление и уход. Молоко и молочные продукты. Свиньи, лошади, мулы, разведение, племенной скот, уход. Куроводство.

Агрономическая техника (3 часа): Сельскохозяйственные машины. Обращение с ними, конструкция, починка, уход. Сельскохозяйственные постройки, их удобство, полезность, стоимость, внешность, планы, оборудование, почвоведение, дренаж.

IV год имеет две фуркации: преподавателя агрономии и агронома. В первом случае:

Педагогика (3—5—10 ч. в трех триместрах): Основы преподавания

в средних учебных заведениях с практическими уроками в третьем триместре или внешкольное образование в сельских местностях (показат. фермы, библиотеки и т. п.).

Экономика (3 часа): Теория и практика кооперации.

Агрономия (4 часа): Специальное ведение хозяйства на ферме. Учет расходов и доходов, скотоводство, показательные фермы, изучение ведения хозяйства.

По выбору (5 час.): научный предмет на получения звания баккалавра (анатомия или патология растений, органич. химия, количественный анализ, метеорология, ветеринарная гигиена).

По выбору (6 час.): два предмета по сельскому хозяйству (огородничество, плодоводство, с.-хоз. экономия, с.-хоз. моторы, дренаж, молочн. хозяйство, куроводство, разведение молочного скота).

Вторым отделом «Учительского колледжа», на котором мне хотелось бы остановиться подробнее, является институт домашнего хозяйства. Цель этого института подготовить преподавательниц, ибо домоводство является занятием большинства женщин и поэтому должно быть обязательным предметом преподавания в начальной женской школе. Действительно, домоводство введено уже как обязательный предмет в очень многих начальных школах южных штатов, и институт Хамптон не успевает подготовить для них учительский персонал.

Обучение здесь распадается на три главные части: 1) «self-improvement» (самоулучшение), состоящее в воспитании привычек к улучшенной пище, к более красивой и гигиеничной одежде, к личной чистоте, красивому убранству комнат, разумному расходованию денег, материалов и времени; 2) «home-betterment» (семейные или домашние улучшения), т. е. обучение улучшенным методам ухода за семьей, улучшение питания семьи, ее одежды и жилища, разумное израсходование дохода семьи (семейный бюджет), сохранение и разумное употребление разных материалов в доме, применение правил, экономящих труд, способы семейной кооперации, совместной работы членов семьи на пользу всей семье; 3) «community betterment» (общественные улучшения), т. е. выработка правильных стандартных правил для населенных районов и жилых помещений, а также для покупок и расходования материалов в общественных учреждениях, и правил экономии времени. — При поступлении существует небольшой испытательный курс, во время которого проверяют, что знает девушка в домоводстве и к какой отрасли его она имеет большую склонность.

Обставлен институт домашнего хозяйства очень хорошо: имеется мастерская со специальными столами для кройки, всевозможными швейными машинами (разных систем), электрическими утюгами и разными другими приспособлениями. Тут же комнаты для примерок и шкафы для выставок. Здесь же иллюстрационный материал для изучения фабрикации бумажных, шерстяных и шелковых тканей, а также история одежды и костюма. В специальном пищевом отделении имеются индивидуальные плиты и газовые печки, равно как керосинки и газо-

вые кухни. Рядом с этими кухнями помещаются небольшие столовые, где каждая ученица может угостить своим обедом 6—7 приглашенных. Наконец, существует еще специальный «дом для практики». Это небольшой дом, каким часто обладают в южных штатах семьи среднего достатка. В первом этаже помещаются жилая комната (приемная), столовая, кухня и кладовая, во втором — спальни и ванны, в мезонине комната-склад для всех необходимых в хозяйстве вещей. Дом очень просто, но художественно отделан. Предназначен он для того, чтобы предоставить ученицам возможность практически упражняться в домоводстве. Учебный план института, расчитанный на два года (6 триместров), включает в себя следующие предметы:

I год (27 ч. в 1-м триместре и 31 ч. во 2-м и 3-м):

Английский язык (5 час.) в том же объеме, что и на первом курсе агрономич. института.

Педагогика (3 ч.): введение в педагогику в 1-м триместре и педагогич. психология во 2-м и 3-м триместрах.

Химия (5 ч.): общая неорганическая химия.

Физическое воспитание (3 ч.): Игры и спорт, гигиена, физическая гимнастика, анатомия.

Домашнее хозяйство I (4 ч.): Пища. Изучение состава, выбора и назначение пищи. Пищевой бюждет и проблема рыночных закупок. Практические приготовления состоят в приготовлении и подаче пищи для обычной средней семьи. Затем изучается специально приготовление отдельных блюд и, наконец, сохранение и консервирование припасов и пищи.

Домашнее хозяйство II (4 ч.): Одежда. Требуется хорошее знание шитья и кройки обычной, простой одежды. Детское белье и одежда, вышивки. Составление рисунков, наведение их. Рисунки для белья. Основы шитья платьев, подбор и годность материалов, цена и проч. Совершенствование в кройке и шитье платьев, платья из бумажной и шерстяной материи. Выбор материалов для шитья.

Домашнее хозяйство III (1 ч.): Общая теория домашней экономии. Цель этого курса дать каждому обучающемуся теоретическую основу всей организации обучения домашнему хозяйству, что необходимо для ориентации как в проходимом курсе, так и в предстоящей дальше педагогической деятельности по этому предмету. —

Кроме того в первом семестре проходятся:

Педагогика (1 ч.): общее учение и обзор педагогических проблем.

Домашняя экономия IV (1 ч.): Конструкция дома. Место, постройка, строительные материалы, водопровод, освещение, отопление, вентиляция, план дома, стоимость постройки.

Во 2-м семестре:

Домашнее хозяйство V (6 ч.): курс, который можно назвать — искусство и красота в доме. Цель курса приучить к пониманию, равно как к практическому применению принципов искусства в повседневной жизни. Изучаются тут элементы рисунка и орнамента, линии, свет и тени, теория расцветки и т. д., — все это таким образом, чтобы развить хороший вкус и уменье сознательно применять все эти знания на практике.

В 3-ем семестре:

Домашнее хозяйство VI (2 ч.): Изучение тканей и материи. История текстильного производства (шерсти, хлопка, шелка, полотна), изучение разных способов тканья и оценка тканей как носильного материала. Посещение музеев.

Домашнее хозяйство VII (4 ч.): Домоводство в узком смысле слова. В курсе много времени посвящается практической работе, но также обсуждению и демонстрации. Содержание: принципы домашнего хозяйства; приемы, экономизирующие труд, нормы времени для производства отдель-

ных домашних работ, применение научных принципов в домашнем хозяйстве. Принципы закупки запасов для домашнего хоязйства.

II год (3 трим. по 21 нед. ч.):

История Соед. Штатов (3 ч.).

Биология (5 ч.): ботаника, зоология и физиология человека.

Физическое воспитание (3 ч.): кроме групповых игр, гимнастики и легкой атлетики проходят физическое развитие детей школьного возраста, физические дефекты и наблюдение за ними, заразные болезни и предохранение от них. Первая медицинская помощь. Гигиена.

Кроме того в первом семестре проходится:

Домашнее хозяйство 1 (4 ч.): Портняжное искусство. Проходится практически шитье костюма и пальто. Лекции о наиболее гигиенических, красивых и дешевых костюмах.

Домашнее хозяйство II (4 ч.): Питание детей от рождения до школьного возраста. Приготовление горячих школьных завтраков, а также их расписание.

Домашнее хозяйство III: Материалы и методы обучения домашнему хозяйству. Это, собственно говоря, курс чисто педагогический. Тут изучается место домашнего хозяйства в системе обучения и значение этого предмета, программа курса домашнего хозяйства в школах с городским и сельским населением. Проблема и методы преподавания предмета и отдельных его подразделений. Каждая студентка должна составить самостоятельную программу обучения домашнему хозяйству.

Домашнее хозяйство IV (2 ч.): Этот курс очень интересен. Его можно назвать — изучение принципов хорошей семейной (домашней) жизни. Он посвящен изучению уровня (standard) жизни, красоты в доме, бюджета денежного и времени, общественных обязанностей хозяйки, употребления свободного времени, дома (семьи) как центра морального и религиозного воспитания. Курс специально предназначен для развития разумных идеалов домашней жизни.

Во 2-м семестре:

Домашнее хозяйство I (5 ч.): Платья. Практические занятия кройки и шитья 2-х платьев. Лекции о необходимом составе гардероба, бюджет одежды, общая проблема одежды.

Домашнее хозяйство II(5 ч.): Питание здорового и больного. Практические занятия 4 ч., 1 ч. лекции. Изучение необходимого питания человеческого тела, диэты в разном возрасте, при разных занятиях и разных болезнях.

Домашнее хозяйство III: Пробные уроки по преподаванию домашнего хозяйства или работа в «доме для практики». Эта последняя состоит в том, что 5—6 учениц вместе с учительницей живут в течение 6 недель в доме для практики. Они попеременно делают все необходимые работы и могут действительно на практике изучить ведение хозяйства небольшой семьи.

В 3-м семестре:

Домашнее хозяйство 1 (5 ч.): Шляпы и головные уборы. Производство зимних и летних шляп, каркасы, отделки. Лекции о социальной проблеме женщины в одежной индустрии.

Домашнее хозяйство II (5 ч.): Курс, заканчивающий отдел питания и производства пищи: перевозка и производство пищевых продуктов. Обзор техники и теории всей предыдущей работы. Практические работы. Демонстрации перед классом.

Домашнее хозяйство III: Пробные уроки по преподаванию домашнего хозяйства или работа в «доме для практики».

Все последние выпуски этого института были тотчас же приглашены на должности учительниц домашней экономии в начальных школах (первые 7 лет обучения). Институт не мог удовлетворить всех требований; поэтому он до последнего года не вводил предполагаемого 4-х летнего курса, в конце которого

студентка получала бы звание баккалавра. В последнее время количество учащихся с 36 человек возросло почти втрое, и дальнейшее расширение без переоборудования невозможно. Начало расширению этому однако уже положено пожертвованием Хамптону второго «дома для практики», который и был выстроен в 1925 году.

Описанные выше институты считаются своего рода факультетами высшего учебного заведения для подготовки преподавательского персонала. Я особенно подробно остановилась на институте домашней экономии, потому что его программа уже очень необычна и не укладывается в наше понимание высшего учебного заведения. Для того, чтобы дать, наконец, еще понятие о размерах всего учительского колледжа в целом, я укажу только, что в агрономическом институте обучается 31 студент, в педагогическом — 20 человек, в институте домашнего хозяйства — 36 чел. К сказанному надо прибавить, что учащиеся из других отделений и даже из средней школы могут проходить отдельные курсы, что очень распространено особенно в инст. дом. хоз., где в последнем году 189 девиц из других отделений Hompton'a проходили тот или иной курс.

Дополнением ко всему этому высшему педагогическому учебному заведению являются учительские летние курсы. Они специально предназначены для преподавателей, состоящих на службе, и очень разнообразны. Так есть курсы для директоров училищ, инспекторов, для учителей средней школы, низшей школы, учителей домашней экономии и физического воспитания. На последних курсах было всего 827 слушателей, в огромном количестве бывших воспитанников Хамптона.

Остановлюсь еще на Business School (коммерческое отделение). Это учебное заведение с двухгодичным курсом разделяется на два отделения: общий курс и курс для подготовки секретарей. Кроме общеобразовательных предметов преподаются в большом количестве экономические науки, прикладная математика, торговое право, корреспонденция, письмо на пишущей машинке, стенография и т. п. Главная группа учащихся проходит и педагогику, т. к. готовится для преподавания коммерческих предметов в средней школе. В этом отделении тоже есть большое число слушателей, которые проходят лишь отдельные курсы или предметы, обучаясь в то же время на каком-либо из других отделений. В то время как полный курс слушало всего 20 человек, частичные курсы проходило 470 человек. Центр тяжести лежит именно в этом вспомогательном значении коммерческого института.

* *
*

Самым многолюдным учебным заведением Хамптона являются *гимназические классы* («академия») — 449 учеников плюс г. наз. «рабочий класс», или класс «трудового года», который насчитывает еще 159 человек: всего 608 чел. Цель академии

подготовить учеников для поступления в высшие отделения Хамптона или другие колледжи. Поэтому программы академий приспособлены к требованиям, предъявляемым «Национальной объединенной педагогической комиссией по организации среднего образования», и соответствуют обычным программам американской средней школы.

Что касается *ремесленной школы*, то она тоже имеет 4-х годичный курс, но тут большая часть времени посвящена специальному ремесленному обучению, которое должно занимать в течение 4 лет не менее 4000 часов. Общеобразовательные предметы очень ограничены: английский язык, физика, химия, и затем ряд предметов, объединенных под названием «business» (история и теория экономики, торговое право, бухгалтерия, деловая корреспонденция, организация предприятий). В технические предметы входят: прикладная математика, черчение и чтение чертежей, специальное техническое ведение дела в каждом ремесле. Всего в этом отделении Хамптона обучается 267 человек, исключительно мальчики и юноши.

Переходя к описанию «*класса трудового года*», следует отметить, что вообще принципы и традиции Хамптона требуют, чтобы вся работа по обслуживанию института, насколько это возможно, выполнялась самими учащимися. Это делается и с воспитательною целью и с целью дать возможность неимущим заработать на свое пропитание. В дополнение к сказанному выше об этом классе «трудового года», я отмечу только еще, что весь платный труд всегда связан с систематическим обучением выполняемой работе, что еще повышает значение трудового года. При этом работа учащихся (как и их успехи) расцениваются по пятибальной системе. При отметке А учащийся может расчитывать на заработок в 406 дол. в год, при отметке В — 386 д., при отметек С — 366 д., Д — 320 и при Е — 264 д.

* *
*

Надо сказать, что дисциплина в Hompton'e, на наш европейский глаз, чрезвычайно суровая. Все без исключения ученики, мальчики и юноши, подчинены военной дисциплине. Они одеты в военную форму и зачисляются в специальный школьный батальон, находящийся в ведении военного министерства. Кроме командира батальона, его помощника и военных инструкторов, назначенных военным министерством из числа офицеров армии, все остальные должности замещаются учащимися, они назначаются и повышаются в должности по мере прохождения курса в зависимости от способностей, исполнительности и дисциплинированности. 3 часа в неделю обучаются строю и военным предметам. Кроме этого, батальон несет сторожевую службу и полицейскую охрану на усадьбе школы. Ни один учащийся не имеет права без разрешения оставить территорию школы. Строго запрещены: игра в карты, употребление та-

бака (курение и жевание), употребление ругательных слов, и не только в школе, но и вне школы. При поступлении каждый учащийся дает торжественное обещание подчиняться дисциплине школы.

Первый год является годом испытания, и учащийся может быть немедленно уволен или наказан за неудовлетворительное поведение или плохую отметку как по учебной части, так и по исполнению трудовой работы. Комнаты учащихся могут быть инспектированы в любой момент дня и ночи соответствующими лицами учебного персонала. Предписанные правила должны точно соблюдаться (запрещено, напр., иметь у себя спиртовку, электрические печки и утюги, свечи и т. п.). Неисполнение правил может повести к немедленному исключению учащегося. Сюда же надо отнести и требование явки в школу после каникул в точно назначенный день и час, один для старых учеников, а другой для вновь поступающих. Опаздывание к началу учебного года, равно как из простого отпуска или отсутствие ведут к немедленному штрафу в 5 д., без внесения каковой суммы учащийся не допускается в школу.

Несмотря на такую очень строгую дисциплину, для мальчиков даже военную, я должна сказать, что в школе царит спокойное, бодрое настроение и чувствуется огромная индивидуальная свобода и обширная область проявления личной инициативы и интереса. Так существует два литературных конкурса, награждаемых золотыми, серебряными и бронзовыми медалями. Затем имеются агрономическое и атлетическое общества, два оркестра (один военный при батальоне, другой смешанный), мужской и женский хор, который поет также в церкви Хамптона, два литературных кружка, общество развития музыкального искусства, студенческое общество взаимопомощи и, наконец, студенческий ежемесячный журнал.

Вся школа обязана ежедневно вечером собираться на молитву. По воскресениям в «церкви Христа» в Хамптоне, которая не принадлежит ни к одному особому исповеданию, происходит богослужение. Каждый учащийся может записаться в общину этой церкви, что влечет за собою обязательное присутствие на всех богослужениях и участие в работе общины, главным образом в организации воскресной службы в округе школы. Но записаться в общину учащийся может, только представив разрешение от настоятеля церкви или другого священника какого-либо христианского исповедания, в котором учащийся уже ранее состоял.

Такова эта интересная школа, возникшая по частной инициативе, находящаяся вне зависимости как правительства своего штата, так и федерального правительства, содержимая на частные средства, которые складываются из пожертвований, покрывающих недостающие каждый год школе 160.000 долл. на текущие расходы, имеющая имущество (100 акров земли со 150 постройками), оцениваемое в несколько миллионов долла-

ров. Управляется школа комитетом из 16 доверенных лиц, среди которых много известных государственных и общественных деятелей. Каждое отделение Хамптона, каждое здание, каждое улучшение есть результат частного пожертвования. Школа никому не подчинена, являясь в то же время центром образования негров на юге. Теперь на нее накладывается много полуоффициальных обязанностей, в особенности в связи с летними курсами для учителей и так наз. конференциями сельских хозяев, строителей и священнослужителей, равно как и краткими курсами сельского хозяйства и строителей, собирающихся каждый год. В результате мы видим огромное учреждение, имеющее 2251 учащихся и 240 лиц преподавательского, воспитательского и проч. персонала, ведущее огромную учебную работу и имеющее большое влияние на культурное развитие негритянского населения южных штатов. Хамптон издает с 1872 года очень большой и распространенный журнал «The Southern Workman» (Южный Рабочий).

Благодаря умелому использованию частной энергии и частной инициативы, благодаря умению во время отказаться от устаревших принципов и искренней жажде принести пользу приспособлением к необходимым современным условиям, — Хамптон процветает и развивается. Его роль и значение огромны. Но он не один. Таких школ, таких центров в Америке много. Для нас, европейцев, особенно интересны методы общественной работы, стремление использовать добровольные силы каждого отдельного лица, которые при этом проявляются особенно сильно. Если просмотреть список персонала Хамптона, то поражает, какое огромное количество лет руководители Хамптона работали в школе. Пример президентов школы в этом отношении достаточно характерен. Их было всего три — первый — генерал Амстронг с 1868 до своей смерти в 1893 году, второй, Фриссель, с 1893 г. до своей смерти в 1917 и третий, нынешний президент — Грег, сам всю жизнь, как и его предшественник, проживший в школе.

Многое в Америке нам, европейцам, непонятно. Многое чуждо, многое кажется наивным, но так ценить людей, так ценить энергию отдельных лиц, так поддерживать всем обществом эту работу и давать на нее средства умеют только в Америке, и только там мы найдем то настроение спокойствия, бодрости и какой-то удовлетворенности работой в школе, которая заставляет всякого наблюдателя верить в то, что здесь школьная работа и школьное развитие идут по правильному пути.

А. В. Жекулина.

Павел Гаврилович Виноградов.

19 декабря 1925 г. в Париже скончался от пневмонии П. Г. Виноградов. П. Г. по обыкновению направлялся в Рим, где он проводил зимние месяцы. Незадолго перед смертью он вместе с профессором Павловым получил Doctor honoris causa от Сорбонны. В его лице европейская наука потеряла одного из своих выдающихся представителей. Для нас, русских, эта потеря особенно тяжела, потому что в современных условиях как русской, так и эмигрантской жизни трудно развиваться молодым талантам, и редеющие ряды русских ученых надолго останутся не замещенными.

П. Г. родился в 1854 г. в Костроме. Окончив гимназию, он поступил в Московский Университет, где занялся изучением средних веков. Его первая работа о феодализме в Италии и вторая о социальной истории Англии были напечатаны по русски. Почти все последующие работы были напечатаны по английски, кроме некоторых, написанных по-немецки. Во время своих многочисленных путешествий П. Г. изучил все главные языки Европы, он свободно говорил по английски, французски, немецки, итальянски, испански, шведски и по норвежско-датски. В 1892 г. он напечатал свой основной труд «Villeinage in England», который сразу определил его место в европейской науке. В 1902 г. П. Г. эмигрировал в Англию и занял кафедру «юриспруденции» в Оксфорде. После революции 1905 г. П. Г. снова возвращается в родной Московский Университет, но после «Мануиловской истории» он во второй раз эмигрирует в Оксфорд и остается там уже до смерти. В 1917 г. он получает рыцарское достоинство от английского короля за политические заслуги, — посредничество между английским и русским правительствами. В 1921 году П. Г., потеряв окончательно надежду на возвращение в Россию, переходит в английское подданство. Однако он по прежнему принимает деятельное участие в русских делах. С самого основания Русской Академической Группы в Великобритании он состоял ее Почетным председателем, кроме того, он был председателем Комитета Помощи русской интеллигенции в Лондоне, при посредстве которого голодающим интеллигентам в России были переведены тысячи посылок A.R.A. 22 января 1926 г. Русская Академическая группа устроила торжественное заседание в память П. Г., на котором были прочитаны доклады бар. А. Ф. Мейендорфом и А. И. Ону.

Его научные заслуги будут несомненно определены людьми более компетентными. Здесь, в педагогическом журнале, я хочу отметить только деятельность П. Г. по народному образованию. В конце 90-х годов П. Г. основывает в Москве Педагогическое Общество и избирается его первым Председателем. Общество составило известный проэкт реформы средней школы, который оказал некоторое влияние и на правительственные круги. Кажется с 1895 года П. Г. состоял гласным Московской Городской Думы и был избран Председателем Думской комиссии по народному образованию.

Он много потрудился для введения всеобщего обучения в Москве, которое и было достигнуто на практике к началу XX века. В 1900 году П. Г. является членом Комиссии при Мин. Нар. Просв. для реформы средней школы, созванной министром Боголеповым. П. Г. представил меморандум о недостатках классической гимназии, который был подписан 43 членами комиссии, в том числе профессорами О. Д. Хвольсоном, И. А. Сикорским, Павловым и редактором «Русской Школы» Гуревичем. Боголепов назначил П. Г. председателем подкомиссии по выработке проэкта единой школы, и эта работа была им выполнена в соответствии с прежним проэктом Московского Педагогического О-ва. П. Г. предлагал систему единой школы по образцу скандинавской, т.е. 5 лет общей школы первой ступени и 3 года второй ступени с тремя отделениями: 1) натуралистическим, 2) литературно-историческим и 3) классическим.

Таблица уроков по проэкту П. Т. Виноградова (см. Труды Высочайше утвержденной Комиссии по вопросу об улучшениях в средней общеобразовательной школе. Томы I—VIII. СПБ. 1900. Издание М. Н. Пр.):

ПРЕДМЕТЫ	Младшее отд.					Стар. отд.			ВСЕГО
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	
З. Б.	2	2	2	2	2	2	2	2	16
Русск. язык	5	4	4	4	4	4	3	4	32
Иностранные языки	5	5	4	4	3	3	3	2	29*)
	—	—	3	2	2	2	2	2	13*)
История	—	—	—	3	4	3	4	3	17
Математика	3	4	4	4	4	3	4	3	29
Физика и химия	—	—	—	2	2	3	2	2	19
География	2	2	3	2	2	2	1	2	16
Философск. пропедевт.	—	—	—	—	—	—	1	2	3
Рисование	2	2	2	2	2	—	—	—	10
Пение	(2)	(2)	(2)	(2)	—	—	—	—	(8)**)
Ручной труд	—	(2)	(2)	(2)	(2)	—	—	—	(8)**)
Дополнительные занятия для отделений по специальностям:									
Для словесников	—	—	—	—	—	4	4	4	12
,, классиков	—	—	—	—	—	6	6	6	18
,, натуралистов	—	—	—	—	—	4	4	4	12
Всего	24	24	25	27	27	28	28	28	

В этой таблице П. Г. сделал уступку классической традиции и ввел 18 ч. древних языков для классического отделения; в проэкте Московского Пед. О-ва латынь изгонялась вовсе из средней школы. Боголепов был убит, и дело реформы было передано новым Министром Ген. Ванновским новой комиссии, которая выработала проэкт под влиянием схемы П. Г.

*) Франц., немецк. или английск., два по выбору.

**) Во внеурочное время.

В это время П. Г., однако, решил покинуть Россию. В 1899 году, как известно, произошли очень серьезные волнения в русских университетах, поведшие к закрытию высших учебных заведений. Совет Московского Университета избрал комиссию для исследования причин студенческих беспорядков. Между прочими членами были избраны и П. Г. Виноградов и В. Ключевский. Комиссия московских профессоров пришла к единодушному заключению, что причиной непрерывных студенческих волнений является запрет естественных стремлений юношества к общению. Поэтому они полагали необходимым разрешить организацию землячеств и других студенческих организаций не революционного характера и узаконить институт курсовых старост. Министерство категорически отказалось провести подобные меры. Тогда П. Г. подал прошение об отставке, не видя другого выхода из создавшегося тупика. Ген. Ванновский просил его остаться и в письме между прочим писал, что «грешно Вам П. Т. оставлять Московский Университет в такое время». Однако П. Г. свое решение не изменил и уехал в Оксфорд.

По своим политическим симпатиям П. Г. принадлежал к русской либеральной мысли с некоторым уклоном к народничеству. Когда в 1905 году шел разговор о создании министерства общественных деятелей П. Г. намечался в Министры Народного Просвещения. Однако, новая реакция заставила его воспользоваться отставкой ректора Моск. У-та Мануилова и уехать навсегда из России. В 1902 г. П. Г. напечатал брошюру «Борьба за школу на скандинавском севере», где дал превосходную характеристику северной школы и изложил свои взгляды. Кончил свою брошюру он фразой, которая сохраняет все свое значение и в наше время: «Перед нами, можно сказать, в эту минуту, своего рода ледоход, в котором ломается и сплывает старое, но зато прочищается путь к свободному движению реки. Время тяжелое и опасное, — но надо помнить, что без ледохода у нас на севере не бывает весны».

Н. Ганц.

Светлой памяти Кардинала Мерсье.

Есть души, открытые началам добра, правды и любви. Такой душой была душа умершего 23 января сего года главы бельгийской церкви кардинала Мерсье. Ярким пламенем горела в ней действенная любовь к ближнему. Служа делу любви к ближнему, как основной заповеди Христа, этот высокий князь церкви забывал только об одном — о себе самом, целиком отдавая себя на защиту слабых, обиженных, угнетенных.

У всех еще свежа в памяти геройская защита кардиналом Мерсье жителей несчастной Бельгии — первой жертвы великой войны. Едва ли не у всех в памяти его пастырское послание «Патриотизм и терпение», заключавшее резкий протест против немецких жестокостей и насилий по отноше-

нию к бельгийскому народу. Ни тюрьма, ни угроза смерти не могли заставить кардинала Мерсье взять обратно хотя бы одно слово из точно формулированных обвинений. А что немецкие угрозы не были лишь пустыми угрозами, показала трагическая судьба мисс Кавелис. И имя Мерсье — кардинала-героя еще во время великой войны приобрело мировую популярность.

Свою карьеру Мерсье начал с профессорской кафедры философии в католическом Лувэнском университете. Перу его принадлежит несколько специальных трудов по философии. В 1906 году он был назначен архиепископом Малина, а в следующем году получил кардинальскую шапку. Но не в этих фазисах и формах его служения и церкви лежит обаяние личности кардинала Мерсье.

Широкий гуманизм, сердце, всегда открытое любви и состраданию, светлый ум, не застывший в одной лишь догме католического вероучения — вот что выдвинуло кардинала Мерсье до ранга признанного друга всего человечества, защитника общечеловеческой правды. Католик — он ищет путей для общения и единения всех христианских церквей и исповеданий. Его религиозная терпимость и стремление найти общий язык христианск. вероучения общеизвестны. Человек и общечеловеческое всегда ближе ему, чем различия конфессиональные или национальные.

Тяжкая участь русских юношей студентов после войны и революции сразу обратила на себя взор, полный участия, покойного кардин. Мерсье. Многие русские юноши обязаны кардиналу тем, что он устроил их стипендиатами Лувенского университета, оставляя им полную свободу вероисповедания. Многие русские девушки учатся и сейчас в школах при бельгийских католических монастырях. Специальный комитет был создан в Бельгии для забот о просвещении русского юношества, и этот комитет имел во главе своей того же кардинала Мерсье.

Во всем его внешнем облике было нечто действительно апостолическое. Но особенно врезывался в память ласковый блеск его глаз, излучавший доброту его любвеобильного сердца.

28 января столица Бельгии Брюссель устроила грандиозные по торжественности национальные похороны кардинала Мерсье. Прах Мерсье будет покоиться в Малине.

Мы — русские — потеряли в кардинале Мерсье лучшего из лучших наших друзей — тех, кто познается в несчастьи. Мир праху твоему, великий пастырь и великий наш друг! Память о тебе и твоем жизненном подвиге навсегда сохранится в наших благодарных сердцах.

Н. Могилянский.

Библиография.

Педагогическая библиография. *Систематический указатель книжной и журнальной литературы по вопросам народного просвещения за 1917—1924 гг.* Под ред. *В. Ф. Лебедева.* Государ. изд. П. 1926. Книга III-я. Стр. 288. ц. 1 р. 60 к. Тираж 12.000. Книга IV-я. Стр. 85. Ц. 90 к. Тираж 5.000.

Литература по вопросам просвещения за последние годы получила в России чрезвычайное развитие; по авторитетному заявлению известнейшего знатока вопроса, В. И. Чарнолусского, число ныне выходящих в свет в советской России журналов, книг и брошюр, посвященных вопросам воспитания и школьного дела, далеко превысило довоенную норму. В 1925 году издательство «Работник Просвещения» стало выпускать ежемесячный библиографический орган «Бюллетени Просвещения», назначение которого — регистрировать этот громадный поток педагогической литературы и помочь рядовому работнику разобраться в нем. Работа, нами рецензируемая, вызвана также желанием «зарегистрировать обширнейшую, разнообразную по содержанию, литературу мнений, соображений, практических опытов, методов, теорий и обоснованных систем педагогической работы в области дошкольного, школьного и внешкольного (политпросветработа) образования, вышедшую в России за время с 1917 г. по конец 1924 года».

Составители — Д. Е. Березов, Е. П. Быстрова, В. Ф. Лебедев, А. Г. Разумовский, М. И. Савваитский, Н. А. Соколов, С. П. Солодовников, Е. К. Товстик и В. К. Чихачева — заявляют, что их работа не претендует на исчерпывающую полноту. «В первые годы революции, говорят они в предисловии, отмечается неаккуратная доставка с мест журналов и книг. Из 314 педагогических журналов, зарегистрированных при составлении настоящего указателя, расписано по статьям 203— остальных журналов не оказалось возможным достать в основных книгохранилищах Петербурга; из расписанных журналов не все содержат полный комплект номеров. Из журналов за 1924 г. расписаны те, которыми можно было воспользоваться до ноября месяца, когда было закончено собирание материала для «Педагогической Библиографии». Список книг составлялся по «Книжной Летописи»; не вошедшие в последнюю книги взяты из других источников, напр., из рецензий, обзоров, перечней»... Несмотря на отмеченную неполноту, составители все же надеются, что все существенное, относящееся к делу народного просвещения за последние 8 лет, в их работе зарегистрировано. При оценке указателя со стороны полноты сообщаемых им сведений следует иметь в виду еще следующее обстоятельство. — Составители тщательно отмечают в своем труде все библиографические указатели, списки книг, журнальных статей и пр. Этот прием позволяет составителям «Педагогической Библиографии» приводить не только тот материал, который устанавливался по «Книжной Летописи» или по журналам, но и тот, который не был ими использован по тем или иным причинам. Это делает до-

ступным для изучения весьма значительный и интересный материал даже и за время дореволюционное. В педагогических журналах составителей, главным образом, привлекала единая трудовая школа, а также учебные заведения и учреждения Наркомпроса, соприкасающиеся с нею по общности целей, программ, возраста учащихся (фабзавуч, школа для дефективных, летняя школа и т. д.) Учебные заведения и учреждения, имеющие самостоятельные задания (профессиональные школы, музыкальные, сельско-хозяйственные и другие специальные училища, рабфаки, вузы) представлены в указателе, главным образом, со стороны их связи с общей системой народного просвещения, без указаний о подробностях учебного плана и внутренней организации. Из журналов не взяты: правительственные распоряжения, декреты, тексты положений, уставов, инструкций, а также мелкая хроника, хроникерские отчеты, сообщения, заметки с мест, корреспонденции и т. п.; совершенно опущена литература, освещающая вопросы, связанные с професиональным движением среди учащих, с профессион. союзом, заработной платой и пр., а также педагогическая литература, освещающая школьную и полит.-просвет. работу в красной армии и красном флоте. Исключены из указателя и списки учебников, кроме тех, о которых имеются печатные отзывы.

Очень ценно это обстоятельство, что в «Педагогической Библиографии» использована педагогическая литература, появившаяся не только в пределах РСФСР, но и в пределах Беролуссии и Украины. К сожалению, указания на эту «иностранную» для нас, русских, литературу случайны, отрывочны и, конечно, не могут служить надежным путеводителем для тех, кто вплотную захочет подойти к изучению литературы по вопросам просвещения новых государственно-национальных образований. Надо надеяться, что в свое время появятся указатели интересующей нас литературы и на украинском, и на белорусском, и на других языках.

По плану составителей, «Педагогическая Библиография» разбивается на три отдела и будет, повидимому, состоять из семи книг. В первой книге центральное место — судим по проспекту составителей—займет вступительная статья проф. М. Н. Куфаева — «Библиография как наука и как прикладное знание», разрабатывающая теорию библиографии и освещающая основные вопросы книговедения; за этой статьей в первой книге следует *вводный отдел*, заключающий указания на литературу, «раскрывающую общие идейные стороны всей системы Наркомпроса, относящиеся ко всем отраслям народного просвещения — и к дошкольному, и к школьному образованию, и к политпросветработе (внешкольному образованию). Следующие три книги охватывают *школьное образование* (основы школьного дела, методы обучения, административно-организационные вопросы); второй отдел — *дошкольное образование* — охватывается одной книгой; третьему отделу — *внешкольное образование* — посвящены две книги.

Из перечисленных книг вышли в свет три: две из отдела школьного образования (основы школьного дела, «административно-организационные вопросы») и книга, посвященная литературе по дошкольному образованию. Нам удалось достать в Праге только две последние, краткую характеристику которых мы и дадим ниже, считая ,что общая оценка, сделанная нами, даст достаточное представление обо всем издании в целом.

«*Административно-организационные вопросы*» дают указания на ли-

тературу, характеризующую устройство и предметы ведения учреждений Наркомпроса, организацию и состояние школьного дела на местах, съезды и конференции по общим вопросам школьного дела; приводятся работы по статистике народного образования, по устройству и оборудованию школы, подготовке школьных работников, общие вопросы педагогическ. образования, педагогические учебные заведения, переподготовка. Во втором отделе книги сосредоточены сведения о высшем образовании (рабфаки, вузы, положение студенчества, студенческие периодические издания). Не велик, но полон живого интереса отдел «Personalia», в котором сообщены данные об юбилеях и некрологах деятелей русской школы. Затем идут отделы: школьное дело за границей и библиография; в последнем очень интересен список обзоров, статей и книг библиографического характера по вопросам школьного дела (занимает около 4 печ. листов), рецензии на учебники и школьные пособия.

Чтобы судить о богатстве содержания книги, достаточно принять во внимание, что общее число расписанных статей, заметок и книг достигает 2850, а алфавитный указатель авторов и рецензентов, упомянутых в книге, занимает 19 страниц, набранных петитом, в два столбца.

«*Дошкольное образование*» последовательно приводит сведения о литературе, посвященной выяснению задач просвещения и современной педагогики, наиболее необходимой дошкольному работнику, дает списки книг по психологии детства и педологии, теории дошкольного образования и воспитания (общие вопросы, семейное и общественное воспитание, обучение чтению и счету, природоведение, изобразительное искусство и ручной труд), сообщает данныя о литературе по вопросам организации дошкольного образования, устройству съездов и конференций, подготовке дошкольников; особенно богаты указания на литературу по практической работе дошкольных учреждений (ясли и очаги, детские сады и дома, площадки, летние колонии, дошкольный класс семилеток), о детских играх, театре, праздниках и развлечениях; отдел — за границей и библиография — достаточно полны и выдержаны. Всего в книге дано 860 библиографических заметок, указатель авторов — пять страниц.

Судя по вышедшим в свет книгам, указатель будет очень «внушительным» изданием; уже отмеченные нами выпуски, напечатанные четким, но очень убористым шрифтом, дают свыше 750 страниц текста обычного книжного формата в восьмую долю листа. Остается только пожелать скорейшего выхода в свет всех намеченных выпусков и превращения этого полезного издания в «Ежегодник Педагогической Библиографии», аккуратно регистрирующий всю выходящую в свет педагогическую литературу и не только на русском языке, но и на языках других народов, входящих в состав Союза. *Н. Новожилов.*

В. И. Куфаев. *Систематический указатель русской педагогической и юридической литературы о социально-правовой охране несовершеннолетних, детской беспризорности, детских правонарушениях и мерах борьбы с детской беспризорностью за время с 1913 г. по март 1925.* С алфавитно-предметно-поименным указателем. Изд. «Право и жизнь». М. 1925. Стр. 81.

Библиографический указатель г. Куфаева вышел в качестве одного

из выпусков серии изданий п. н. «В защиту детства» под редакцией проф. М. Н. Гернета, П. И. Люблинского и А. Н. Трайнина.

По утверждению автора, детская беспризорность и права нарушения несовершеннолетних в дореволюционный период не были предметом особого внимания со стороны государства и общества. «Отражением такого невнимания к беспризорным детям служит и бедность литературы по интересующему нас вопросу в дореволюционное время. После же октябрьской революции беспризорный ребенок приобретает права гражданства, ставши в фокусе самых широких забот о детях. Интересы беспризорного ребенка защищаются и охраняются так же, как и всего детства».

Эта суммарная характеристика нуждается в существеннейших поправках. Хотя специальная литература по вопросу о детской беспризорности до октябрьской революции, действительно, не была особенно богата, но, во всяком случае, она была значительна качественно, а в последние перед революцией годы, после создания особых судов для несовершеннолетних, и количественно весьма разросталась. Далее, и после 1917 года по настоящее время наиболее ценные работы, носящие характер или, по крайней мере, приближающиеся к типу беспристрастных научных исследований, вышли из под пера все тех же и прежде известных работников — М. Н. Гернета, П. И. Люблинского, Е. Н. Тарновского, А. С. Грибоедова, П. Г. Бельского, С. А. Зилова, г-жи Рубашевой и нек. др. Что касается утверждения, что в сов. России беспризорный ребенок приобрел права гражданства, то мы склонны формулировать положение иначе: «право гражданства» в смысле длящегося годами огромного социального бедствия, в смысле какого-то неискоренимого бытового явления приобрело самое явление детской беспризорности. Неудивительно, поэтому, что в сов. печати тема о беспризорных не сходит с обсуждения, и что огромное количество статей, перечисленных в библиографическом указателе г. Куфаева, самими заголовками своими свидетельствует о непрекращающейся остроте бедствия. Сотни статей — п. н. «На помощь детям!», статьи под заголовками: «7 миллионов беспризорных детей погибает!», «Армия беспризорных увеличивается», «Государственное бедствие», «Пятно нашей жизни», «Один из страшных вопросов», «Детская беспризорность — угроза общественной безопасности», «Губоно, помоги!», «Ярославль забыл о беспризорных», «Вместо пьянства и обжорства поможем лучше беспризорным детям», «Что лучше, покупать торты и цветы или помочь беспризорным детям» —, повторяем, самые алармистские названия статей в советской печати уже дают некоторую характеристику современного положения, менее всего располагающую к самодовольству и самовосхвалению.

Из 992 названий библиографического указателя лишь немногие относятся к литературе монографической и к более значительным журнальным статьям. Главную массу составляют названия мелких газетных статей, заметок и даже простых воззваний, появившихся в СССР в *1924 году* и собранных информационным отделом Наркомпроса РСФСР. То, что такие вырезки назван. отделом собраны, это полезно. но не совсем понятно. какую цель преследовал старательный библиограф, опубликовывая их список. Ведь едва ли даже в сов. России можно найти комплекты таких изданий, как «Красная Карелия», «Красная Татария», «Красный Алтай», «Красный Дагестан», «Красный железнодорожник», «Красный Мир»,

«Красный луч» и даже... «Красный Галстук», издаваемый в Орле? Торопецкий «Светоч» и «Туркестанск. искра», думается нам, так же недоступны для полного обозрения, как галичский «Плуг и молот» или гомельский «Набат молодежи».

Количественная внушительность явно не соответствует внутренней значительности. При этом библиографические указания (за исключением Москвы и Петрограда) не систематизированы, а расположены по городам. Правда, алфавитно-предметный и поименный указатель помогают найти нужные сведения.

Несмотря на все указанные недостатки, библиографический указатель г. Куфаева является все же полезным справочником для всех, интересующихся положением детей в современной России.

Ал. Маклецов.

Я. Ряппо. *Реформа высшей школы на Украине в годы революции.* Харьков. 1925. Стр. 154.

Книга составлена из газетных статей г. Я. Ряппо — заведующего отделом высшей школы в Украинском Наркомпросе. По признанию самого автора, статьи эти «несовершенны своей литературной формой», «ибо написаны в горячке огромной и в то же время весьма кропотливой работы: некогда было заниматься их отделкой; кое где они и устарели». — Но для читателя, незнакомого по личному опыту с практикой советской школы, в этой беглости и злободневном характере газетных статей есть и некоторое преимущество: в статьях г. Ряппо больше откровенности, чем в расчитанных на «европейского» читателя известных очерках укр. школы г. Астермана и в других подобных произведениях.

Картина полного уничтожения того, что собственно принято называть «высшей школой», развертывается перед читателем с исчерпывающей полнотой. — В основу реформы школы У. Наркомпросом положен утилитарный принцип: «польза для рабочих и крестьян» (стр. 5); наука — только средство, а не цель (6, 67), — поэтому всему обучению в ВУЗ-ах придается (целевая установка» (18, 93), т. е. преподавание всех наук во всех ВУЗ-ах не исключая и «педагогических» — бывших университетов) ориентируется на «производственные задачи», связывается с производством (12, 20); учебные заведения, которых не удается связать с производством непосредственно (напр. художественные, медицинские), рассматриваются только как вспомогательные, «обслуживающие». Отсюда — уничтожение университетов, дающих по мнению г. Ряппо только «идеалистическую схоластику» (93), а с другой стороны — признание «техникумов» — узко-специальных школ «высшими» уч. зав. (впрочем, в статистике техникумы не всегда причисляются к высшим учебным заведениям). Этот же утилитаризм приводит и к неприкрытому признанию высшей школы «политической организацией» (7, 69) и к вытекающей отсюда политике, вплоть до признания за право назначения ректором коммуниста (135). — Не удивительно и то, что «путь и объем занятий» (это в высшей школе!) должен быть по мнению г. Ряппо определен детальной программой (19), т. е. не только отрицается всякая свобода преподавания, но устанавливаются (к счастью, пока только в мечтах г. Ряппо) условия преподавания, ничем не отличающиеся от тех, какие (по сообщениям европейских газет) собирался

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1925 - 1926
Číslo výtisku: 18
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 657 - 676

SYSTEM
KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

завести в Испании генер. Примо-де-Ривера, требовавший чтения совершенно идентичных по содержанию курсов лекций во всех университетах. — После всего этого как то странно читать: «Нас уже не увлекают идеалы либеральной профессуры и студентов об «автономии» высшей школы, или свободы собраний, союзов и т. п., ибо все это достигнуто рабоче-крестьянской страной.» В действительности же, в даваемом автором очерке истории университетских уставов в России наиболее сходства с советскими порядками мы найдем не в идеалах «либеральной профессуры», а в реакционном уставе 1884 г. с его назначаемым ректором, руководящей ролью попечителя и министра во всех вопросах университетской жизни, утилитаризмом в постановке университетского образования (впрочем, утилитаризм этот не нов: еще § 1 устава 1804 г. предназначал университеты для «подготовления юношества для вступления в различные звания государственной службы», и тою же целью мотивировалось основание Московского университета). И г. Ряппо только последователен, когда осуждает проэкт университетского устава графа Игнатьева, который «относит университеты к научным учреждениям без всяких практических задач...» (имеется ввиду § 2: — университеты «имеют целью содействовать развитию наук и сообщать ... высшее образование»). — «Все строится на чистом академизме», — замечает г. Раппо (130), — а «*этого рода академизм был, несомненно, шагом назад в далекое прошлое*» (курсив мой Д. Ч. 131). Конечно, при изложении «Положения о ВУЗ-ах РСФСР» (1921 г.) с его назначаемым ректором («ректором-коммунистом», комментирует г. Ряппо), правлением и президиумами факультетов, более уместны такие признания, чем лицемерные утверждения, что автономия в. школы и свободы студенческих организаций «осуществлена в рабоче-крестьянской стране». Какое-либо «самоуправление» г. Ряппо допускает только для начальной школы — «в воспитательных целях» (13[1]). Для чего может пригодиться это воспитание взрослому на Сов. Украине, остается тайною автора.

Из утилитарного понимания задач университета вытекает и своеобразное положение студента в советской высшей школе. Я отмечу тут только некоторые факты, опуская общеизвестные. Прежде всего, совершенно отрицается свобода выбора факультета (ср. 23, 27 и след. 108 и друг.). Система «командировок» студентов в ВУЗ профсоюзами, исполкомами, партией, произвольное назначение студентов в определенную школу комиссариатами («вся масса учащихся» должна была быть направлена в 1923 г. в техникумы), полное закрытие приема в определенном году (напр. в 1925 г.), воспрещение перехода из школы в школу и с факультета на факультет — все это, м. б., и естественно в условиях, когда студенты являются стипендиатами государства, но делает совершенно невозможным то отношение студента к свободно-выбранной им специальности, которое одно может обеспечить действительную продуктивность работы и придать ей характер научной активности. — Правда, советская школа будто бы знает для этого другие средства — в частности метод преподавания — «трудовой» или какой иной, но г. Ряппо не останавливается на характеристике методов преподавания в советской высшей школе, кой-где только бросая замечания о необходимости профессоров «спуститься с высоты своего величия и приспособиться к пролетарским потребностям» новых слушателей (81). Это приспособление должно, очевидно, состоять в применении «комплексного»

метода (88), в оборудовании кабинетов и лабораторий руками самих учащихся (146) и т. п., — чего либо определенного мы в книге г. Ряппо не найдем. — Много места посвящено характеристике партийного и социального состава студенчества. Здесь встречаем кой какие интересные цифры. В 1922 г. % коммунистов среди студентов принятых во всех ВУЗ-ах Украины был равен всего 2,5%, в 1923 г. % этот возрос для индустриально-технических школ до 18% (все % отношения вычислены мною. Д. Ч.), для сель.-хоз. — до 13%, для социально-экономических — до 17%, для педагогических — до 6%, для медицинских до 8%, и можно уже констатировать, что всюду проходят (при выборах в студенч. организации) списки, предложенные коммунистами» (35), что коммунисты являются «гегемоном» в студ. жизни. Статьи г. Ряппо не замалчивают и средств, при помощи которых это господство коммунистов достигнуто — красноречивые страницы он посвящает пресловутой «чистке» (стр. 152 и др.), при значительном участии которой (59) число студентов «снижено» от 56.000 на всей сов. Украине с 1920 г. до 46.000 в 1922 г. и 39.000 — в 1923, а в 1925 должно было быть доведено до 30.000 (142). — Благодаря чисткам и соответствующим мероприятиям при приеме, изменен и социальный состав всего студенчества — так % рабочих среди учащихся в ВУЗ-ах Украины возрос от 6,8 в 1922 г. до 12,3 — в 1923 и 15,6 в 1924, а % крестьян — от 10,5 до 21,4 и 24,9% (122; социальный состав *вновь принятых:* в 1922 г. рабочих 18%, крестьян — 15%, в 1923 для разных видов ВУЗ-ов рабочих от 12—33%, крестьян — 19—51% — см. 35).

Ни в одной из статей мы не найдем *объективного* материала для суждения об успешности новых элементов студенчества, пришедших в значительной мере из так наз. «рабфаков». А между тем г. Ряппо несомненно хотел бы (и как заведующему отделом высшей школы ему это желание нетрудно будет осуществить) ограничить прием в ВУЗ-ы *исключительно* слушателями «рабфаков» («никакого приема со стороны!»). При том в одной из статей мы встречаем указания, что в высшую школу нужно принимать слушателей «из жизни», т. е. «с известным жизненным, практическим стажем» (8, 28, 97; впрочем г. Ряппо не всегда держится одной точки зрения — ср. стр. 84). Конечно, попытка формировать кадры студентов высшей школы из людей более пожилых и обладающих — в большинстве — чисто практическими устремлениями и интересами, лишенных той живости восприятия, которая имеется в нормальном «студенческом» возрасте — не может не встретить ряда психологических и педагогических возражений. Но ретивый коммунист о них, конечно, не думает! — Конечно, еще не достаточно быть рабочим и крестьянином и иметь стремление к образованию, чтобы стать слушателем рабфака. Рабочих и крестьян встречают на пути к высшей школе те же трудности, что и каждого обыкновенного смертного, — коммуниста предпочитают всем остальным. Так в 1921 г. в харьковском рабфаке при С.-хоз. институте было среди слушателей: коммунистов 29%, сочувствующих 57%, комсомольцев — 7%, беспартийных — 7%, на рабфаке при Технологическом Институте — ком. — 32%, комсомольцев — 13% беспартийных — 55% («сочувствующие» коммунистам отдельно не показаны), в 1923 г. во всех рабфаках Украины коммунистов было 40% (15—16).

Отметим в заключение, что г. Ряппо является противником особых учреждений для подготовки «красной» профессуры (37, 123). Но даже и

этому вряд ли придется радоваться, т.к. мы узнаем, что коммунистами усердно заполняются «аспирантские» вакансии при так наз. «исследовательских кафедрах», т. е. иным путем, но на кафедры они будут попадать.

Дм. Чижевский.

Проф. Столяров. *Организация учебно-методологической работы в институтах.* Методкомом Наркомпроса УССР рекомендовано в качестве методологического пособия для ВУЗ-ов. Харьков, 1925. Стр. 94.

Г. Столяров — в свое время один из профессоров, назначенных Кассо в Харьк. Технолог. Институт, после революции украинизировался, когда стало нужно — советизировался, и в настоящее время выпустил рецензируемую книгу, своего рода «советскую педагогику высшей школы», получившую оффициальную санкцию: — на обложке мы читаем «Методкомом Наркомпроса УССР рекомендовано в качестве методологического пособия для ВУЗ-ов». (Слово «методологический» означает собственно «методический», как мы узнаем из чтения книги).

В книге г. Столярова нужно отметить ряд несомненных достоинств: его педагогические взгляды так или иначе обоснованы в педагогической практике, его критика и положительные взгляды конкретны и ясны. Впрочем, в педагогической литературе ни отрицание лекционной системы (не полное отрицание лекций, а сведение числа их к возможному минимуму), ни борьба против «многопредметности», ни идея концентрации преподавания вокруг главных «тем», ни требование замены экзаменов иными методами проверки не являются какою либо особой новостью, а на Западе и в Америке отчасти и осуществлены особенно в технической высшей школе (это отмечает в отдельных случаях и сам автор). Более сомнительными представляются действительно оригинальные взгляды автора — напр. «детеоретизация» школы. Ведь и развитие техники вряд ли возможно, если у представителей техники нет ни вкуса, ни уменья к чисто теоретическому мышлению. Точно также и применение «наглядного преподавания», которое автор хотел бы перенести из народной школы в высшую (70) (автор говорит и о комплексном методе и о Дальтон-плане), должно иметь в высшей школе свои естественные пределы в потребности развития у учащихся теоретического и «абстрактного» мышления. Да и сам г. Столяров хотел бы дать учащимся «знание, а не только навыки» (71). С этой точки зрения вряд ли будет правильно и требование, предъявляемое автором к темам студенческих дипломных работ, — конкретность и «близость к жизни»... Но со всеми этими, частью спорными, но определенными по содержанию тезисами мало вяжутся те красоты коммунистической педагогики, которыми г. Столяров обильно уснастил свою книгу: тут и «целевая конкретная установка» всех высших учебных заведений и возражения против общего образования (42—3), и требования «обязательного практического стажа» от поступающих в высшую школу (16, 36 и др. Кстати: что означает это требование для Педагогических Институтов? *Какую* педагогическую практику может иметь поступающий в педагогическое учебное заведение? Впрочем г. Столяров, как видно из всей книги, при писании ее *конкретно* думал только об институтах технических), и несвобода студентов в выборе высшей школы и обременение студентов тремя триместрами в год (38—9)

и многое другое, что несомненно вошло бы в конфликт с общими дидактическими положениями, принимаемыми автором.

Вторая половина книги представляет комментарий к правилам о предметных комиссиях. Этот комментарий содержит много практических указаний, вроде того, что в комиссиях в 100 человек трудно работать. Помещение подобных советов в книгу может объясняться только полною безинициативностью, до которой доведен преподавательский состав ВУЗ-ов. Оставив этот материал в стороне, отметим только отдельные штрихи, характерные для жизни сов. высшей школы. — Конечно, предметные комиссии (в задачу которых входит прежде всего руководство всей педагогической стороной жизни кафедр и факультетов) строятся также по «целевым заданиям», так что все чисто теоретические предметы (напр. в техн. уч. зав. математика) пристегиваются к какой либо группе предметов, в центре которой стоит практическая кафедра. Но в каждую такую небольшую группу предметов должны быть включены и отдельные *экономические и политические* предметы (49), представителям которых г. Столяров отводит даже больше места (напр. 4 ч. из 6), чем представителям «специальных» (техника + математика или педагогика + конкретн. науки) предметов. В каждую комиссию входят студенты в числе вдвое меньшем, чем число преподавателей. — Программы преподавания должны также концентрироваться вокруг отдельных «целевых» тем (59—60). Проведением программы по такой теме, т. е. работой преподавателей всех сгруппированных вокруг нее кафедр должен, по возможности, *единолично* руководить *один* преподаватель (60). — Г. Столяров не жалеет усилий, чтобы построить план многообразного контроля над преподаванием: тут и контроль преподавателями друг друга (76) и контроль предметных комиссий (77, 87—8) и даже некоторый контроль профессиональных союзов и отдельных заводов (78—9). В частности лаборатории изымаются из ведения кафедр, ибо «принадлежат не кафедре..., а институту» (87) «и в частности предметная комиссия должна регулировать и направлять ход их работы»... Даже сам г. Столяров чувствует стеснительность всех этих «рогаток на пути свободного преподавания» и пытается оправдать их хотя бы только для того переходного состояния, в котором находится сейчас советская высшая школа (69).

Отметим еще как курьез, что г. Столяров включает в задачи студента-практиканта на фабрике или в сельском хозяйстве и «культурную и просветительную пропаганду».

К книге приложен полезный указатель законодательных и циркулярных распоряжений, касающихся преподавания в ВУЗ-ах Украины, и работ, посвященных советской педагогике высшей школы (указатель заканчивается 1924 г.). Мы не встречали такого указателя в других изданиях Укр. Наркомпроса.

Дм. Чижевский.

Хлебцевич Е. *Изучение читательских интересов широких масс.* Изд. «Красная Новь». 1923 г. М. Стр. 133.

Уже в своем предисловии к книге автор не совсем точно и недостаточно полно определяет значение изучения читательских интересов масс.

А именно, необходимость такового изучения автор обосновывает дву-

мя соображениями: во-1-х, оно необходимо для руководства самообразовательным чтением масс, во-2-х, для соответствующего снабжения библиотек наиболее подходящей литературой.

Я думаю, что руководство чтением может носить только индивидуальный характер, т. е. иметь в виду отдельного читателя, поэтому изучение читательских интересов масс не может служить основанием для руководства чтением, опирающегося на изучении отдельного читателя. С другой стороны, автор совсем умалчивает о том, что изучение читательских интересов масс может оказать большую пользу издателям, которые должны, в интересах культурно-просветительного дела, прислушиваться к запросам читателей при осуществлении издательской деятельности.

В своей книге автор приводит данные о читательских интересах красноармейцев, поскольку эти интересы освещаются статистическим материалом о числе выданных книг по каждому из отделов десятичной библиографической классификации, а равно анкетным материалом.

Само собою разумеется, что ни статистический ни анкетный методы изучения читательских интересов масс не могут считаться вполне совершенными, и это потому, что статистические данные о читаемости книг по отделам нередко (если не всегда) стоят в прямой зависимости от количественного и качественного состава книг по соответствующим отделам библиотеки, а данные анкеты во многом зависят от ее внешних и внутренних условий — явный или анонимный характер носит анкета, как удачно формулированы вопросы, подлежащие изучению и т. д. Все эти «поправки» необходимо иметь в виду, если мы хотим правильно подойти к тем выводам, которые делает автор на основании статистических и анкетных материалов о читательских интересах красноармейцев. Прежде всего автор указывает на интересы читателей, поскольку они выясняются массовым чтением.

По данным на 31—XII 1922 г., охватившим 206.085 читателей Красной Армии и Флота, % выданных книг по беллетристике равнялся 49,8 общего числа выданных книг, а наличность книг по беллетристике составляла 26,3% всей наличности книг; на втором месте по числу выданных книг стоял отдел по социальным знаниям — % выданных книг составлял 18,6 общего числа выданных книг, тогда как наличность книг по социальным знаниям составляла 38,2% всей наличности книг. То же несоответствие предложения спросу отмечают и многочисленные анкеты, произведенные среди красноармейцев и учащихся в военных учебных заведениях как в столицах, так и в провинции. Так, статистические данные по восьми библиотекам военных уч. заведений отдельной Кавказской Армии прямо констатирует, что «отдел экономических и политических наук относительно перекомплектован» (стр. 27).

Приведенные в книге статистические данные о читаемости книг устанавливают, что наиболее читаемыми книгами среди красноармейцев являются русские классики — Л. Толстой, Пушкин, Гоголь, Тургенев, Горький, Достоевский, Некрасов, Чехов и др. Те же результаты устанавливают и анкеты, содержащие в себе вопрос о любимых писателях. Так, напр., анкета, произведенная в Севастопольской базе, по вопросу о любимых писателях дала такие результаты: на первом месте стоит Л. Толстой — 170 ответов, тогда как Ленин получил 13 ответов, Д. Бедный — 10 ответов;

в московском гарнизоне — снова Л. Толстой на первом месте — 101 ответ, Д. Бедный — 5 ответов, Ленин — 3 ответа и т. д. в том же роде. Поэтому является совершенно необоснованным утверждение автора, что «по числу поданных за Демьяна Бедного голосов можно считать этого писателя равным старым русским классикам по степени массового чтения».

Равным образом не согласуется с читательскими интересами масс направление издательской деятельности в Советск. России. В самом деле, как видно из недавно вышедшего библиографического обзора И. Владиславлева («Книга в 1923 — 1924 году») из произведений Л. Толстого в 1923 г. было издано лишь «Война и мир» в 10.000 экз., «Избранные рассказы» в 2-х выпусках по 10.000 экз., «Казаки» и «От ней все качества» по 10.000 экз. и «Поликушка» в 15.000 экз., тогда как Д. Бедный удостоился выхода таких изданий в том же 1923 году: 1) Собрание сочинений в одном томе — 12.000 экз., 2) А все-таки... 6.000 экз., 3) Бесы игривые — сиречь «Антихристы долгогривые» — 18.000 экз., 4) Главная улица — 10.000 экз., 5) «Иже херувимы» — 10.000 экз., 6) «О Василии Великом, литургисающем» — 10.000 экз., 7) «О красном петухе и о мужицком грехе» — 50.000 экз., 8) «О попе Панкрате и тетке Домне и явленной иконе в Коломне» — 20.000 экз., 9) «Паки и паки про поповские враки, про монастырские хоромы и еврейские погромы» — 15.000 экз., 10) «Про многотрудное житье отца Игната» — ? экз., 11) «Собачья доля» — 7.000 экз., 12) «Что нам, то гоже, а с нас — за что же» — 10.000 экз.

Между прочим, во многих анкетах имелся вопрос: «изменило ли чтение политические взгляды?» Приведу тут некоторые ответы: «Да, изменило, видя неправду и разврат»; «чтение изменило только, что против как было другого характера»; «изменило чтение от крайнего индивидуализма коммунизму»; «изменило то, что читаю одно, а на факте делается другое, а потому все охлаждается»; «чтение изменило, все смешало».

Как замечает сам автор, «насчет перемены в политических взглядах многие прямо встали в тупик... Ясно, что в новой анкете, предназначенной для широких малограмотных масс, — этот вопрос необходимо устранить».

Не лишним считаю привести здесь еще один ответ красноармейца, побывавшего в гимназии: «Чтение изменило мои недостатки, раньше я не любил учиться, а по прочтении сочинений русских писателей полюбил науку горячо. Сознал необходимость образования и желал бы дольше учиться, но меня не отпускают из части в высшее учебное заведение, хотя и был приказ, но я очень желаю учиться и нас таких очень много, но нас заглушили (все это в оригинале напечатано разрядкой. С.) и не откамандируют. Чтение изменило политические взгляды. Я всецело сознаю, что если рабоче-крестьянское правительство пропадет, то и мы, образованные люди, тоже все погибнем. Я всецело скажу: «да здравствует рабоче-крестьянское правительство и Центральный Исполнительный Комитет и глава нас всех т. Луначарский». Укажите куда обратиться для продолжения занятий в высшем учебном заведении».

Можно ли сомневаться, что приведенный ответ был дан в именной анкете, а таковая, как говорит сам автор, «своею ложью обесценивает часть материала» (стр. 42)?

Многие ответы анкет, действительно, явно характеризуются неискренним тоном, в особенности, в тех случаях, когда анкетный бланк

вмещал в себе место для подписи лица, заполнявшего этот бланк. В этих случаях, — как справедливо говорит автор, — «ответы получались желательные для начальства, но ложные по существу». Однако автор умалчивает о том, каково отношение самого «начальства» к такого рода ответам...

Любопытны также ответы анкет на вопрос о том, «доволен ли ты этой книгой и о чем еще хотел бы прочесть?» Вот, напр., один — после прочтения книги на антирелигиозную тему пишет: «доволен, желаю прочесть сочинение Рубакина»; другой — после прочтения книги Зеньковича «Советская власть — есть власть трудящихся» пишет: «я этой книжкой очень доволен... По моему в этой книге описаны законы для проведения в жизнь в настоящее и будущее время и все это для меня очень интересно и то что нужно». И несмотря на это, — так пишет Е. Хлебцевич, — читающий хочет «прочесть астрономию».

Из обзора целой коллекции подобных ответов автор делает совершенно правильный вывод, что «очень часто читатель хочет прочесть книгу, вовсе не связанную с только что прочитанной, а в зависимости от своего основного интереса к естествознанию и желания понять окружающий мир природы». Не говорит ли этот вывод также о том, что чтение красноармейцев идет не по пути удовлетворения их духовных запросов, а по заранее намеченному плану господ руководителей этим чтением?

Очень слабо освещен в анкетах вопрос: «почему нравится тот или иной писатель?» Так, о Толстом некоторые пишут, что нравится «за то, что пишет правду из бытовой жизни», Пушкин — «потому, что у него была острая мысль», а другой пишет о Пушкине, что «он нравится веселым взглядом курчавых волос»(!).

Не смотря на ряд ошибок, допущенных составителями анкет, все же результаты анкет в связи со статистическими данными о читаемости книг освещают вопрос о том, чем именно интересуются читатели-красноармейцы .

Однако, автор книги иногда подходит к выводам с предвзятой точки зрения, игнорируя те данные, которые приводятся в той же книге. Так, напр., считаю неубедительным утверждение автора, что от художественной беллетристики возможен непосредственный переход к чтению книг по общественным вопросам. В самом деле, если, согласно данным, которые приводит автор, в 94 основных и 23 передвижных библиотеках военных уч. заведений на 31.-XII.-22 г. насчитывалось по беллетристике 114.599 книг, а по общественным знаниям 245.585, то может ли это «перекомплектование» отдела по общественным знаниям за счет полного убожества состава книг по отделу точных наук дать иное соотношение между отделом беллетристики и отделом общественных знаний?

Во всяком случае, приведенный в книге статистический и анкетный материал о читательских интересах красноармейцев может дать полезные указания по вопросу комплектования библиотек и направления издательской деятельности для широких масс. *Ст. Серополко.*

Медынский Е. *Энциклопедия внешкольного образования.* Том III. Изд. 2-е. Госуд. Издательство. 1925. М. Л. 234 стр.

В этом — последнем — томе своей «энциклопедии внешк. образ.» автор дает методику политпросветительной работы в Советской России,

открещиваясь этим томом от своего идеалистического, народнического мировоззрения, которым проникнуты, по замечанию самого автора, его дореволюционные работы. Как исповедуется автор в предисловии к настоящей книге, смена мировоззрения явилась в результате глубокой и длительной ломки мировоззрения, но за то она искупается, вероятно, тем, что автор стал «сторонником марксистского мировоззрения в его наиболее цельной революционной и действенной коммунистической ветви».

«Смена вех» — дело, конечно, субъективное и интимное, поэтому ничего нельзя возразить, если она последовала, действительно, в результате глубокой и длительной ломки мировоззрения, но многое можно сказать против выраженного автором пожелания, «чтобы для других путь этот оказался более прямым, кратким и экономным», чему — как бы хотелось это автору — и призвана служить его настоящая книга. Неужели автор не чувствует, насколько это пожелание расходится не только с основным принципом самообразования — самодеятельностью и творчеством, но и с диалектическим материализмом, приобщение к которому автор ставит задачей политико-просветительной работы? В соответствии с новым своим мировоззрением автор усматривает задачу внешкольного образования в выработке борцов за коммунистический строй, творцев новой жизни, умелых работников. «А эти свои задачи, — указывает автор, — внешкольное образование выполнит только тогда, когда руководители его решительно отвернутся от идеализма». Идеализм, как мировоззрение, является теперь в глазах недавнего его сторонника, таким жупелом, который отождествляется просто с... контр-революцией, о чем недвусмысленно говорит автор, высказываясь за изъятие из библиотек «идеалистической, контр-революционной, устаревшей и возбуждающей низменные или антисоциальные чувства литературы» (77 стр.).

Как всегда бывает с неофитами, энтузиазм автора преодолевает требования здравого рассудка, что особенно проявляется в рекомендуемых автором методах антирелигиозной пропаганды (агитстуд, инсценировка, напр., басни Д. Бедного «Христос воскрес» и т. д.).

По поводу всех этих эксцентричностей автора напрашивается помимо воли одно сравнение, сюжет которого извлекаю из книги самого автора.

А именно, автор цитирует отрывок рассказа «Агитаторы», в котором молодой беллетрист периода октябрьской революции т. Волков зло высмеивает городскую девушку, держащую такую речь к крестьянам: «Товарищи крестьяне, не ждите от меня панегирика... Наоборот, я говорю: крестьянство в своих традициях ортодоксально, только мировой катаклизм пробудит их от инертности и обскурантизма к активности. Не так давно при латифундиях аграриев крестьяне находились в состоянии пауперизма; только современные перипетии пертурбируют патриархальный быт в коллектив. Я несколько интерпретирую свою мысль: индивидуум ингредиэнт коллектива»...

Как ораторам публичных выступлений периода Октябрьской революции, чтобы заслужить доверие «верхов», приходилось уснащивать свою речь революционными словечками, так деятелям «политпросветительной работы», воспринявшим марксистское мировоззрение «в его наиболее цельной революционной и действенной коммунистической ветви», прихо-

дится вводить в теорию и практику соответствующие новые методические приемы...

Не станет-ли впоследствии Е. Медынский так же зло осмеивать все эти новые методы внешкольной работы, как осмеивает он теперь «варваризмы», которыми уснащивали свою речь пресловутые «агитаторы»?.. Поживем-увидим.

Ст. Сероnолко.

Проф. Н. Н. Тарасевич. *Рецедив безграмотности в рисовании у детей.* (Педологическая библиотека № 1) Из клинники детской дефективности при Одесском Врачебно-Педагогическом Кабинете. Изд. журнала «Наша Школа». Одесса. 1925.

Свободный рисунок, подобно речи и мимике, отражает личность ребенка. Собирание рисунков детей и исследование параллельной связи между стадиями развития рисунка и стадиями развития ребенка вскрывает причины таких интересных явлений, как ритм и ухудшение качества детских рисунков.

Современная педология требует, чтобы изучение детского художественного творчества шло сравнительным путем охвата целокупной личности ребенка.

С точки зрения проф-ов Трошина и Тарасевича развитие рисования у отсталых детей протекает по тем же семи ступеням (1 — до-штриховая стадия, 2 — штриховая, 3 — первично-орнаментальная стадия, 4— фигурная, 5 — стадия разрозненных схем, 6 — стадия типичных схем и 7 — правдоподобных схем), как и у нормальных детей; только идет развитие более замедленным темпом, давая материал о таких первоначальных фазах рисунка, которые у нормальных детей быстро исчезают. Стадия типичных схем и стадия правдоподобных схем (6 и 7) у отсталых детей появляются поздно или не появляются совсем.

Клиника детской дефективности при Одесском Врачебно-Педологическом Кабинете 1) систематизирует детские рисунки по стадиям эволюции рисовального творчества, 2) изучает формы и преобладающе мотивы в рисунках детей. Был замечен факт смешения ступеней рисования: напр., после правдоподобных схем — возврат к разрозненным линиям.

Подобный пример рецедива безграмотности дал десятилетпий Боря N, страдающий общим недоразвитием в форме глубокого слабоумия. Холод и хроническая голодовка 1921 г. и весны 1922 г. вызвали прогрессирующее падение веса ребенка и процесс деградации личности. В отношении рисования у Бори N отмечены следующие моменты: a) поступив в коллектор 7—8 лет, Боря не владел карандашем; b) спустя год, мальчик прошел низшие стадии рисования и овладел правдоподобными схемами (картины прежней «мужицкой» жизни: ветряные мельницы, кладбище — исчезнувшие из памяти ребенка, подсознательно всплыли в его рисунке); c) в 1921—22 г. снова вернулся к разрозненным линиям.

Кривая поведения истощенного голодом ребенка подтверждает, как тесно связанны — 1) общий вес, 2) рецедив отдельных способностей и 3) деградация личности вообще.

М. Кожина-Заборовская.

La Jougoslavie. Справочник, изданный Союзом преп. средн. школы к Международному Конгрессу препод. средн. школы в Белграде в сентябре 1925.

В справочнике имеется 6 отделов: география, национальные костюмы, история, литература и искусство, преподавание и экономическое положение.

Отдел о преподавании разделен на три главы: высшее, среднее и низшее образоание. О первоначальном обучении (1924—1925) в справочнике сообщается следующее: в 20 областях, различных в этнографическом отношении и не объединенных, несмотря на то, что они составляют нашу державу, пользуются при преподавании самыми разнообразн. методами и программами. Новое Королевство Сербов, Хорватов и Словинцев, при своем объединении 1 декабря 1918 года, имело 9 различных учебных законодательств со всеми им соответствующими учреждениями. Перед Министерством Просвещ. предстала трудная задача по организации школьного дела. — Больше всего пострадали школы в Сербии и Черногории. Многие из них были совершенно разрушены. Во многих не было совершенно никакой обстановки: учебники, коллекции, библиотеки, все погибло от пожара или было разграблено. По распоряжению неприятельских военных властей все учителя моложе 50 лет были интернированы. Многие из них погибли в дороге. Большинство пало жертвами голода и эпидемий в лагерях. Значительное количество учителей пало на поле брани. Прежде всего нужно было пополнить ряды учителей. С этой целью были организованы учительские курсы с уменьшенной программой, число учительских семинарий было увеличено: имелось в виду только удовлетворение насущной потребности и оказание скорой помощи. Не нужно и подчеркивать недостаточность такой ускоренной подготовки, и теперь приходится исправлять неблагоприятные последствия этого. Так был просмотрен кадр не только учителей, но и преподавателей высших народных школ, школьных инспекторов, специалистов. Для пополнения кадра преподавателей и для серьезной подготовки лиц, желающих исполнять ответственные функции в различных отраслях начального обучения, было основано 2 Высш. Педагог. Института в Белграде и в Загребе. Парламенту был представлен на рассмотрение проэкт закона, касающегося начальных школ и имеющего в виду унификацию их программ для всей территории Югославии. До окончательного установления этого закона, согласно министерским циркулярам, унификация программы будет осуществляться во всех начальных школах всего Королевства. Эта унификация распространяется пока только на первые два класса.

Школьная статистика за 1924—1925 г. гласит следующее: начальных училищ было — 7.463, учителей — 17.047, классов — 16.791, учеников 817.529. По отношению к числу населения (12.017.791) число учеников является 1:14,7. Одна школа приходится на 33,3 км. — и на 1602 жителей, а один класс на 715,7 жителей. Учительских школ было: 40 правительственных и 5 частных. В них было 7966 учеников.

М. Майстрович.

M. Audemars et L' Lafendel. *La maison des petits de l' Jn tiiut J. J. Rousseau.* Éditions Delachaux et Niestlé S. A. Neuchâtel. Paris. 1923. — Стр. 41. С многр. иллюстр.

Эта небольшая, изящно и даже нарядно изданная книжка предваряет давно обещанную книгу «Récit d'une expérience» тех же двух руководителей женевского Дома Малышей. В ней собран ряд интереснейших наблюдений над жизнью детей в этой школе. К книге приложены: 1) таблица, схематически изображающая развитие непосредственных активностей у ребенка, в согласии с чем строится и вся работа Дома Малышей, и 2) воспроизведение своего рода «аттестата», в котором дается характеристика ребенка каждые полгода, причем в назидание родителям сообщено, чем вообще характеризуется каждый из трех периодов детства (от 3 до 5 лет, 5—7 и 7—10). — Резюмируя свои впечатления от Дома Малышей, один японский педагог сказал: «Здесь наблюдательный пост, где открывают и культивируют силы дитяти».

С. К.

Педагогические журналы.

Вопросы школьной жизни. Педагогический журнал. Издание Союза Учителей К. В. ж. д. Харбин. 1925. — № *2. Май.* Стр. 108 + стенная таблица. — № *3 Август.* Стр. 132. — Цена номера 70 центов.

В настоящей книжке «Русской школы за рубежом» В. В. Перемиловский, сотрудник «Вопросов школьной жизни», поместивший там ряд интересных критико-литературных очерков, дает картину жизни русской школы на далекой окраине. К счастью, как мы только что узнали, наши опасения не оправдались, и существование независимого педагогического журнала во всяком случае обеспечено и после появления там большевиков. Недавно вышел 4—5 номер журнала. Кроме того, предполагается учреждение Высшего Педагогического Института на средства города Харбина.

В 2-м номере «Вопросов» мы находим статьи С. В. Кузнецова «Аккордность в преподавании», В. В. Перемиловского «На берегу моря», М. П. Ершова «О современном культурном кризисе», Н. Н. Никифорова «Дело Петра Великого в области просвещения», В. Энгельфельда «Администрация народного образования во Франции»; статьи о «Маньчжурской природе», о «деятельности Союза учителей» и т. д.

Останавливает на себе внимание очерк Л. Васильевой «Задачи и методы чтения в американской школе». Этот очерк представляет собою, собственно говоря, комментарий к приложенной к журналу большой стенной таблице, переведенной с английского, где она носит название «Программа по чтению общественных школ г. Норфольк в штате Виргиния». Составлена она была секцией научного изучения чтения при университете г. Чикаго, подвергаясь дальнейшей обработке в г. Рочестер (штат Нью-Йорк) и, наконец, была окончательно разработана Норфольскими учителями. «Чтение есть самый важный предмет в школьном расписании», говорится в оффициальных программах штата Джорджиа. В качестве иллюстрации приведем следующие цифры: в детском саду отводится часов в день: на *чтение* — 2,45, на *родной язык* — 0,10, на *арифметику* — 0; в I классе нач. школы на *чтение* — 2,15, на *родной яз.* — 0,10, на *арифметику* — 0,40; для II кл. цифры будут 2,15, 0,45, 1,00; для III кл. 2,15, 0,45, 1,00 и т. д. вплоть до VI кл., где — 1,00, 1,00, 0,40. Заметим, что под «родным языком» разумеются письмо и грамматика. Цели чтению ставятся следующие: 1) привить широкий интерес к чтению, 2) выработать навыки к продуктивному чтению, 3) выработать технику чтения и 4) научить обращаться с книгой. *Предпочтение отдается чтению про себя, а не вслух*, т. к. в последнем случае легко создается привычка механического произношения слов, без вникания в смысл читаемого. Время, отводимое на чтение про себя, постепенно возрастает: в IV кл. этому чтению отводится уже 50%, а в VI — 70% всего времени для чтения. — Но отсылаем читателя к самой статье, ознакомиться с которой должно быть интересным для каждого педагога.

В № 3-м отметим статьи К. Боташева «Внешность ученических письмен-

ных работ», основное задание которой прекрасно поясняет взятый в качестве эпиграфа девиз Уинчестерск. колледжа: *Манеры делают человека;* Л. Васильевой «Первый день ребенка в американской народной школе», Н. Никифорова «Очерк истории английской революции XVII в.»; Г. Гинса «Русская интеллигенция и наука права», автор которой говорит о воспитательных задачах законоведения и о слабом развитии правового чутья у русской интеллигенции; к сожалению, он как бы забывает, что одним преподаванием законоведения не воспитаешь правового чувства в учащихся, и что нужно, чтобы весь строй школьн. общины, все отношения между всеми ее членами, т. е. педагогами и учащимися, покоились на справедливости, честности, уважении к чужой и своей личности.

«Вопросы школьной жизни» выполняют хорошее педагогическое задание, в частности — благодаря относительной близости к Америке — через этот журнал установилось соприкосновение русской школы с американскою, от которого можно было бы ожидать много хорошего; во всем направлении журнала ощущается веяние здорового духа, возросшего и окрепшого после пережитых потрясений революции.

С. Карцевский.

Бюллетень Педагогического Бюро по делам средней и низшей русской школы заграницей. *№ 9. Ноябрь. 1925.* Прага. — Стр. 93.

Отметим выход в свет очередного номера *Бюллетеня*, посвященного 2-му Педагогическому Съезду. В нем много разнообразного матерьяла: извлечения из «Отчета о деятельности Пед. Бюро» (за период 6 апр. 1923 г.— 5 июля 1925 г.), автореферат доклада проф. В. В. Зеньковского «Воспитательная проблема в школе», доклад В. В. Руднева «Финансовое положение и перспективы беженской школы» с диаграммами. Затем идет краткое обозрение работы 2-го Педагогическаго съезда (список делегатов, перечень комиссий, заслушанных докладов, резолюций и т. д.). Целиком приводится программа по естествознанию и объяснительная записка к ней с приложением списка книг по естествознанию. Программа эта обращает на себя внимание своей свежестью, продуманностью и практичностью. Номер заканчивается кратким отчетом о работах Второго делегатского съезда объединения Русских Учительских Организаций заграницей. *С. К.*

Revue pedagogique, publication mensuelle, Paris, librairie Delagrave, 1924, I—XII.

Журнал обслуживает преимущественно учителей начальной школы. Въ общем его направлении могут быть отмечены две главные черты. Для современной французской школы и ее учителя как бы предполагается заранее самая высокая оценка. С другой стороны, новые педагогические веяния, и идущие из-заграницы в особенности, неизменно встречают скептическое к себе отношение. Указания на недостатки существующей школы всегда сопровождаются оговорками о их частном и временном значении, а попадающееся изредка обсуждение какого-нибудь нового взгляда иноземного происхождения обычно клонится к его оспариванию и обнаружению его неприменимости к французской школе. С подобной сдержанностью упоминаются, напр., Дальтон-план и новая («активная») школа.

Это охранительное настроение журнала скрывается, однако, под неустанной и кропотливой его работой по вопросам методики преподава-

ния, и прежде всего-своего родного французского языка. Довольно много небольших заметок сообщает разрозненные сведения о школьных кооперативах, о кинематографе в школе и о специально школьных фильматеках, этих новинках послевоенной Франции.

О типично французском движении, ведущем к областничеству школы, мы узнаем кое-что из статьи «Школа и ее среда» (№ 8). Здесь перечислены циркуляры М-ва Нар. Просвещения, начиная с 90-х годов, создавшие особые курсы предметных уроков в местностях приморских, лесных, горных и земледельческих, в целях введения учеников в круг интересов их будущих занятий. Автор (Э. Жермути), инспектор начального образования, как и большая часть сотрудников журнала, настаивает на специализации учителей городских и сельских, которая, однако, не должна выступать в их подготовке раньше завершения общего образования. Но главная работа по приспособлению к среде должна быть сделана самим учителем уже на месте. Этому приспособлению полагается разумный предел требованием, чтобы учитель воздерживался от искушения говорить не только с учениками, но и с их родителями на местном диалекте: учитель должен быть верен литературному языку. Класс отражает особенности «среды» (карта местности, альбомы, музей) вместо того, чтобы следовать оффициальному одинаковому для всей страны образцу. И о предметах программы автор говорит, что они почти все «прекрасно поддаются такой децентрализации». Примеры, однако, не всегда удачны: «было бы жестоко осуждать алкоголизм там, где бедное население пьет вино только по дням базаров и праздников и то не всегда».

Из помещенного в № 6 полушутливого «поучения» инспектора начального образования, обращенного к учителям и учительницам своего округа перед началом учебного года, можно почерпнуть любопытные черточки быта школы. Чтобы повысить посещение классов учениками, инспектор посылает учителя к ним на дом знакомиться с их родителями. Учителю следует со вниманием подойти к деревне и не спешить жаловаться на «грязную дыру», в которую он попал. Во всех сношениях с населением надо помнить, что с учителя часто берут пример; от страстного участия в политических спорах учитель должен воздерживаться. — В свободный день почему бы не отправиться на учительское собрание в соседнем кантоне? — Не опрометью выбегать из класса ровно в 4 часа, — но просмотреть, как подметут и приберут класс; иные — «невероятно, но верно!» — назначали уборку в обеденном перерыве. — Будем точны по-военному. Обзаведемся карманными часами и пусть они не остаются в починке, не спешат и не опаздывают, и не будем забывать их — «даже в дни уроков»! — Напротив, не будем так аккуратны в отсутствии из школы с вечера среды и субботы и до утра пятницы и понедельника. — «И не будем грызть друг-друга! Есть ли еще другая корпорация, так разобщенная, как наша?» Заведующие ссорятся с заведующими; младший преподаватель перед учениками не пускает старшего к себе на урок; учительница в классе показывает язык своей заведующей. Заведующий, не нашедший рабочего, лично выбелил свой класс и предложил сделать то же своему помощнику; тот и сам отказался и не согласился дать ключ от своего класса ретивому заведующему. — «Не будьте небрежны в одежде в классе, вы, такие нарядные сегодня» (на собрании). Вот один учитель на уроке в летнюю пору: рукавчи-

ки его болтаются в воздухе, жилет расстегнут, без воротничка, босиком, он отирает лоб рукавом, стучит по столу палкой и своим криком покрывает крик класса. Поместив это «поучение» без подписи, смущенная редакция журнала делает примечание, предостерегающее читателя относить нарисованный портрет ко всему французскому учительству.

В № 6 Ж. Видаль дает обозрение «мыслей Алэна о воспитании», разбросанных по отдельным статьям этого известного публициста. Красноречие убеждает, но не научает; оно вызывает только «неподвижное внимание» и связывает сознание. Алэн сравнивает преподавателя, излагающего свой предмет перед безучастно слушающим классом, со скрипачом, который играет своим ученикам, но не дает им в руки скрипки и смычка. — Читать и перечитываать, писать и писать, выводя буквы со тщательностью гравера, и, наконец, считать — вот настоящая работа для ребенка, при которой его мысль вьет себе гнездо. Слова, которые говорятся ученику, должны быть уже знакомы ему в чтении и списывании. Хорошо сказанное — редко, и заслуживает быть написанным хоть 20 раз. Орфография — это род вежливости, ее изучению придается самое большое значение. Перебирая школьные предметы со стороны их воспитательного достоинства, Алэн ставит на первое место математику. Особенно охотно говорит он о занятиях астрономией, в которых ребенок, постепенно расширяя свой кругозор, должен проделат путь науки от Фалеса до Коперника. Чтобы приохотить детей к математике и дать им почувствовать ее могущество, Алэн ведет своих учеников на берег моря измерять прилив и отлив, вычислять их периоды и проверять результаты вычислений наблюдением. — На уроках морали опять меньше всего нужно проповедывать; лучше давать детям переписывать краткие и ясные правила нравственности и при том отнюдь не в отрицательной форме, чтобы не указывать на неверный путь. — Полезно наградить ученика назначением ему «хорошего места» в классе (как это делается у французов), но вредно «пригвождать ученика к дурному месту»; следует выделять одних хороших.

Алэн против привлекательности в преподавании и советует даже во время игр говорить об арифметике, геометрии и механике. Ребенок — маленький человек, прекрасно различающий между игрой и делом, и пусть их всегда разделяет для него порог класса. — Алэн ободряет преподавание социологии и хочет вытеснить ею историю. В истории ценны для него одни мыслители. Нечего преподавать и психологию, как недостаточно установившуюся науку. Особенно сомнительна для него экспериментальная психология. Неверно, что нужно узнать ребенка, чтобы его обучать; скорее нужно обучать его, чтобы узнать. — Алэн видит цель образования в приобщении ребенка к общей культуре и восстает как против увлечения профессиональным образованием, так и против приспособления обучения к индивидуальным склонностям учащегося. Из того, что ребенок не любит геометрии, не следует, что его нужно освобождать от нее, но напротив, — что как раз его нужно обучать ей.

А. Камнев.

Учебники и методики.

М. Н. Петерсон. *Русский язык.* Пособие для преподавателей. Госуд. изд-во. М. Л. 1925. Стр. 123. — Цена 1 р. (тираж 5.000).

С преподаванием родного языка обстоит в наше время особенно неблагоприятно. Прежде всего, самая наука о языке и как раз в той ее части, котороая называется синхронической (или статической) лингвистикой и на которой собственно лежит задача установить законы отношения между мышлением и языком, а тем самым установить и самые базы языкознания вообще, эта наука находится в чрезвычайно неустойчивом состоянии, и самая методология ее только — только закладывается. — Отсюда понятно, что и у «руссистов» не может еще быть ясного представления о том, какую картину представляет современный русский язык, не говоря уже о картинах его в другие эпохи в прошлом. Все, что мы знаем, это ход эволюции отдельных, главным образом, фонетических фактов языка.

Что же можно сказать при таких условиях о школьном преподавании, раз самая наука еще пребывает in statu nascendi? Раз нет методологии науки, не может быть и методики предмета, ибо обе крепко связаны одна с другой, как это прекрасно показано в книге С. И. Гессена «Основы педагогики». Почти все учителя сознали, что по-старому учить нельзя, но что и как преподавать, этого пока еще никому не дано сказать.

Каждая попытка разъяснить учителю настоящее положение дел с наукой о языке, с наукой о русском языке и с методикой преподавания языка должна всемерно приветствоваться. Мы не разделяем опасения, что ознакомление с истинным положением вещей только лишит учителя чувства твердой почвы под ногами. Истина никогда не может повредить. Равным образом и точка зрения М. Монтессори (см. № 17 журнала, стр. 423 и 424), будто бы из учителя нужно и можно сделать только орудие, исполняющее задание иерофантов науки, но совершенно не посвященное в их тайные цели, — эта точка зрения нам чужда.

Книга М. Н. Петерсона не преследует задачи, о которой мы говорим, во всем ее объеме. Автор знакомит со своими собственными взглядами на современный русский язык. Как известно, он является представителем крайнего крыла «формально-грамматического» направления. Взглядов этих мы не разделяем: нам представляется, что «формалисты» обречены оставаться на поверхности языка, вход же в глубины этого столь сложного явления им заказан и запечатан семью печатями. Обо всем этом мы уже говорили в нашей статье в № 12 «Русской школы», поэтому возвращаться к критике «формалистов» здесь не будем.

Изложение автора ясное, простое и точное. Очень полезны будут для учителя сообщаемые им сведения из истории изучения грамматики. Напрасно М. Н. Петерсон неоднократно заговаривает о языковой «системе». На наш взгляд, автор неправильно понимает этот термин. Система — это взаимоотношения элементов, которые и сами то выявляются только через их роль в системе. В изложении фонетики русского языка автор просто

каталогирует фонетические факты, как их обычно принимают, причем включает сюда и такие факты, как долгота и краткость гласных, различие которых никакой значимости для русской фонологической системы *не имеет*. Автор упоминает (стр. 29) о том, что необходимо различать живые и непродуктивные факты языка, но сам этого не делает. Неправильне изложена морфология видов и классификация глаголов.

Сергей Карцевский.

Е. Истрина. *Руководство по истории русского языка*, с хрестоматией и снимками с древних рукописей. Допущено ГУС'ом, как руководство для преподавателей школ II ступени. Издание 3-е исправленное и дополненное. ГИЗ Ленингард (Петроград) 1923. 127 стр.

Единственный удовлетворительный элементарный, доступный для учеников средн школы учебник истории русск. языка. Кроме сведений по истории русского языка, учебник содержит краткий обзор русских наречий и говоров, сведения о начале славянской письменности и краткую характеристику старославянского языка. В небольшой хрестоматии в конце книги помещены отрыкви из записей нынешних народных говоров, старинных письменных памятников и сочинений Ломоносова, Карамзина и Пушкина. Можно пожалеть о том, что в учебнике Е. С. Истриной почти отсутствуют предварительные сведения, необходимые для понимания тех явлений, о которых говорится в учебнике, как о чем то уже известном ученику. Это несколько затрудняет самостоятельное пользование учебником со стороны ученика. Но учитель, знакомый с популярным руководством проф. Д. Н. Ушакова «Краткое введение в науку о языке» (см. Р. школа за рубежом, кн. 15—16), конечно, легко этот пробел восполнит. При прохождении курса русского языка в старших классах средних учебных заведений «руководство» Е. С. Истриной является незаменимым пособием, и введение его, как пособия, во все русские зарубежные средние школы нам представляется чрезвычайно желательным. «Руководство» свободно от всех специфических черт «большевицких» учебников.

Д.

Н. Бельчиков и А. Шапиро. *Грамматика в школе для взрослых* (опыт методического построения курса) с приложением библиографического обзора методических сочинений по вопросу о преподавании грамматики за 1914—1923 г. Госуд. Изд-во. М. 1924. 115 стр.

Одно из лучших, появившихся в Советской России, руководств по преподаванию т. н. «формальной» грамматики, в том понимании, какое проводится проф. Д. Н. Ушаковым (проф. Ушаков под грамматической формой понимает звуковое выражение смысловых отношений и, следовательно, не находит возможным в грамматике рассматривать звуковую сторону формы в отрыве от значений). Но, как и во многих других появившихся за последние годы руководствах, роль значения в образовании грамматической формы определяется недостаточно отчетливо и часто как бы намеренно затушевывается. Это однако не мешает быть книге Бельчикова — Шапиро очень полезным пособием для преподавателя. Очень ценным является приложенный к книге указатель статей и книг по вопросам препода-

вания грамматики с 1914 по 1923 г., содержащий 297 названий книг и статей, не считая указываемых здесь же рецензий, и занимающий 25 стр. петита.

Д.

Л. Паэгле и И. Рекстынь. *Введение в историю.* Рига. 1925. Изд. Акц. О-ва Вальтерс и Рапа. Стр. 96.

Это — учебник, составленный «согласно программе Министерства Образования для русских основных школ». Не входя в обсуждение программы и соответствия этой программе данного учебника, я рассмотрю его план и его выполнение.

Учебник озаглавлен «Введение в историю» и распадается на две неравные части: в 27 §§ на 70 стр. изложена часть I Доисторическое время и в 10 §§ на 24-х страницах изложена часть II Латвия до прихода немцев. Между тем авторы началом исторической эры в истории Латвии считают приход немцев в XII в. п. Р. Х. (стр. 79, 80, 81). Таким образом обе части оказываются посвященными доисторическому времени, с тою разницей, что первая часть — Достоисторическое время вообще, а вторая — Доисторическое время в Латвии.

Часть II, меньшая по объему, является во всех отношениях более ценной. Это — краткие сведения о территории Латвии, ее возвышенностях и долинах, реках и озерах (§§ 1—3), краткий обзор доисторического времени в Латвии (§ 4), краткие сведения о первоначальном населении (§ 5) и доисторическая культура Латвии материальная и духовная (§§ 6—10). Последние §§ (§ 6 Быт древних латышей, § 7 Одежда и праздники, § 8 Верования, § 9 Замки, вожди и народ, § 10 Духовная культура) — наилучшее из всего того, что имеется в книге. Изложена часть II достаточно живо, доступно и хорошим русским языком. Недостаток — не вполне стройное распределение материала: в § 6 «Быт древних латышей» — имеются не только такие подзаголовки, как Постройки, Занятия и орудия работ, но и Внешний вид; под этим заголовком находим: «Древние латыши были высокого роста. Светлые и светлорусые волоса доходили до плеч, глаза их были голубые, лоб широкий»... и т. д., — т. е. отнюдь не быт. В той же статье несколько ниже читаем: «Умели изготовлять шерстяные и льняные ткани, из которых шили одежду. Носили обыкновенно светлосерую и белую одежду»... и т. д. Между тем Одежде посвящен § 7, но почему то одежде и *праздникам*, тогда как праздники следовало поставить в связь не с одеждой, а с верованиями. Не следовало и духовную культуру (§ 10) отрывать от религии или верований (§ 8). Во всем II отделе Учебника наиболее трудными и ответственными являются §§ 4 и 5. Можно пожалеть, что они изложены слишком сжато.

Говорить о I части гораздо труднее. Она оставляет очень смутное впечатление. Едва ли ее автор историк, а это все же — введение в историю. В конце концов, введения никакого не получается, ибо написано в высшей степени не исторично. Такое впечатление вы получаете от самого первого §-а «Климатические пояса на земле» (в чем его смысл?) и следующего — «Чему учит история».

Ваше недоумение не рассеивается, но еще более утверждается по мере дальнейшего чтения I части Учебника. Сперва вам кажется, что автор

пишет о доисторическом времени вообще, а не о доисторическом времени в Латвии (ведь этому отведена часть II), но затем вы в этом разубеждаетесь, встречая сплошь и рядом картины доисторической Латвии с ее природой и местными условиями, географическими и историческими: то в статье о переходе человека от кочевого образа жизни к оседлому (с. 43), то в § 18 Обработка земли, то в § 23 Начало торговли (здесь упомянуто о норманнах и о днепровских порогах). Все это в ущерб настоящей исторической перспективе. Возьмем такой пример из статьи о добывании огня: «Найдены продолговатые лампочки нового каменного века[1]). Лампочки эти сделаны из глины, с отверстием в одном углу для фитиля и наполнения каким-либо маслом. Употребляли также сухие *березовые*[2]) или *сосновые* лучины» (с. 17). В статье Понятие о боге[3]) (с. 65) появляется тот же латышский Перкон, который фигурирует в соответственной статье II части. Одним словом, замечается неясность замысла, нецелесообразность плана, неразграниченность между обоими частями Учебника.

В доисторической эпохе мы различаем период древне-каменного и период ново-каменного века. Было бы уместно представить картину первого и картину второго. Принятый авторами план части I-й этого не позволил: статьи о древне- и о ново-каменном веке явились подразделениями § 12-го Изготовление орудий. Вообще распределение материала надо признать не всегда удачным; см. напр. о погребениях очень кратко в статье «Понятие о душе» и более подробно в § 24 Неравенство людей.

В I части много лишнего. Учебник должен содержать самое главное, необходимое для усвоения и оставить поле для деятельности преподавателя в классе, его пояснений и дополнений. Таким главным и важным в статье о добывании огня я не считаю следующее место: «Позднее человек выдумал другие средства, как раздобыть огонь скорее и удобнее. Он нашел такие вещества, как напр. серу, которые скоро загораются, и стал изготовлять спички. У некоторых курильщиков есть особые зажигалки, посредством которых огонь можно получить моментально. Папиросы и трубки можно зажечь также лучами солнца, проходящими в солнечные дни через лупу»... (с. 16). Или в §-е Обработка земли следующее место: «Лишь недавно человек стал замечать, что одни растения извлекают из земли одни питательные соки, другие — другие; одни истощают верхний слой, другие — более глубокий. Тогда решили после клевера сеять рожь, после ржи — картофель»... и т. д. (с. 46); тем более это отступление к современности здесь не уместно, что ничего подобного нет в других статьях, напр. о ремеслах, жилищах и пр. Я понимаю пользу связать изучение истории с современностью, но это не — материал для учебника. Совсем не кстати рассказ на с. 46—7 о Гефесте (как он, будучи хром, ходил опираясь на двух девиц) и излишне на стр. 56 о татуировке. И здесь не обошлось без современности: «Даже некоторые европейцы, особенно моряки, и теперь любят накладывать уколами и несмываемой краской на руках или груди изображения якоря, орла, первых букв своего имени и проч.»

---

[1]) Кстати, это понятие нигде раннее не объяснено.

[2]) Курсив везде мой.

[3]) Здесь, кстати, ошибочно: «Древние греки называли бога солнца— Фебом, римляне — Аполлоном, русские — Дажьбогом, латыши — Солнце-матерью», не говоря уже о неудаче сопоставления.

У авторов почтенное стремление все объяснять. Однако, многое остается неясным, а многое другое является неудачно или неправильно объясненным. Неясными остались религиозные верования (§ 25), неудачно объяснено начало письменности (с. 66), неправильно — возникновение земледелия. Последний пример особенно любопытен. В § 16 имеется следующий абзац:

«Чем больше времени проходило после ледникового периода, тем теплее и приятнее становилась жизнь... Вся Европа покрылась большими лесами... С юга ветром, бурей и человеком постепенно разносились по всей земле семена яблонь, груш, слив, вишен, земляники, малины и т. д. Появились своеобразные высокие травы, которых раньше никто не видал: рожь, пшеница, ячмень и другие злаки, родина которых была на юге, а распространялись они таким же образом к северу, как упомянутые плодовые деревья и ягодные кусты».

Авторы наивно себе представляют, как из родины злаков (Месопотамии, вероятно) ветры и бури разнесли по всей земле, вплоть до далекой Латвии, зерна ржи и пшеницы, как эти зерна произросли на латвийских лугах среди прочей травы, и как латвийские женщины собирали их и приносили домой (стр. 41). «Различные овощи и хлебные растения употреблялись во все возрастающем количестве, так что по близости их скоро нельзя было доставать, а далеко ходить было неудобно. Случалось, что некоторые зерна попадали в землю близ дома. В следующем году там вырастал злак. Это навело женщин на мысль постоянно рассеивать по земле близ дома часть собранных зерен, а землю разрыхлять мотыгой» (стр. 42). Но нет ли опасения у авторов, как бы русские дети в основной школе сами не усомнились в таком объяснении и не задали например такого вопроса: а почему теперь, когда много ржаных и пшеничных полей, ветры и бури не разносят ржаных и пшеничных зерен по окрестным лугам? Я останавливаюсь на этом недоразумении, потому что оно ярче всего свидетельствует о «неисторичности» авторов (или, вернее, автора I части).

В I ч. Учебника много неудачных выражений, как по содержанию, так и по форме. Приведу примеры:

«Случай мог научить человека разводить огонь и посредством удара *металла* (?) о кремень. Искры попадали в *растертые* сухие листья или в другой быстро воспламеняющийся предмет, там они *загорались и от дуновения воспламенялись*» (стр. 16).

«Земледельцу в настоящее время гораздо легче работать, чем в старину, когда по целым ночам приходилось сушить и молотить цепами в дымных ригах и на пыльных гумнах» (стр. 46).

«Из камня нельзя было изготовить длинного острого меча и копья, так как он ломался. Из металла изготовляли лемехи, которыми глубже могли распахивать землю, крепкий острый серп и косу, гвозди, пилу, при помощи которой лучше резать дерево, чем рубить топором» (стр. 48).

Такими же образчиками неудачного я считаю места в роде следующих:

«Когда человек стал употреблять в пищу мясо крупных животных, ему приходилось замечать, что оно быстро портится и плохо переваривается в желудке. Особенно невкусна, должно быть, была сырая рыба» (стр. 28).

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1925 - 1926
Číslo výtisku: 18
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 677 - 696

SYSTEM KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

«Некоторые животные имеют способность издавать звуки в минуту опасности или радости... Подобные непроизвольные звуки издает также и человек: при боли вскрикивает: ах! ой! от неожиданности: ах! от радости: ура! и т. д.» (стр. 51).

Некоторые из цитат, мною приведенных, свидетельствуют о шероховатости изложения, в смысле чистоты и правильности русской речи.

Издана книжка вполне прилично, с довольно большим количеством недурно исполненных иллюстраций.

Л. М. Сухотин.

Волковский, Д. Л. *Детский мир в числах для начальных школ.* Первый год обуч ения. С рисунками. Издание Акц. О-ва Вальтерс и Рапа. Рига. 1925. Стр. 91+2 нен. Ц. 0,26 дол. (на книжке не указана). То же. Второй год обучения. С рисунками. 10-ое изд. Акц. О-ва Вальтерс и Рапа. Рига. 1925. Стр. 89+1 нен. Ц. не указана.

Д. Л. Волковский — не новичек в русской педагогической литературе; его «Детский мир в числах» и «Руководство к Детскому миру в числах» вышли, кажется, еще в 900-х годах и хорошо известны учащим, работавшим по преимуществу в московских городских школах. Не заключая в себе ничего оригинального, отмеченные работы этого составителя основаны, повидимому, на добросовестном изучении соответствующей литературы на английском, немецком и французском языках; в приемах изложения видна большая зависимость автора от американских образцов. В настоящем измененном издании «Детского мира в числах» *для первого года обучения* материал разбит на четыре концентра: числа от 1 до 10, десятки первой сотни, числа от 1 до 20, числа от 1 до 100 (в последнем концентре изучается сложение и вычитание простых и именованных чисел). Хорошо подобранные рисунки и отчетливые чертежи несомненно помогут усвоению многих арифметических понятий. Задачи «с условием» в «первом году обучения» отсутствуют. Автор полагает, что им место в книге для учителей. Мотив: дети, для которых предназначается книжка, «еще не умеют читать, или же, если и умеют, то едва бредут по складам, так что текст для них совершенно бесполезен». Едва-ли это утверждение справедливо: во втором полугодии учащиеся первого отделения правильно поставленной начальной школы должны уже достаточно бегло читать и понимать простую конкретную речь, и коротенькие незамысловатые задачи можно было бы привести, хотя бы в небольшом числе. Автор правильно поступает, знакомя детей уже на первом году обучения с простейшими дробями и именованными числами (дети у него производят легкие вычисления на сложение и вычитание этих чисел); приводятся меры длины, времени, веса, бумаги и жидких тел; похвально, что введено ознакомление с метрическими мерами; в таблице мер времени (стр. 91) нужно было бы указать, сколько дней в феврале; большой практический интерес представляют приемы обучения ребят уменью узнавать время по часам (таблица на стр. 87). «*Второй год обучения*» делится на две части: в первой (стр. 3—44) заканчивается четвертый концентр (умножение и деление в пределе 100, изучение дробей — $^1/_3$, $^1/_5$, $^1/_6$ и др., нахождение одной или нескольких равных долей числа; сравнение дробей с единицей, раздробление и превращение дробей), вторая часть (стр. 45—89) обнимает пятый концентр — числа от 1 до 1000 (простые числа в пределе тысячи,

составн. именованные числа, все четыре действия над простейшими дробями, римское счисление и т. д.) Иллюстраций во второй книжке меньше; только учение о дробях сопровождается изрядным числом очень толковых чертежей, что, конечно, нужно только приветствовать. Вторая книжка содержит и задачи с текстом; все они кратки, легки, но их мало, и те учащие, которые будут пользоваться рецензируемым пособием, должны будут или сами составлять задачи или брать их из других руководств. Разработан материал «второго года» строже и последовательнее, нежели в книжке для первого года, но говорить, что такая строгость и последовательность в русской арифметической литературе проводится впервые (а автор об этом говорит в заметке для родителей и учителей, помещенной им на обложке книжки) — едва ли правильно: стоит только вспомнить прекрасно разработанный курс арифметических знаний для начальных школ известнейшего нашего методиста А. И. Гольденберга, работы З. А. Макшеева, И. Н. Кавуна и др. Вообще некоторые места указанной заметки носят несколько «повышенный тон» и производят, к сожалению, не совсем приятное впечатление («Наша работа является *самостоятельной* (курсив автора), а потому всякий беззастенчивый плагиат, хотя бы и допустимый с точки зрения формального закона, но идущий вразрез с лучшими традициями литературной этики, будет решительно изобличаться нами в печати»). Катехизация не всегда отчетлива; термин — «одноименные дроби» — едва-ли удачен; совсем не по-русски звучит фраза, приведенная на стр. 46-ой: «прочтите, сколько денег положено на счетах» (фраза эта напечатана под рисунком, на котором изображены 12-ть русских торговых счетов с различным числом отсчитанных на них костяшек); сомневаемся, чтобы можно было говорить и писать: «без перехода через сотню», «с переходом через сотню».

Н. Новожилов.

Райков Б. В. *Методика и техника ведения экскурсий.* Гос. Изд. Петербург. 1921 г.

Горячо приветствуем появление этой книги, первого руководства по методике ведения экскурсий, так необходимого для всех лиц, руководящих экскурсиями и особенно для начинающих руководителей.

Совершенно правильно Б. Е. Райков озаглавил свой труд «Методика и техника ведения *экскурсий*», т. е. различных экскурсий, а не исключительно естественно-исторических, как можно было бы предположить, судя по имени автора. Каждый педагог любой специальности, начинающий вести экскурсии, найдет в этом труде много ценных указаний, особенно ценных потому, что они даются лицом, имеющим большой экскурсионный стаж. Кратко рассмотрев вопрос о месте, какое должны занять экскурсии в школе (в Сов. России наблюдается большое увлечение экск. делом) и о типах экскурсий, автор более подробно останавливается на методике вед. экскурсий и на технике его. В главе о методике он разбирает: предварительную подготовку экск.; демонстрирование во время экск.; значение записывания на экск. и школьную проработку экск. материала. Рассматривая технику ведения экск., Б. Е. Райков не упустил из виду ни малейшей детали; он останавливается на вопросах о снаряжении экск., о питании,

о различн. способах передвижения. об экскурсионной дисциплине и даже о возможных в экск. несчастных случаях. Это руководство значительно облегчает работу начинающих руководителей и, надо надеяться, поможет развиться экскурсионному делу и в наших школах за рубежом.

С. Е.

Проф. Б. Е. Райков и проф. М. Н. Римский-Корсаков. *Зоологические экскурсии.* Гос. Изд. 1924. Часть I.

Задача авторов — дать руководство «для лиц, которые желали бы самостоятельно приобрести первоначальный экск. опыт», а также дать справочник для экскурсиониста-зоолога. Задача выполнена блестяще. Это первое руководство в русск. методической литературе, где *систематически* разработаны школьные зоологические экскурсии, являющиеся из всех видов естественно-историч. экскурсий наиболее трудными. Первые 2 главы руководства посвящены методике и технике зоологич. экскурсий, а весь фактический материал распределен по след. темам: обитатели пресных вод; обитатели леса; жизнь луга; фруктовый сад; огород; сезонные экскурсии. Всюду разбираются лишь объекты, часто встречаемые, причем выдвигается биологическая сторона. Описываются формы, встречающиеся в сев. и отчасти в средней России. Книга снабжена многочисленными рисунками, очень отчетливо выполненными. Каждая глава сопровождается указателем литературы по данному вопросу. Несомненно, руководство это станет необходимым справочником для каждого, интересующегося зоологическими экскурсиями.

С. Е.

Педагогические съезды.

VII-ой Международный Конгресс преподавателей средней школы в Белграде.

Основанное в 1912 г. Международное Бюро Союзов преподавателей средней школы, деятельность которого заглохла во время войны, возобновило свою работу после ее окончания, издает «Бюллетень» («Bulletin International de l'enseignement secondaire») и созвало ряд конгрессов (в 1920 г. в Страсбурге, в 1921 — в Париже, в 1922 — в Люксембурге, в 1923 в Праге, в 1924 в Варшаве). На последнем конгрессе было решено созвать следующий конгресс в Белграде, и действительно, весной и летом прошедшего года Международное Бюро и Главное Правление Югославянского Союза преподавателей средней школы («Професорско Друштво») усиленно готовились к созыву VII съезда, назначенного на 26 и 27 августа 1925 года. Верховное покровительство Конгресса принял на себя король Александр, а в состав почетного организационного комитета вошли посланники ряда держав, аккредитованные в Белграде, несколько виднейших юго-славянских ученых и министр просвещения. Главными пунктами программы были намечены: 1) Эстетическое воспитание в средней школе и 2) Организация преподавания в целях развития самодеятельности учащихся.

На съезд прибыли делегаты союзов педагогов ряда стран: Соединенных Штатов, которые заявили о своем вступлении в международное объединение, что было встречено с особым одушевлением, Англии, Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши, Румынии и Прибалтийских стран (Эстонии и Латвии, причем представители последней вступили в объединение на самом Съезде). Как видно, еще далеко не все страны представлены в объединении; нам представляется, что русской эмигрантской школе было бы полезно в лице своего преподавательского состава, также войти в него*). На съезде она отсутствовала, и голос ее не был услышан. Уже на границе делегаты иностранцы (числом около 70) были встречены представителями местного педагогического объединения, а в Белграде приезжим была устроена сердечная и внушительная встреча. 25 августа утром заседал пленум Бюро под председательством декана философского факультета проф. В. К. Петковича. Были заслушаны и утверждены отчеты главного секретаря Объединения г. Бентье о деятельности союза и редактора «Бюллетеня» (он же казначей Союза), г. Фавьера о состоянии кассы и о «Бюллетене». Оба докладчика указывали на успех объединения и его печатного органа. Затем Собрание, поблагодарив их обоих за успешную работу, единогласно переизбрало их на новый срок (т. е. до следующего конгресса, который состоится в текущем 1926 году в Лондоне).

Затем делегация приезжих возложила на гробницу сербского «неведомого героя» на горе Аване близ Белграда венок, а другие участники съезда осматривали Дом Слепых в Земуне (городок против Белграда на левом берегу Савы); позднее была устроена пароходная прогулка по Дунаю и Саве в окрестности Белграда, а вечером был дан торжественный спектакль в честь конгрессистов, на котором оркестр исполнил симфоническую поэму Сметаны «Из моей родины» и были сыграны по одному действию «Царской невесты» Римского-Корсакова и бытовой комедии сербского писателя Ст. Сренца «Зона Замфирова».

26 августа в Государственном Театре («Народно позориште») состоялось в торжественной обстановке открытие конгресса. Министр Народного

*) Членами Межд. Бюро могут быть только национальные объединения по государствам, причем фактически в нем представлены почти исключительно государства Антанты. — *Ред.*

Просвещения В. М. Вукичевич открыл конгресс чтением послания короля Александра, в котором подчеркивалось значение проблемы самодеятельности учащихся и высказывалось сердечное пожелание успеха конгрессу в его работах. После этого председатель съезда проф. В. К. Петкович выразил благодарность королю от имени Съезда, председатель Югославянского Союза преподавателей проф. I. Живанович огласил ответную телеграмму Съезда Королю и произнес затем приветственную речь, в которой изложил вкратце историю сербской средней школы (его речь, очень содержательная и образная, напечатана целиком в органе Югославянского Союза «Гласник Професорскоі Друштва» без неизбежных в процессе говора сокращений); следует в ней отметить ряд конкретных указаний на то отчаянное состояньe, в котором оказалась сербская школа после войны, с разрушенными зданиями, без школьной мебели, библиотек, кабинетов и учебных пособий с расстроенным и на треть физически истребленным педагогическим персоналом, с разношерстным, разучившимся работать, потерявшим несколько лет учения и частично деморализованным составом учащихся; оратор подчеркнул несомненные успехи по восстановлению и развитию школы, достигнутые после войны благодаря упорному труду в тягчайших условиях (в чем не мало помогли, заметим от себя, и те несколько сот русских педагогов, которые работают в югославянской, главным образом в сербской, школе, составляя в некоторых глухих гимназиях значительное большинство педагогического состава). Затем были заслушаны отчет главного секретариата и приветствия делегатов, между прочим и Северо-Американского — г. Ресселя от имени двухсот тысяч коллег, посланников, и, наконец, Лиги Наций, Общества Международной интеллектуальной взаимопомощи и Объединения Краснокрестной Молодежи.

Рабочее заседание Съезда состоялось 26-го после полудня, в актовом зале Белградского Университета. На нем заслушаны и обсуждались доклады об эстетическом воспитании (докладчики: г. Фавьер от имени Бюро и бывший сербский министр Я. М. Проданович) и принята соответствующая резолюция. Вечером Министр Просвещения чествовал участников съезда банкетом. 27 августа на втором рабочем заседании конгресса заслушаны и обсуждены доклады о развитии самодеятельности учащихся (докладчики: проф. Феррьер из Женевы, один из видных теоретиков «новой» школы и «трудового» метода, от имени Бюро г. Ренар, от имени Югославянского Союза г. Ванлич). Затем единогласно принята резолюция. После полудня состоялось торжественное открытие очень интересной выставки югославянской школы, которая является основанием Белградского Педагогического Музея. Затем состоялось вступление в объединение Северо-Американского и Латышского Союзов и доклады о Краснокрестной молодежи (докладчицы мисс Джордж и г-жа Петкович) с принятием пожелания о тесном сотрудничестве этой организации с преподавательскими союзами. После этого председатель резюмировал результаты Съезда и закрыл его.

Вечером был банкет, устроенный Белградской Городской Думой («Општина»). 28 августа состоялась интересная экскурсия участников конгресса в Сербию, именно в ее сердце — Шунадию, с посещением гор. Аранджеловца, где был храмовой праздник Успения и ярмарка, курорта около этого города и Топоны, где находятся гробницы вождя первого сербского восстания против турок (1804—1813) и основателя царствующей югославянской династии Карагеоргия и короля Петра. 29 августа делегаты на обратном пути посетили Загреб, духовный и культурный центр хорватов. 30 же августа покинули пределы Югославии, будучи предварительно приняты королем на даче. Такова в общих чертах внешняя история Съезда.

Доклад г. Фавьера об эстетическом воспитании обосновал вполне верную мысль, что в воспитании и в частности в воспитательной и образовательной работе средней школы эстетическому элементу должно быть отведено видное место. Исходя из этой мысли, докладчик настаивал на том, чтобы эстетика была введена в средние школы, как обязательный предмет, порученный преподавателю — специалисту этого предмета. Этот преподаватель должен работать в согласии и связи с учителями пения и рисования, причем преподаванье эстетики должно основываться на историко-крити-

ческом обозрении важнейших произведений изобразительных искусств и музыки с обильной демонстрацией или воспроизведением лучших образцов этих искусств. Напротив, югославянский докладчик, Я. М. Проданович (не отрицая громадного воспитательного значения искусства), настаивал на том, что нет надобности и даже рискованно вводить эстетику, как особый предмет средней школы и поручать его особым преподавателям. Кроме того, он подчеркнул разнообразие культурного и эстетического развития различных народов. Съезд разделил в общем точку зрений г. Фавьера, предложения которого, думается нам, не свободны от преувеличений и элементов утопичности, и принял следующую резолюцию: «1) Конгресс выражает пожелание, чтобы эстетика преподавалась во всех средних школах, мужских и женских. 2) Втечение первых лет это преподавание должно основываться на методическом изучении развития изобразительных искусств и музыки и на анализе и объяснении их лучших образцов. Преподавание не должно руководиться абстрактными теориями, но должно опираться на точное восприятие художественных объектов. Преподавание это имеет целью научить ученика слышать, видеть и чувствовать. 3) После начального эстетического обучения, в течение которого начинается изучение образцов искусства, приступают к более сложному изучению, причем нужно объяснить объект и указать, чем художник обязан среде, а что является продуктом его личного творчества. И здесь сравнительный метод должен возможно чаще применяться, ибо цель этого преподавания по самой его сущности заключается в том, чтобы создавать и развивать вкус и чувства учеников. 4) Преподавание эстетики нужно ввести в среднюю школу возможно скорее, как отдельный предмет, который должны преподавать преподаватели, которые окажутся для этого наиболее приспособленными, не ожидая появления достаточного числа преподавателей специалистов. И одни и другие должны иметь в своем распоряжении достаточные материалы и пособия. 5) Необходимо изучить в каждой стране вопрос о применении эстетики к изучению музыки».

Главным докладчиком по вопросу о самодеятельности учащихся был проф. Феррьер. Он обстоятельно изложил причины, в силу которых возможно настоятельное требование радикального изменения методов средней школы. Оно появилось ввиду острого недовольства старыми методами. Старая школа окаменелая и однообразная. Она не считается с разнообразием способностей, наклонностей, психических типов учеников; она не заботится о том, чтобы подготовить детей к жизни; она их извлекает из жизни и запирает в монастырь чистой мысли. Необходимо пробудить самодеятельность среди учащихся и ввести их в соприкосновение с жизнью, с природой, с ближними. Имеется много попыток решить проблему реформы школы в духе «трудовой» школы с усиленным развитием и использованием самодеятельности учащихся. Особенно заслуживает внимания Дальтон-план, примененный во многих школах Америки. В школах этого типа программа установлена наперед, но ученики могут сами выбирать время и порядок изучения отдельных предметов. При этом применяется и старый метод обучения целого класса сразу и новый с индивидуализацией работ отдельных учеников.

Содокладчики присоединились к проф. Феррьеру, после чего конгресс принял следующую резолюцию: «Для развития самодеятельности учащихся рекомендуется: 1) сократить возможно сильнее перегруженную программу, чтобы преподаватель мог трудиться над образованием (formation), а не над осведомлением (information) духа ученика, придерживаясь при этом принципов трудовой школы г. Феррьера; 2) отменить или значительно сократить экзамены; 3) на факультетах не предъявлять излишне строгих специальных требований к средней школе, ибо ее задача давать *общую культуру*, а не исключительную подготовку, нужную профессиональным университетским работникам; 4) возможно скорее реорганизовать средние школы в духе *Дальтона-плана* так, чтобы в них число уроков, даваемых преподавателем, было сильно сокращено за счет значительного увеличения числа часов личной работы учащихся под наблюдением преподавателя, в смысле идей новой школы г. Феррьера; 5) требовать от преподавателя

средней школы знания психологии детства и отрочества, согласно обоснованному предложению г. Феррьера».

Таковы главные достижения Белградского Конгресса. Если в вопросе об обязательном преподавании эстетики и имеется некоторый элемент утопичности, хотя бы ввиду неисполнимости этого пожелания во многих школах даже и самых культурных стран, то в вопросе о развитии самодеятельности учащихся Конгресс без сомнения обратил внимание педагогов и ответственных в деле просвещения правительственных органов на одну из самых насущных потребностей в реформировании современной средней (да и не одной только средней) школы. Конечно, неизмеримо легче теоретически установить какое-либо верное положение, чем реально ввести его в жизнь, но надо думать, что работа в направлении всемерного развития самодеятельности и активности учащихся будет вестись теперь еще более упорно и в более широком масштабе.

Алексей Елачич.

Неделя профессиональной педагогики. «Германское общество учителей и учительниц ремесел», «Общество учителей торговли (Handelslehrer)» и «Союз прусских учителей ремесел и торговли» созвали во Франкфурте на Майне съезд, состоявшийся 7—12 декабря 1925 г.

Профессиональное образование рассматривалось на съезде как дополнение или «уклон» общеобразовательной школы; значительное место на съезде занимали доклады, посвященные проблеме такого дополнения профессиональн. образов. или профессиональной деятельности подростков, которое обеспечивало бы развитие целостной личности — всесторонне развитой физически и духовно. В связи с этим стояли и доклады, посвященные проблемам общественного воспитания и юношеским организациям — обоим факторам содействующим тому же образованию цельной личности. Признавая огромное значение профессионального образования и профессиональной школы в хозяйственно-критический для Германии момент, педагоги немецкой профессиональной школы не дают злобе дня всецело овладеть их педагогической деятельностью. И высокий уровень педагогического сознания нужно видеть именно в той особой внимательности, с которой съезд подошел к своей задаче, сосредоточив внимание на проблеме «границ» профессионального образования, подчеркивая его узость и односторонность, требующие преодоления. — Мы остановимся лишь на краткой характеристике центральных докладов съезда.

Нюренбергский бюргермейстер Др. *Люппе* говорил о «Профессиональной школе и жизни» — в особенности о том особом значении, которое приобретает профессиональное образование в современной Германии, способной к конкурренции на мировом рынке только в случае, если продукты ее индустрии будут иметь наивысшее качество. Поэтому «ученичество» в ремесле и индустрии должно быть или совершенно заменено профессиональною школою или, во всяком случае, ею дополнено.

Ряд докладов был посвящен проблемам экономической жизни современной Германии, вопросам промышленности и торговой организации и узким темам методики преподавания. Но в центре внимания, как было отмечено, стояли вопросы общепедагогические и социологические.

Два доклада проф. *Розенштока* (Бреславль) о «Влиянии на душу современной организации труда» давали основную социологическую канву к постановке более частных вопросов. Докладчик остроумно сконцентрировал все проблемы вокруг двух — «проблемы пространства» и «проблемы времени». В то время, как в средневековье «мое пространство» — место работы было концентрически окружено родиною — «нашим пространством» и далее — безличною, далекою, жуткою чужбиной, новейшее предприятие не оставляет в психологии производителя иного *личного* — «моего пространства», кроме жилища. Вне него — уже сразу начинается сфера чуждого, безликого пространства, — вся сфера мирового пространства; «наше пространство» — родное — оказывается также разрушенным. Подобно пространству и время приобретает иной характер — оно теряет *внутренний ритм*, личность сохраняет для себя только время досуга, которому под гнетом меха-

низации времени стремится придать совершенно хаотический характер (ничего-неделание или погоня за сенсацией, за легким «переживанием»); утрачивается интерес к истории.

Др. *Ф. Клапп* видит пути к восстановлению здорового чувства пространства, с одной стороны, в правильной оценке психологической роли жилища и развитии спорта и игры, с другой — в создании широкой психологической социальной среды. Докладчик дал интересную критику *современного спорта и современного* немецкого юношеского движения. — Заключивший съезд доклад д-ра *Ашера* поставил важную проблему о методах охраны тела от действия «односторонней профессиональной деятельности» — иными словами о необходимости для каждой профессии *своих* особых видов спорта, туристики, нейтрализующих вредное воздействие на организм данной именно профессии.

Три доклада были посвящены проблемам общественного воспитания трудящегося юношества. Доклад д-ра *Барта* был посвящен «обществоведению как учебному предмету», причем докладчик считает руководящим принципом при построении этого курса в профессиональных школах — задачу смягчить расхождение между «миром школы» и «миром профессии» — расхождение, столь остро переживаемое учеником при переходе из школы в «жизнь» — в соответственную профессию.

Проф. *Циртман* (Берлин) в двух докладах о «социологии юности, как основе политического воспитания» развил мысль об особой ценности для общественного воспитания юношеских организаций, возникающих в возрасте половой зрелости, т. к. именно в этом возрасте подростки впервые стремятся строить свои организации на демократических принципах. — Наконец с особым интересом был принят доклад *Эдуарда Вейча* о трудовой профессиональной школе-общине Дрейсигакер (в Тюрингии), как обычно доклады инициаторов о новых начинаниях, дышавший энтузиазмом, богатый интересным фактическим материалом, но и не лишенный общепедагогических выводов, формулированных Вейчем, как *необходимость в основу всякого профессионального образования класть образование человека.*

Значительный интерес вызвали и доклады юридического характера. — *Г. Франке* говорил о детской беспризорности и борьбе с нею; г-жа *Гэбель* (Берлин) посвятила свой доклад «правовому нормированию ученичества», обратив главное внимание на ученичество в *крупной* индустрии, где, по ее мнению, нужно при существующих условиях в особенности заботиться о том чтобы и работающим в качестве необученных рабочих ученикам открыть возможность со временем подняться в группу обученн. рабочих,—для этого нужно по возможности предохранить подростков от перемен различных занятий в различных отраслях промышленности. Подготовляемый новый закон о ремесленных и торговых учениках должен быть, по мнению докладчицы, построен на том основном положении, что договор-ученичество не есть только трудовой договор, но и *договор о воспитании:* не только профессиональная, но и нравственная оценка личности мастера, пригодность предприятия для целей *обучения*, обеспечение ученику возможности *полного школьного* обучения — все это должно в первую очередь приниматься во внимание. — Докладчица закончила свой доклад оценкой психотехнических методов определения «пригодности» ученика к данной профессии. По ее мнению значение этих испытаний нужно ограничить, исходя из отношения к ученику, как к живому человеку, а не как к мертвому товару.

(Ч.)

Католический Педагогичеекий Съезд.

В конце декабря прошлого года в Реклингаузене (в Вестфалии) состоялся съезд «Союза католиков универсантов», посвященный почти целиком вопросу о построении среднего образования с католической точки зрения. Тон на конгрессе был дан представителями идеи *универсальной церковной культуры.* Кроме общих собраний был организован ряд групп, в которых производилась работа над построением курсов различных предметов с католической точки зрения. Обоснованию этой же основной идеи — подчинения отдельных предметов обучения целому «католической культу-

ры» были посвящены и доклады на пленарных заседаниях. — Говорили — иезуит др. *Шретелер* о конфессиональной средней школе, резко критикуя школу государственную; проф. *Г. Плац* (Бонн) об отношении католицизма к национальному воспитанию, это отношение, по его мнению, определяется приятием католицизмом национального государства; в частности он настаивал на необходимости пробудить понимание немецкого ландшафта, на подчеркивании католического элемента в немецкой истории, на особое внимание к элементам порядка и иерархии в мире — в противовес национализму и индивидуалистической философии, на исхождении из литургики при изучении немецкого языка и т. д.; проф. *Свитальский* (Браунсберг) пытался развить в основных линиях систему «теоцентрического идеализма» (противоставляемого докладчиком «ново-немецкому идеализму» — очевидно имеется в виду Наторп, — якобы целиком лежащему в основе деятельности прусского Министерства Народного Просвещения).

Но несколько ораторов из числа членов съезда выступили с критикой охарактеризованных выше основных тенденций «католической педагогики». Тюбингенский проф. *П. Симон* ограничился постановкою скептических вопросов; кельнский университетский духовник др. *Р. Грошен* противопоставил позиции докладчиков иную. По его мнению *не существует* установленного, способного быть программно закрепленным католического образовательного идеала; поэтому каждый католик должен самостоятельно на свой страх и риск итти «в мир», чтобы быть там активным; напротив — укрепиться на позиции католической самостоятельной универсальной культуры, значит создать вокруг себя «новое гетто»; к д-ру *Грошену* присоединился известный католический деятель — патер *Ларос*, подчеркнувший, что истинно-католическим является «быть открытым для мира», а ни в коем случае не замыкаться во фракционном духе. Конечно, речи этой группы не остались без ответа со стороны руководящих кругов съезда. Но во всяком случае, съезд обнаружил с полною ясностью отсутствие единства педагогических идеалов в немецком католицизме.

(Ч).

Хроника.

Советская Россия.

= Милитаризация школы. Несмотря на отсутствие еще декрета о введении военного обучения в гражданских вузах и школах II ступ., работа на местах, опирающаяся на постановление III съезда советов и одобренная XIV съездом ВКП, приняла довольно значительные размеры. В *западном* военном окр. при участии местных правит. органов военные предметы введены в вузах и школах II ступ. некоторых губернских центров — Смоленске, Витебске и др. В *сибирском* военном окр. с декабря приступили к военной учебе в школах II ступ. В *крымской* АССР военные предметы вводятся по специально разработанным программам. В *Приволжьи* при активном содействии партийных, советских и проф. организаций введено военное обучение в школах II ступ. (один час в неделю). В *Татарской* республ. в 19 техникумах приступают к занятиям по воен. предметам. В *петербургском* воен. окр., в псковской губ., военные предметы в школах II ступ. преподаются лицами, выделенными дивизионным командованием. В *Туле* также началась «военизация» школ II ступ. Педагоги подобраны в большинстве из старшего и среднего командного состава дивизии и военной школы. Решено приобрести военную литературу и нагл. пособия. Программой предусмотрены все виды военного дела: уставы, тактика, история красн. армии, стрелк. дело, фортификация, топография и пр., что даст общие военные знания, а летом пройденные предметы будут закреплены на практике. Теперь при призыве и сборах уже не нужно будет второступенца (будущего командира запаса) учить «азам»: он их пройдет еще на школьн. скамье, а придя на службу — будет уже совершенствоваться. — Проявленную на местах энергию предположено использовать и расширить, подведя под нее материальную базу (Изв.1926, №25; Правда, №40,41).

В соответствии с этим один из циркуляров Главполитпросвета так определяет задачи военного воспитания. «Требования подготовки в связи с развитием техники ведения войны предъявлены высокие, а установленные сроки обязательного военного обучения недостаточны, если не будут предприняты меры к дополнению военной подготовки. Эти меры заключаются в том, чтобы в данную систему трудового воспитания и подготовки, во всю политико-просветительную работу, проводимую среди трудящихся, включить элементы военного воспитания и образования». Таким образом провозглашена, как одна из главнейших задач, военная дополнительная подготовка в системе народного просвещения. «Военная грамотность населения теперь так же необходима, как и общая грамотность, пишет советский педагогический журнал. По имеющимся данным в школах всюду отводится место для военного воспитания. В деревне к распространению военных знаний среди крестьянства привлечены избы-читальни. «Работа избы-читальни», говорит специальный циркуляр ГПП (Главполитпросвет) об участии избъ-читален в военной подготовке, «в этой области должна быть тесно увязана с работой местных военных органов, которые должны оказывать избе-читальне широкую помощь и содействие в ее работе, выделяя для этой цели своих политработников». На организацию военных уголков при избах-читальнях, на постановку работы по военной подготовке и приобретение необходимых материалов, как то военных карт, схем, приборов, диаграмм и т. п. исполкомами должны отпускаться специальные средства. (Инф. Бюлл. Пед. Бюро, № 1). (г)

= Подготовка к всеобщему обучению. Наркомпрос РСФСР предложил всем губ. и обл. отд. нар. образ. разработать на месте сеть трудов. школ I и II ступ. применительно к задачам введения все-

общ. обучения, финансовые планы новых школьных комплектов и нового школьного строительства. Введению обязательного обучения должен предшествовать не только количественный, но и качественный рост начального обучения, отиена какой бы то ни было платности в школах I ступ., обеспечение минимальной площадью, дающей возможность нормальной работы школы с санитарно-гигиенич. точки зрения. Сама постановка и введение всеобщ. обуч. должны предусматривать меры материальной помощи нуждающимся детям, в частности снабжение их одеждой и обувью. Кроме того, перед местными исполкомами должен быть возбужден вопрос о создании губ., уездн. и волостн. комиссий по введению всеобщего обучения. («Извест.», 1926, № 21).

= Изменение срока введения всеобщ. обучения. В беседе с представителями петерб. печати Луначарский сообщил, что по предложению Рыкова, принятому Совнаркомом, всеобщ. обуч. в РСФСР будет проведено не в 10, а в 7 лет и закончено в 1932—33 г. В течение семи лет на школьное строительство будет ассигновано 1.600 милл. рубл. С будущего года будет введено снабжение детей бедняцкого крестьянства, кроме уч. пособий, обувью и одеждой. Этой мерой будет привлечена вся бедняцкая и средняцкая масса детей. В 1927—28 г. должна быть отменена плата за обучение во всех школах I ступ. РСФСР. На 1926—27 г. проведение отмены платы предоставляется усмотрению отдельных губ. отд. нар. образ. («Правда», 1926, № 32).

= Сельское школьное строительство. Совнарком РСФСР разрешил Наркомпросу выделить из своей сметы на 1925—26 уч. год 10.000 р. (!) для выдачи в особых случаях местным сельским советам и крестьянским обществам пособий на школьное строительство («Изв.» 1926, № 9).

= Развитие национальной культуры. Наркомпрос Абхазии принял новый *абхазский* алфавит, в основу которого положен латинский шрифт. = Наркомпрос Армении составил новый *курдский* алфавит с латинской транскрипцией. До сих пор курды, населяющие Армению, пользовались очень сложным и несовершенным арабским алфавитом. = В младших группах 125 тюркских школ Армении введено преподавание по новому *тюркскому* алфавиту («Изв.», 1925, № 270, 1926 — № 12).

= Белорусский язык в школах. По постановлению Совнаркома Белоруссии, во всех труд. школах, на первых курсах всех рабфаков, во всех педтехникумах (полностью) республики, в минской и витебской партшколах вводится преподавание на белорусском языке. В школах нац. меньшинств белор. яз. обязательный предмет. («Изв.» 1926, № 9).

= Нар. образ. в РСФСР. В 1924 г. в нач. школах РСФСР обучалось 4.977.000 детей, в 1925 — 5.804.000. Число учащих достигало в 1924 г. 126.194, а в 1925 г. — 143.417. В 1926 г. предположено увеличить состав учащих на 8.000 чел. Если в тек. году нагрузка на одного учащего дойдет до 45 чел., то по РСФСР (без автономн. республик) предполагается обучить около 6 мил. детей, т. е. около 80% детей школьн. возраста. В этом году отпущено из средств казны 20.570.000 р. на оплату труда учащих школ I и II ступ. против 14.100.000 р. прошл. года. Из отпущенной суммы, примерно, около 85% пойдет на оплату труда сельск. учителей. («Беднота», 1926, № 2301).

= Нар. образ. в Сибири. Рост школьной сети отстает от роста сельск. хозяйства на 16 %. В настоящее время по всей Сибири грамотных только 29%. На нар. образ. в 1925 г. отпускается 28,9% бюджета против 28,4% в 1924 г. Количество договорных школ, содержимых на средства самого населения, велико; в омском округе таких школ 60, в кузнецком — 18. Ликв. пунктов неграмотности свыше 3.000, через которые пропущено свыше 100.000 человек. Заработная плата учительства в прошлом году составляла в среднем 22 р. 60 к. в месяц. В общем нар. образ. в Сибири стоит на низком уровне. Необходимы внимание и поддержка школы со стороны населения и государства. В прениях по докладу о народном образовании, прочитанному на I краев. съезде сиб.

советов, участвовало 90 ораторов. Представители мест отмечали след. недостатки: школ нехватает, учителей нет, учителя получают нищенское жалование, сторожа школ получают от 2,5 до 7 р. в месяц; учебники меняются слишком часто. Крестьяне тянутся к школе, жажда просвещения небывалая. («Правда», 1925 г., № 281).

= Школа на Украине. В 14.683 труд. школах соц. восп. обучаются в настоящий момент 1.635.000 детей. В 11.400 школах преподавание ведется на укр. языке и по укр. учебникам. На смешанном русско-украин. языке — 4,7%, на русском — 10,4%. Средняя и высшая школа и школы проф. образ. украинизированы в меньшей степени. Здесь часть их ведет преподавание на смешанном русско-укр. языке. Число укр. институтов — 20%, смеш. — 37,1%, техникумов укр. — 38,9%, смеш. — 23,1%, проф. школ укр. — 25,2%, смеш. — столько же, фабзавучей укр. — 8,2%, смеш. — 17,4%, школ батрацкой молодежи укр — 45,8%, смеш. — 16,7%, детских домов укр. — 34,1%, смеш. — 12%. В области политпросвета: из 11.898 пунктов по ликв. неграмотности 8.366 — укр., или 72%, клубов — 1.384, из них 47,8% укр., сельбудов — 2.572 (все украинские), хат-читален — 5.910, из них 5.810 укр., театров — 630 (58% укр.), кино — 223 (все укр.). Укр. книга в общей книжной продукции Украины в 1923 г. составляла 36% (тираж — 2 милл. экз.), в 1924 г. — 68,9% (тираж — 8½ милл. экз.) и в 1925 г. — 88% (тираж 12,4 милл.). Газетная сеть на Украине состоит из 74 газет с тиражем в 856 тыс. экз. Количество укр. газет с 9 в 1923 г. (тираж 38.000) доведено до 39 (тираж — 435.000), русских — 22, русско-укр. — 4, польских, еврейских, немецких и проч. — 9*). («Изв.», 1926, № 7).

*) В № 40 «Изв.» от 13-II-1926 г. сообщаются совсем иные данные о числе газет, а именно: на Украине выходит 82 газеты; 49 — на укр. языке, 25 — на русском, 7 — на языках нац. меньшинств; среди этих газет 34 сельских (в прошлом году их было 14), рабочих газет — 14, комсомольских — 4, красноарм. — 3, пионерских — 5 (было 2).

= Украинизация учеб. заведений. Наркомпрос Украины внес в Совнарком проект постановления об украинизации учебн. заведен. и научн. учрежд. Украины. Каждой национальности обеспечивается возможность получить образование на своем родном языке. Украинский язык и украиноведение являются обязательными предметами преподавания во всех уч. завед. в том числе в школах национ. меньшинств. На ряду с этим во всех уч. завед. предусматривается обязательное преподавание русского языка. С 1926—27 уч. г. обучение во всех труд. школах, дет. домах и садах будет вестись на родном языке учащихся. Намечено увеличить число школ-семилеток с преподаванием на укр. языке. Профессора и преподаватели должны будут в течение известного срока перейти к преподаванию в вузах на укр. языке. Далее проект намечает перевод на укр. язык всех издающихся на Украине научно-исслед. работ, научных и учебных пособий и научных журналов. («Изв.», 1926, № 23).

= Нар. образ. в Узбекистане. Число школ, находящихся на госбюджете, увеличилось с 1924—25 года: по I ступ. с 645 до 973, а число учащихся в них — с 48.619 до 95.914; по II ступ. количество учащихся возросло с 15.513 до 17.400 (число школ за год не изменилось). Сеть учреждений по профобру возросла с 51 до 57 и количество учащихся — с 6.217 до 7.487. Кроме того, многие сотни узбеков обучаются в вузах и рабфаках Москвы и Петербурга и за границей. Количество школ ликбеза возросло с 1.004 до 1.289, число учащихся в них з 30.000 до 51.560 чел. («Изв.» 1926, № 7).

= Просвещение в Азербейджане. Школ I ступ. насчитывается 1434 с 154.642 учащимися. В этом году выпускаются первые партии подготовленных учащихтюрков. В вузах республики обучается 1941 чел., из них тюрков 23%. В прошлом году тюркских научных работников было 35 чел., в нынешнем — 70. («Изв.» 1926, № 47).

= Подпольные религиозные школы. В Киевском евр. нарсуде слушалось дело группы лиц, обвинявшихся в содержании и орга-

низации подпольных религ. школ. Среди подсудимых было два киевск. раввина. Дело слушалось в показательном порядке в клубе кустарей. Суд приговорил двух организаторов хедеров и ешиботов к 6 м. и двух учителей — к 1 году принудительных работ. («Коммунист»). *(г)*

= Дошкольная работа в деревне. Дошкольная работа признана частью общей полит. работы в деревне и будет производиться не только по обслуживанию ребенка, но и по развитию его матери-крестьянки. По выработанному пятилетнему плану, за счет государствен., местн. бюджета и средств общественной инициативы в нын. году будет обслужено 50% волостей РСФСР и открыто 2000 дошкольных пунктов. Для осуществления этой работы будет командировано в деревню 400 платных работников (студентов коммун. акад. и др. вузов). Помимо работы среди русского населения, обращено особое внимание на организацию дошк. работы среди нацмен. («Изв.», 1926, № 12).

= Средства на дошкол. работу в деревне. Совнарком РСФСР признал нецелесообразным издание специальных директив исполкомам о включении в местный бюджет расходов на оплату преподавательского состава сельских дет. садов. Наркомфину поручено при рассмотрении местн. бюджетов учесть просьбу Наркомпроса о включении в местн. бюджет сумм на содержание указанных садов. («Изв.» 1926, № 21).

= Результаты обследования школ. Комиссариат рабоче-крест. инспекции РСФСР закончил обследование 40 школ II ступ. семилеток и школ крест. молодежи. Обследованием установлено, что многие школы перегружены учащимися, в выпускных же группах часто имеется всего лишь 7—9 чел., а школы-семилетки оканчивают только 5—6% учащихся. В отдельных школах активные учащиеся нагружены учебн. занятиями и собственной работой до 16 уч. час. в сутки, не активные до 12 часов. Наркомпросу предложено принять меры к улучшению материального положения преподавателей вторых концентров школ II ст., ускорить издание учебников и учебных пособий для профессионализированных школ II ступ. и школ крест. молодежи и урегулировать вопрос о нагрузке учащихся. Р.-К. инспекция обратила также внимание Наркомпроса на необходимость пополнения состава школ II ступ. детьми рабочих и крестьян и улучшения эконом. возможностей обучения (организация общежитий, питания и т. д.). («Изв.» 1926, № 33).

= Здоровье пионеров. На пленуме Ц. Б. юных пионеров наркомздрав Семашко говорил о мероприятиях по охране здоровья пионеров. По словам докладчика, «в настоящее время наблюдаются своеобразные «ножницы» между общим физическим развитием пионеров и весьма неудовлетворительным состоянием их здоровья. Это расхождение особенно сильно заметно на пионерском активе, при чем среди заболеваний молодежи наиболее выделяются заболевания, связанные *с переутомлением*. По данным о-ва Кр. Кр. среди обследованных пионеров с хорошим и средним физич. развитием было 79%, с плохим — 21%; среди актива первая группа равнялась 77%, вторая — 23%. Причины этого явления? Прежде всего — перегрузка школьной работой, во-вторых, — неравномерное распределение общественной работы между пионерами, в третьих, — неблагоприятные гигиенич. условия для занятий в школе и дома. плохое питание и тяжелое жилищное положение. Необходимо в первую очередь провести во всех школах организацию горячих завтраков, тк. кк. многие дети не имеют возможности получать дома достаточное питание. На ряду с этим необходимо улучшить общие санитарные условия работы в школе и, кроме того, как можно шире охватить детское население, и в первую очередь его пионерскую часть, диспансерными учреждениями. («Правда» 1926, № 33).

= Новые возрастные нормы для школьников (Петерб. губ.). В класс А I ступ. будут приниматься дети от 8 до 10 л., в класс Б — от 9—11 л., в класс В — от 10—12 л., в клас Г — от 11—13 л. и в класс Д I ступ. — от 12—14 л. Для школ II ступени устанавливается след. возвр. нормы: в I кл. будут приниматься от 13—16 л., во II кл. — от 14—17 лет, в III кл. — 15—18 л. и в IV кл. II ступени

— 16—19 л., при чем будут приниматься только дети, которым исполнилось указанное количество лет на 1 сентября тек. года. («Кр. Газета» 1925, № 311).

= Воспитание умственно-отсталых детей. Главсоцвос НКП РСФСР довел число школ для умственно-отсталых детей до 63, из них 29 школ занимаются в две смены. В школах обучается 5.500 умств.-отсталых детей. («Изв.» 1926, № 12).

= Школы для слепых и глухонемых. В настоящий момент в РСФСР имеются: 23 школы для слепых с 1.300 учениками и 42 школы для глухонемых с 3.750 учащимися. («Изв.» 1926, № 12).

= Преподавание иностранных языков в уч. зав. Коллегия наркомпроса РСФСР утвердила положение Гус-а о преподавании иностран. языков в школах 2-ой ступ. и вузах. Обучение иностр. языкам начинается с первого года и продолжается в течение всех пяти лет курса II ст. При известных условиях признано возможным введение препод. иностр. языков в 3-й и 4-й группах школ I ступ. Иностран. языки вводятся, как самостоят. предмет. Число часов, отводимых иностран. языкам, должно равняться 3 часам в неделю для всех годов обучения. Обязательным для изучения явится один из трех языков: немецкий, английский или французский. — В вузах устанавливается обяз. обучение одному из перечисленных языков, по выбору учащегося. Изучению языка будет отведено 2 часа в неделю на всех курсах для лиц, окончивших школу II ст., и 4 часа в неделю — для лиц, начинающих изучать язык только в вузе. Эти часы входят в расписание занятий студентов. Испытания по иностр. языкам происходят ежегодно и включаются в переводный минимум. («Извест.» 1926, № 45).

= Неподготовленность студенчества. Вопрос о неподготовленности молодежи, поступающей в высшие учебные заведения к занятиям в них не сходит с столбцов советской печати. «Экономическая Жизнь» (№ 49, 1926 г.) подтверждает мнение «Правды», что «у поступающих как правило отсутствуют необходимые познания в области родного языка, физики и математики, что сильно затрудняет обучение в высшей школе». К этому от себя газета прибавляет указание «на одно не менее серьезное обстоятельство: поступающие в Вузы тоже, как правило, почти совершенно не знают иностранных языков, а в Вузах, если прохождение языков и организовано, то крайне неудовлетворительно». Впрочем, несколько дальше «Экономическая Жизнь» широким жестом распространяет последствия незнания родного и чужих языков и на другие предметы: «разумеется, говорит она, тоже относится и к остальным предметам». Дело зашло настолько далеко, что официальный орган берет даже смелость указать, что получение научной квалификации требует больше занятий наукой, чем «всякой другой» работой, что «должно быть уменьшено и доведено до минимума это — «неучебная» нагрузка студентов; нужно им дать возможность учиться, а нагрузку всякой другой работой (парт., профес. и т. д.) свести к минимуму». В той самой статье между прочим осторожно признается «совершенно не нормальным такое положение (а оно наблюдается в настоящее время), при котором занятия в Вузах поручаются лицам, только что окончившим эти Вузы. Необходимо, чтобы кандидат в научные работники прошел определенный практический стаж — не менее (пока) трех лет». (г)

= Прием в вузы в 1926 г. Наркомпрос РСФСР утвердил новые правила приема в вузы на 1926—27 уч. год. Для проведения приема при главпрофобре организуется центральная приемная комиссия и при всех вузах — мест. комиссии. Общая норма приема установлена в 22.500 мест. Из этого числа за рабфаковцами бронируется 7.750 мест, труд. интел. — 2.500, культурно-отстал. народностями — 1.750, за союзн. республиками — 560 и за Красными армией и флотом — 250 мест. Оставшиеся места будут заполняться кандидатами из числа лиц, подавших заявления о приеме непосредственно в вузы. Окончившие рабфаки будут зачисляться без испыт. и клас. отбора, для всех же остальных обязательна сдача испытаний по математике, русск. языку, физике и обществоведению. В вузы могут посту-

пать лица не моложе 17 лет. Заявления о желании поступить в вуз подаются непосредственно в приемную комиссию того или иного вуза. Всего в индустр. вузы будет принято 5.765 чел., в с.-х. — 4.980, в педаг. — 5.445, в мед. — 2.430, в соц.-экон. — 3.165 и худож. — 715. 325 мест оставлено в резерве главпрофобра. Прием заявлений в вузы Москвы и Петербурга будет открыт с 1 июня по 15 июля, а в провинц. вузы и худож. вузы Москвы и Петербурга — с 1 июля по 10 авг. Приемные испытания в столичн. вузы будут производиться с 15 июля по 5 авг., а в провинц. — с 10 по 25 авг. При зачислении выдержавших испытание в случаях равной академич. подготовки предпочтение будет отдаваться рабочим, крестьянам и их детям, а также членам ВКП и РЛКСМ. Зачисление учащихся в вузы должно закончиться приемными комиссиями вузов Москвы и Петербурга к 15 авг. а в провинции — к 1 сент. При зачислении в вузы комиссии по платности должны не позднее 1 сент. определить размеры платы за обучение с лиц, подлежащих обложению ею. Плата за обучение в первом полугодии должна быть внесена до 15 сент. Не внесшие ее к этому сроку будут исключаться из списков студентов. («Изв.» 1926, № 34).

Правила эти вызвали многочисленные обращения в наркомпрос с запросами, каково при новых условиях окажется участие учеников, окончивших школу II ступ. Луначарский, в № 38 «Правды» от 16-II-1926, дал разъяснение, в котором, между прочим, говорит: «В этом году мы примем 22.000 студентов, из них 8.000 рабфаковцев; впрочем, цифра эта может и уменьшиться, так как на сей раз наркомпрос стал на такую точку зрения, что ему безразлично, как подготовлялся ученик: на рабфаке, в школе II ступ., техникуме, или дома; все равно все подвергаются известным испытаниям... Возможно, что некоторые из окончивших рабфаки окажутся недостаточно подготовленными. Кроме мест, оставляемых для рабфаковцев, имеется минимум 14.000 мест для остальных. Здесь, естественно, главное место займут окончившие школу II ступ., если только эта школа мало-мальски соответствует своему назначению... Значительное количество мест предоставляется нацменам (по отношению к ним условия поступления будут несколько смягчены), большинство представителей которых будут, разумеется, учениками школ II ступ. Так как среди кончающих школу II ступ. имеются также рабочие и крестьяне, то, не предугадывая, какой именно процент не рабфаковцев окажется принадлежащим к этой категории, можно сказать, что в этом году число кончающих II ступ., для которых открывается возможность проникнуть в вузы, возрастет в огромной степени».

= Присм в украинские вузы. В будущем уч. году в высш. учебн. завед. Украины всего будет принято 17.200 чел. При поступлении обязательно знание украинского языка. Для национ. меньшинств обеспечивается определенный процент мест. («Изв.» 1926, № 36).

= Юбилей рабфака. Исполнилось семь лет со дня учреждения первого рабфака. Ныне в РСФСР 62 рабфака с 32.815 учащимися. Среди учащихся 73% членов ВКПб и РЛКСМ, 35% крест. молодежи и около 15% девушек-работниц. Первый выпуск рабфаков в 1923 г. дал 5.315 чел., в 1924 г. — 7.857, в 1925 — 8.946. («Изв.» 1926, № 27).

= Петербургское студенчество в цифрах Обследование высших и средн. учебн. завед. Петербурга показало необычайный рост петерб. студенчества за последние три года. К настоящему времени общее число студентов достигает 48.000. По числу уч. завед., по научно-педаг. силам и богатству лабораторий и кабинетов Петербург занимает первое место в СССР. Сейчас в Петербурге 27 высших уч. зав. 36 техникумов и 15 рабфаков. Из 48.000 общего числа студентов 27.770 состоят членами проф. союзов, 6.192 — членами ВКП и 8.022 — членами РЛКСМ; рабочих от станка — 12.113 служащих — 18.796 и прочих (кустарей, лиц свободных профессий и проч.) — всего 3.109. («Изв.» 1926, № 39).

= Обязанности окончивших стипендиатов. Коллегия Наркомпроса РСФСР признала, что, если лица, обязанные отработкой полученных ими стипендий, по выходе из вузов не будут

назначены на работу, они освобождаются от обязанностей трудового возмещения стипендий и возмещают государству все стипендиальные расходы в денежной форме в течение срока, двухкратного тому сроку, в какой ими получались стипендии. В случае уклонения бывших студентов от выполнения обязанностей службы, помимо расходов, понесенных на них государством в виде стипендий, они возмещают также все расходы по обучению в размере, равном их фактической стоимости, а подлежащие взысканию с них суммы взыскиваются принудительным порядком. («Изв.» 1926, № 56). (г)

= Итоги обратного приема студентов. Комиссия по восстановлению студентов, исключенных в 1924 г. по академич. проверке, повсеместно закончила работу, и по 65 вузам поступили сведения в наркомпрос. Заявлений о востановлении было подано 5.095. Восстановлены 2.148 чел. Наибольшее число заявлений подано в индустр.-технич. вузы — 1.721; принято в эти вузы — 521. Социальный состав восстановленных таков: рабочих и их детей — 147, крестьян — 327, служащих — 1.158, труд. интеллиг. — 78, ремеслен. — 79, прочих — 73. («Изв.» 1926, № 31).

= Об установлении единой ученой степени. В Гусе рассматр. проект об установл. единой уч. степени (доктора). По проекту, лица, имеющие степень доктора или магистра до 1917 г., имеют право на получение степени доктора науки без испытаний. Проект не предусматривает представления особого труда (диссертации). Ученая степень доктора дается по всей совокупности трудов, представляемых к моменту их защиты докторантом. («Кр. Газ.» 1926, № 26).

= Пленум петерб. секции научн. работников, состоявшийся в конце декабря, обсуждал, главн. образом, конфликт с Акад. Наук, которая за последнее время приняла около 150 нов. служащих, из которых — 52 не состоят членами союза, в том числе 7 научных работников. Союз полагает, что «должности швейцаров, сторожей, уборщиков, канцелярских служащих и т. п. могли бы быть с успехом заменены безработными членами союза, которых имеется несколько тысяч». Пленум единогласно постановил образовать комиссию, которая должна проверить всех принятых Академией и снять с работы 22 чел.; научн. работники проверке подвергаться не будут. («Кр. Газ.» 1926, № 311).

= Пленум центр. совета секции научн. работников, состоявшийся в декабре, заслушал доклад Н. С. Державина. Докладчик заявил, что преподавательская и научно-исследоват. работа в СССР находится под угрозой. Положение создалось критическое. У нас сейчас есть пожилые ученые высокой квалификации и молодежь, только что начинающая и неподготовленная для преподават. и науч. работы. Ученый — «середняк» исчезает. А готовой смены нет. Причиной этого является, прежде всего, материальная необеспеченность ученых и научн. учреждений. Во-вторых, до сих пор не разрешен вопрос о пенсиях, и молодой ученый не имеет уверенности, что на склоне лет он и его семья будут обеспечены. В третьих, число платных аспирантов при кафедрах, предположенное наркомпросом в 2000 чел., сейчас сокращено до 800. Это слишком мало для подготовки смены. («Кр. Газета» 1926, № 311).

= Совпартшколы. На территории РСФСР в настоящее время имеются 133 совпартшколы, из них 92 — I ступ. и 41 — II ст. В совпартшколах I ст. 11.000 учащихся, во II ст. — 5.000. В прошлом уч. году курс совпартшкол РСФСР окончили 12.000 чел. На всей территории Союза насчитывается 200 совпартшкол с 25.000 учащихся. («Изв.» 1926, № 22).

= Китайский университет в Москве. Совет народных комиссаров ассигновал новый кредит на расширение китайского университета имени Сунь-Ят-Сена в Москве. Число слушателей университета доведено будет до 208 человек. Для желающих введены будут специальные военные лекции. Китайский университет в Москве находится под преобладающим вліянием партии Гоминдан. (г)

= Разрешение частных учебных заведений. ВЦИК и совнарком постановили разрешить открывать частные средние художе-

ственно-профессион. учебн. заведения и промышленно-экономич. курсы. Учащиеся этих школ пользуются всеми правами учащихся государств. школ. («Кр. Газ.» 1926, № 30).

= Экстернат в трудовой школе. Наркомпрос признал целесообразным введение экстерната в школах II ступ. Испытания экстернов будут производиться только особыми комиссиями за полный курс школы II ступ. и семилетки два раза в год: весной и осенью. («Кр. Газ.», № 1065).

= О частных дошкольных учреждениях. Наркомпрос РСФСР предоставил право отдельным группам граждан организовывать детские сады, площадки, очаги, дет. дома для детей от 3 до 8 лет и т. п. дет. учрежд. с числом детей не менее десяти. Группы родителей, желающие открыть такие учреждения, должны подавать соответствующие заявления в отд. нар. обр. Разрешения на открытие дошк. дет. учрежд. могут выдаваться лишь при наличии минимальной жилой площади, опытного педагога и при непременном условии организации питания всех детей не менее одного раза в день. В дошк. учрежд., открываемых членами проф. союзов, не менее 10% всех мест должно быть предоставлено на бесплатн. условиях органам нар. образ. В учреждениях же, учредителями которых являются лица, не состоящие в проф. союзах, количество бесплатных мест должно быть не менее 30%. Вся педаг. работа в частных дет. учрежд. должна вестись по программам и под контролем отд. нар. образ. («Изв.» 1926, № 55).

= Новые льготы учительству. Для улучшения материального положения сельск. учительства коллегия наркомпроса РСФСР утвердила особое положение о льготах сельск. учительству, которое уже согласовано с профес. органами и по утверждении будет представлено на утверждение правительству. Это положение предусматривает: проведение, с 1 янв. 1926 г., надбавки не ниже 10% к получаемому содержанию за каждые три года педагогич. работы в школьных и дошкольн. учрежд. в сел. местностях. Бесплатное снабжение учащих за счет местного бюджета квартирой, отоплением и освещением; при отсутствии квартир обеспечение всеми указанными видами довольствия компенсируется в денежной форме по установленным нормам. Сел. учителям должны предоставляться перевозочные средства, обеспечивающие поездку в окружн. и район. центры не менее одного раза в месяц, а также поездку не менее одного раза в два месяца на вол. конференции просвещенцев. Детям сел. учителей, малолетним членам их семей, сиротам и полусиротам должно быть предоставлено преимущественное перед всеми другими гражданами право поступления во все без исключения школы соцвоса, проф. уч. завед. и вузы. В целях повышения квалификации сел. учащих выписка общей и педагог. прессы должна производиться за счет местн. бюджета; за этот же счет должны производиться и командировки учащих на окр. и центр. курсы, а также организовываться экскурсии для них. За сельским учительством должно быть закреплено право на ежегодный двухмесяч. отпуск, а также обеспечено помещение заболевших учащих в госуд. курорты и санатории за счет государства, на равных основаниях с рабочими физического труда. («Изв.» 1926, № 14).

= Комсомол и учителя. На заседании сибирского краевого съезда представители сельских учителей выступили с жалобами против комсомола. Учителя заявили, что комсомольцы «чванятся своим положением», издеваются над учителями и вносят в деревенскую жизнь хулиганство и расслоение. По распоряжению новониколаевского отдела ГПУ выступившая с речью о комсомольцах учительница арестована. (Русспрес). (г)

= Защита прав учительства. До сих пор со стороны виков, сельсоветов и местн. органов нар. образ. наблюдаются факты недопустимого отношения к сел. учительству, как, напр., вызов учителя в дни занятий за 15 верст в вики за пустяковыми справками, переброски учителей с одного места на другое без достаточных мотивов и т. п. Наркомпрос РСФСР предложил всем местным органам нар. образ. принять меры к устранению таких фактов и быть в курсе всех правонару-

шений по отношению к учительству. О каждом случае такого рода должно быть немедленно произведено строжайшее расследование через инспекцию с участием представителей партийных и проф. организаций, с привлечением к ответственности виновных в нарушении прав учительства. («Изв.» 1926, № 21).

= Задержка в уплате жалования учащим. Ц. К. союза работн. просвещения обратился в высшие правительственные органы з запиской о необходимости срочно ликвидировать задолженность по зараб. плате учащим, так как, по имеющимся сведениям, задолженность учащим по ряду губерний не только не ликвидирована, но продолжает расти. Так, напр., учителя Тульской губернии систематически получаютъ в месяц по 24 р. не смотря на декрет совнаркома об оплате в 30 руб. Задолженность учителям достигла 85.000 рублей. Ц. К. просит дать распоряжение на места о том, чтобы были приведены в исполнение разосланные в свое время директивы о покрытии задолженности по зараб. плате за истекший бюдж. год и о своевременной выплате зараб. платы в дальнейшем. («Изв.» 1926, № 39).

= Безработные учителя. По союзным республикам отмечено свыше 50.000 безработных просвещенцев. Спрос на них имеется, но на местах нет средств для переброски нужных работников. По этому поводу состоялось совещание в наркомтруде; постановлено ходатайствовать о предоставлении безработным учителям, при посылке их на работу, скидки в 50% стоимости проезда. На это будет испрошено в совнаркоме 100.000 р. (по два рубля на человека!). Признано необходимым организовать краткосрочные курсы на 1.300 человек, чтобы улучшить подготовку безработных учащих перед отправкой их на работу. («Беднота» 1925 г., № 2283).

= О дет. беспризорности. До революции на территории равной нынешним границам РСФСР имелись детские приюты, которые охватывали, примерно, около 30.000 сирот. В 1918 г. беспризорных имелось 75.000, в 1919 г. — 125.000, в 1920 г. — 400.000 и в 1922 г., т. е. непосредственно после голода 1921 г., только в интернатных учрежд. наркомпроса и его местн. органов насчитывалось около 600.000 детей. Эта сумма являлась рекордной и получилась потому, что в местах, пораженных голодом в 1921 г., приходилось содержать в указанных учреждениях почти всех детей значительного числа сел и деревень. Впоследствии огромное количество детей было обратно роздано родителям. Точно подсчитать количество беспризорных детей в настоящее время является чрезвычайно затруднительным. Данные, которые получены по материалам ЦСУ, детской комиссии ВЦИК, наркомпроса и от 30 местных исполкомов, говорят о том, что общее количество не втянутых в дет. учреждения детей в РСФСР колеблется от 225 до 250 тыс. К этому количеству следует прибавить беспризорных грудного возраста (подкидышей), количество которого также велико. Только в 36 областях и губерниях, от которых имеются сведения, количество подкидышей, находящихся в соответ. учрежд. наркомздрава, превышает 10.000. Насколько неравномерно распределены беспризорные, видно из того, что в то время, когда в архангельской губ. количество беспризорных равняется 200, в тверской — 600, в гомельской — 1.000, в воронежской губ. это количество превышает 35.000, в курской — 12.000 на Урале — 15.000, в московской губ. — 11.000, в Донской — 25.000, в ставропольской — 18.000, в чувашской обл. — 10000, в омской — 7.000. Особенно неблагополучными районами по беспризорности являются: юго-восточный, уральский, поволжский, отчасти Сибирь и Крым, при чем в большинстве случаев в этих последних районах беспризорные в значительной части являются не детьми местного населения, а пришлыми (Крым, Ташкент, Ростов-на-Дону — от 70 до 90% пришл. элем.). Скопление большого числа беспризорных на одной территории ложится крайне тяжелым бременем на местн. бюджет, и исполкомы лишены возможности помещать хотя бы одну четвертую часть беспризорных в соответств. детск. учрежд. («Правда» 1926, № 37, ст. М. Богуславского).

= Борьба с детск. беспризорностью. Завед. отде-

лом наркомпроса по соц.-правовой охране несовершеннолетних С. С. Тизанов сообщил печати: — В настоящее время в РСФСР 4.000 дет. учреждений: детских домов, детск. колоний, коммун и приемных пунктов. В них воспитывается 228.000 детей-сирот и детей беднейшего населения. Детей крестьян из этого числа 55%, затем идут дети рабочих (25%); остальные — дети красноармейцев, кустарей, ремесленников и служащих. Расходы на содержание, воспитание и обучение этих детей превышают 40 милл. в год, но все же беспризорность еще большая. Около 125.000 детей надо принять в дома, а 175.000 — нужно оказать помощь на дому, иначе и эти дети пойдут нищенствовать и бродяжить. — Разработан 3-летний план борьбы с детской беспризорностью и выработаны меры оказания помощи нуждающимся детям. В тек. году предположено организовать дома для больных и беспризорных детей, — на это потребуется 560.000 рубл. На устройство домов для детей-правонарушителей предположено отпустить 150.000 р., 700.000 р. — на трудовую подготовку, 115.000 р. — на помощь выходящим из дет. домов (таких детей 23.000), и 240.000 рубл. — на помощь детям, передаваемым из дет. домов родителям. Всего намечено отпустить 1.765.000 р. Помимо того, правительством установлены льготы для беспризорных и воспитанников дет. домов — при получении ими работы через биржи труда. А в ближайшее время предполагается установить льготы крестьянам, кустарям и ремесленникам, которые возьмут к себе для воспитания и труд. подготовки ребят-сирот, бесприютных или воспитанников детских домов. («Беднота» 1926 № 2323).

= Борьба с беспризорностью на Украине. Президиум ВУЦИК возбуждает перед ЦИК СССР ходатайство о выдаче в срочном порядке укр. правит. 500 т. рубл. на борьбу с дет. беспризорностью на Украине. («Правда» 1926, № 22).

= Комиссии по делам о несовершеннолетних. Наркомпрос РСФСР вносит на утверждение совнаркома проект положения о местн. комиссиях по делам о несовершеннолетних правонарушителях. По этому положению комиссии учреждаются в гор. поселениях с соответствующими отделами нар. образ.; комиссии могут создаваться и в сел. местностях. Комиссии, путем применения медико-педагог. мер, поведут борьбу с правонарушителями малолетних (не достигших 16-летн. возраста), а также с нищенством, бродяжничеством и проституцией несовершеннолетних. («Изв.» 1926 г. № 22).

= Правонарушения малолетних. В годы экономической разрухи количество правонарушений малолетних возросло в $6^1/_2$ раз. В 1921 г. был отмечен максимум правонарушений — свыше 14.000; в 1922 г. количество их сократилось более чем на половину и в 1925 г. снизилось до 4.594. («Изв.» 1926, № 46).

= Беспризорные. (Из письма рабочего). «...Совершенно мало обращено внимания на беспризорных детей. Вот пример: приезжаю на станцию Омск, там у самой станции лежат беспризорные дети, совершенно нагие; правда, я насчитал их немного — 13 человек, но дальше на базаре при станции еще с десяток точно таких же, которые ходят, собирают разные отбросы и едят. Второй пункт — Самара. Только выхожу на станцию (а это было в 12 часов ночи), как тут же, на голой панели, лежат совершенно голые дети, согнувшись от холода». («Правда» 1926, № 37).

= Изъятие «старых» книг. Губполитпросветом предложено всем 120 библиотекам Петербурга ускорить изъятие старой беллетристич. и публицистич. литературы, изданной в довоенное время. Администрации библиотек к началу февраля должны представить в губполитпросвет сведения об изъятых книгах, а также о всех старинных рукописях и найденных архивных материалах. В случае обнаружения после этого срока в библиотеках экземпляров старой литературы, заведующие библиотек будут привлекаться к судебной ответственности. («Кр. Газ.» 1926, № 22).

= Помощь русским университ. библиотекам. Пр. Колумбийского у-та Ф. Боас открыл в Америке сбор денег для пополнения

библиотек петерб., московск. и др. русск. университетов. («Кр. Газета» 1926, № 22).

= Публичная библиотека. Ученый секретарь Публичной библиотеки Банк сообщил, что библиотека, занимавшая до революции третье место в мире после Лондона и Парижа, за годы революции стала на первое место в мире по числу томов — 4.250.000. («Изв.» 1926, № 25).

= Новое книгохранилище Румянцевской библиотеки открыто 24 января. В своих 4 ярусах оно имеет 11.000 полок, общим протяжением в 11 километров; на этих полках уместится свыше 700.000 томов. («Изв.» 1926, № 20).

= Издание учебников. В течение 1925 г. снабжение массовой школы соцвоса учебниками производил почти исключительно госиздат. Из общей продукции госиздата (без Ленгиза) за первые 10 мес. на учебники приходится 205.510.932 оттиска, т. е. около 43%. На октябрь 1925 г. было реализовано 15.000.000 экз. учебников, т. е. почти столько же, сколько было продано за весь 1924 г. В среднем к началу нынешн. уч. года было продано по три учебника на каждого ученика школ соцвоса РСФСР. Из указанного числа издано: букварей — 2 милл., «Первой книги для чтения» — $1^1/_2$ милл., «Второй книги для чтения» — 1,4 мил. «Книги для чтения на 3 и 4 году обучения» — 730.000, учебников грамматики и пособий по изуч. языка — до 1.850.000, учебников по обществовед. — 800.000, арифметич. задачников для всех лет обучения — 2.860.000. Среди учебников издания 1925 г. следует отметить, как совершенно новый тип учеб. пособий, несколько книг из рабочей библиотеки и 27 книг для школ фабзавуча и рабоче-крест. молодежи. («Изв.» 1926, № 36).

= Повышение качества учебников. Коллегия наркомпроса в целях улучшения качества продукции учебной литературы поручила Гусу пересмотреть изданные учебники и оставить в списке только лучшие из них. («Правда» 1926, № 40).

= Ненормальное положение издательск. дела. В то время, как почти во всех отраслях нар. хоз. спрос превышает предложение, — в отношении продукции издательств происходит обратное. Об этом свидетельствует переполнение малоподвижными книгами издат. складов и значительность партий книг, поступающих для переработки на бумажные фабрики. («Изв.» 1926, № 25).

= «Чистка» языка. Московский отдел нар. образ. воспретил всем подведомств. ему учреждениям употребление как в переписке, так и в печатных изданиях сокращенных названий учреждений и малоизвестных иностр. слов. («Правда» 1926, № 11.)

= Всеукраинское совещание по вопросам полит. просвещ. По сообщению газеты «Діло», в Харькове в январе т. г. состоялся съезд по вопросам полит. просвещ., собравший всего 152 делегата. На этом съезде выступил с речью В. Мусиенко (завед. всеукр. управою «сільбудів» — сельских народных домов), которая свидетельствует о крупном повороте коммунистов в направлении просветительной деятельности среди населения. «Мы теперь вступаем, — так говорит Мусиенко, — в новый этап нашей работы. До сих пор мы главным образом объединяли и собирали вокруг сельск. домов весь активный обществ. элемент. На шестом году нашей деятельности мы должны удовлетворить культурные потребности народа, который уже проявил в известной мере стремление к знанию и интерес к культурным вопросам». Так коммунисты делают потихоньку отступления и в области «политпросвета» в сторону буржуазных предрассудков, как это они сделали в экономической и других областях государственной и общественной жизни.

(с)

Польская Украина.

= Законопроект об открытии украинского университета во Львове. Украинские депутаты польского сейма внесли 5 февраля срочный запрос, подписанный всеми депутатами национальных меньшинств, о невыполнении правительством Польши закона, обязывавшего его приступить не позже 25 октября 1924 года к открытию украинского универси-

Hlavní název: Russkaia shkola za rubezhom
Datum vydání výtisku: 1925 - 1926
Číslo výtisku: 18
Druh dokumentu: číslo periodika
ISSN: nS10754
Číslo stránky: 697 - [714]

SYSTEM KRAMERIUS

Podmínky využití

NK ČR poskytuje přístup k digitalizovaným dokumentům pouze pro nekomerční, vědecké, studijní účely a pouze pro osobní potřeby uživatelů. Část dokumentů digitální knihovny podléhá autorským právům. Využitím digitální knihovny NK ČR a vygenerováním kopie části digitalizovaného dokumentu se uživatel zavazuje dodržovat tyto podmínky využití, které musí být součástí každé zhotovené kopie. Jakékoli další kopírování materiálu z digitální knihovny NK ČR není možné bez případného písemného svolení NK ČR.

Národní knihovna ČR
Klementinum 190
110 00 Praha 1

kramerius@nkp.cz

тета. Вместе с запросом украинские депутаты внесли законопроект, состоящий из 11 параграфов. По этому проэкту, местом пребывания этого университета определяется Львов. Открытие университета должно наступить не позже 1-го сентября 1926 г. Университет состоит из следующих факультетов: богословского, юридического, естественно-математического, гуманистического, медицинского и технико-агрономического. Специальный закон должен определить порядок зачета тех занятий и экзаменов, которые были выполнены студентами существующего во Львове частного украинского университета. Следует здесь пояснить, что зарубежные университеты при приеме студентов тайного украинского университета во Львове принимают во внимание все выполненные ими зачеты и экзамены. Поэтому составители законопроекта считают вполне справедливым признание тех же прав за студентами тайного украинского университета во Львове специальным законом польского сейма. По сообщению газеты «Діло» (№ 33, 1926 г.), срочность запроса отклонена сеймом в заседании 12-го февраля с. г. большинством 130 голосов против 110. Результат голосования депутаты национальных меньшинств встретили стуком в пюпитры. (с)

= Деятельность общества «Просвіта» во Львове за 1925 г. Из отчета, представленного Правлением О-ва «Просвіта» во Львове общему собранию членов 25 декабря 1925 г., видно, что О-во «Просвіта» имело в Галиции 81 отделение, 2020 читален, 756 драматических кружков, 305 хоров. В течение отчетного года было организовано 3092 спектакля, 1156 лекций, 374 концерта. По сравнению с предыдущим годом отчетный год характеризуется значительным ростом читален (в предыдущем году их было 1337) и вообще оживлением культурно-просветительной деятельности на местах. (с)

Англия.

= 25 ноября 1925 г. Board of Education опубликовал Циркуляр 1371, который вызвал бурю негодования в педагогических и рабочих кругах. По закону 1918 г. Правительство уплачивает 50% расходов, произведенных местными самоуправлениями на образование. При Рабочем Кабинете политика экономии была оставлена и Министр Тревелиан поощрял местные самоуправления в развитии сети средних школ и постройке новых зданий. Большинство местных самоуправлений воспользовались этим и составили широкие планы на три года. Консервативное Министерство поэтому получило эти планы в наследство и вынуждено было их проводить в жизнь. Первый год все шло хорошо, и все партии радовались тому, что народное образование перестало быть предметом партийной борьбы. Однако, в этом году Правительству придется заплатить значительно больше прошлогоднего, а в будущем году еще больше, ибо планы составленные при Тревелиане расчитывали на прогрессивное развитие. Такого роста расходов на народное образование консервативное правительство не сочло возможным допустить. Поэтому под давлением Черчиля (канцлера) Министр Нар. Просв. лорд Перси опубликовал упомянутый циркуляр, по которому система субсидий, установленная по закону 1918 г., изменяется. Именно вместо 50% местные самоуправления в следующие три года будут получать раз установленную субсидию в размере прошлогодних действительных расходов. Этим распоряжением конечно задерживается дальнейший рост школьной сети. Непосредственно по опубликовании циркуляра все многочисленные учительские организации без различия партийной принадлежности, все местные самоуправления, Рабочая и Либеральная Партии подняли такую агитацию в стране, что Правительству пришлось отступить. В Парламенте Лорд Перси заявил, что новая система субсидий будет введена лишь с будущего года, и что в случае надобности он согласен будет увеличить субсидию в зависимости от развития сети. Не успело общество немного успокоиться, как 23 декабря Министр разослал местным самоуправлениям меморандум 44 с требованием сокращения расходов. Это снова вызвало многочисленные протесты, и вероятно с открытием Парламента Министру придется своими разъяснениями смягчить впечатление. В своих речах

лорд Перси указывал, что никакой реакции нет, что наоборот за время его администрации число школьников в средних школах возросло на 8.000 и число стипендиатов на 5.000, что число переполненных классов уменьшилось, что строятся 119 новых начальных и 24 средних школы и т. д. Все это верно, но это есть лишь нормальное развитие планов, одобренных Рабочим Кабинетом и поэтому не опровергает мнения педагогических кругов, что в Англии сейчас реакция в народном образовании. Конечно реакция эта относительная, которая не остановит вообще развития, но замедлит темп его роста. (Г)

Германия.

= Влияние войны на число учащихся в Германии. В последние годы в народной школе Германии сильно уменьшилось число учащихся. Причиной этого является сокращение числа рождений в военные годы 1915—1919. В народные школы по всей Германии поступило:

весною 1920 г. — 1.317.309 дет.
,, 1921 г. — 1.234.528 дет.
,, 1922 г. — 808.623 дет.
,, 1923 г. — 721.011 дет.
,, 1924 г. — 654.173 дет.
,, 1925 г. — 700.169 дет.

С весны 1925 до весны 1930 г., покуда (при немецком 8 летнем курсе народных школ) все четыре года поступления 1922—1925 с наименьшим числом учащихся будут одновременно посещать школу, число учащихся будет все стоять на столь же низком уровне. — А в следующие за 1930 г. придет очередь средней школы и, затем, университета! (Frankf. Zeit.) (ч)

= Борьба против неконфессиональной учительской Академии в Пруссии. В начале декабря 1925 г. комиссия по народному просвещению прусского ландтага приняла предложение Мин. Нар. Просв. об основании четырех новых учительских академий (институтов) в Пруссии: одной католической — в Бонне, двух протестанских — в Эльбинге и Шпандау и одной во Франкфурте на Майне неконфессиональной, в которой обучались бы совместно студенты обоих исповеданий и только преподавание религии происходило бы раздельно. Как только постановление ландтага проникло в печать, с католической стороны посыпались протесты. Протестовала католическая пресса. Выступили с протестом епископы Лимбурга и Фульды, наконец при обсуждении бюджета Мин. Нар. Просв. в ландтаге на заседании 14-го декабря представитель католического центра прочитал заявление своей фракции, резко осуждающее проэкт министерства. Интересны аргументы, выдвигавшиеся католиками против неконфессиональной учительской академии. В таком институте, полагает епископ Лимбургский, «могут быть подготовлены только люди без твердых религиозно-нравственных основ или с расплывчатыми воззрениями... В нем поощрялся бы религиозный индиферентизм или даже безбожие«. Так как обучение религии не предполагалось ни устранить, ни сократить, и оно должно было производиться отдельно для католиков и протестантов, епископ указывает на то, что развивать — «индиферентизм и даже безбожие» будет преподавание таких предметов, как «педагогики, психологии, истории, литературы и т. д.». Заметим, что совместные для католиков и протестантов народные школы в Пруссии существуют (и в частности в районе Франкфурта — в провинции Нассау — являются правилом), и острой борьбы против них в настоящий момент католики не ведут. Между тем в «Кельнской Народной Газете» один из депутатов центра в статье, направленной против проэкта франкфуртской академии, угрожал даже выходом центра из правительственной коалиции в случае осуществления проэкта, а заявление фракции центра в ландтаге объявляет «борьбу всеми законными средствами» против учреждения академии, если проэкт будет принят ландтагом. Это же заявление возвещает и борьбу в дальнейшем против совместной для католиков и протестантов народной школы.— Проэкт министерства, несмотря на все усилия центра, был 15 декабря все же принят ландтагом (вместе с центром против проэкта голосовали крайне-правые фракции). Главный орган центра — берлинская газета «Германия» на следующий же день поместила статью, в которой выразила надежду, что центру удастся

— «предотвратить опасность» в течение срока, который неизбежно в силу технических условий должен пройти до момента открытия академии. — Поведение центра в Пруссии приобретает тем более характер наступления на общевероисповедную школу, что напр. в Бадене, где центр играет руководящую роль в правительстве, совместная для обоих исповеданий школа — народная и специальная — не встречала в своем развитии противодействия со стороны центра и хорошо посещалась как протестантами, так и католиками. («Frankf. Zeit.»). (ч)

= К реформе правового положения внебрачных детей в Германии. Как известно, ст. 121 новой (т. н. Веймарской) конституции Германии предусматривает установление для внебрачных детей одинаковых с детьми, родившимися в браке, условий физического, духовного и общественного развития. В настоящее время опубликован обширный проэкт изменений соответствующей части Германского Гражданского Уложения (Entwurf eines Gesetzes über die unehelichen Kinder und die Annahme an Kindes Statt. Reichsratdrucksache Nr. 108).

Проэкт этот создает для внебрачного ребенка по отношению к матери и ее родственникам правовое положение брачного ребенка (die rechtliche Stellung eines ehelichen Kindes). Отец внебрачного ребенка обязан содержать его до 16-ти лет, при чем размер содержания ставится в зависимость не только от условий жизни матери, но и от имущественного положения отца. Понятие содержания обнимает, кроме удовлетворения основных жизненных потребностей, также обеспечение воспитания и подготовки к профессиональной работе. В ряде случаев (напр., при физической или духовной дефективности юного лица, при невозможности самостоятельно содержать себя без вины с его стороны) обязанность содержания продолжается и по достижении юными лицом 16-летнего возраста. (м)

= Охрана молодежи от непристойной литературы. В германский рейхстаг внесен законопроэкт об охране молодежи от непристойной и порнографической литературы (Entwurf eines Gesetzes zur Bewahrung der Jugend vor Schund- und Schmutzschriften). Определения понятия непристойной литературы этот проэкт не дает. Он предусматривает создание особого органа (Prüfungsstelle), под председательством специального должностного лица и при участии представителей искусства, литературы, книготорговли, органов попечения о детях и школьного ведомства. Произведения, признанные непристойными, не должны быть выставляемы в витринах и не могут быть продаваемы или бесплатно предоставляемы молодым людям до 18 лет (м)

Франция.

= Борьба за единую школу во Франции начинает принимать довольно напряженный характер и становится постепенно злобой дня. К вопросу о единой школе привлечено внимание не только педагогических, ученых, политических кругов, но и просто широкой публики, верным показателем чего служит появление в газетах многочисленных статей о единой школе. Так как, по свидетельству известного педагога г. Ляпи, французское общество сравнительно мало интересуется педагогическими вопросами, то газетная полемика очевидно служит выражением пробудившегося интереса в данном отношении.

В какой же плоскости ставится вопрос о единой школе? Ясную постановку его дает психолог д-р Тулуз, автор книги «Техника экспериментальной психологии». Он говорит не об единой школе, а о «равенстве детей перед образованием». Он проповедует о необходимости уничтожения двух сортов образования, создающих две различные касты: народную и привилегированную. Вследствие современной организации образования, доступ к которому определяет экономическое благосостояние, много дельных умов не могут попасть в лицеи, а между тем государство, несущее расходы по школе и осуществляющее свой контроль, имеет право требовать от школы подготовки к жизни наилучших работников, наиболее способных детей с максимум. работоспособности. И рабочие и буржуа должны разобраться в политических софизмах и правильно оценивать всю сложность жизни. Нельзя

же в самом деле давать народу только низшее образование под тем предлогом, что оно для него достаточно. Так как очевидно, что вся масса учеников начальной школы не может быть простым декретом введена в средние школы, то д-р Тулуз предлагает за счет государства обеспечить образование всем способным детям. Для этого доступ в *государственные* лицеи должен быть открыт лишь одаренным детям, независимо от их материального положения, т. е. должен быть произведен естественный отбор лучших элементов. Дети с меньшими способностями могут учиться за свой счет в частных учебных заведениях. Чтобы государство по вине родителей не теряло одаренных детей д-р Тулуз предлагает обязательно требовать явки всех детей, оканчивающих школу, на вступительные экзамены в среднюю школу. Ничто, ни воля родителей, ни уклонение ребенка, не должно мешать осуществлению этой государственной необходимости и этой образовательной повинности. Что принцип обязательности обучения очень часто нарушается родителями под влиянием тягостей жизни, это можно видеть не только по статистическим данным, указывающим на грозный рост школьного абсентеизма, но и из постоянных протестов недавно создавшегося синдиката учителей по начальному образованию против неприменения законов об обязательности образования.

Вопрос об единой школе рассматривала также и Лига Прав Человека на своем ноябрьском съезде в Ля-Рошели. Престарелый президент лиги Фердинанд Бюиссон, чуть ли не один из творцов школьной реформы 1881 г., положившей резкую грань между школой наполеоновской монархии и III республики, представил краткий исторический очерк развития идеи об единой школе во Франции. После неосуществленных идей великого Кондорсе, сентиментальная идея о сближении детей различных сословий и классов на одних и тех же школьных скамьях защищалась Мишле. Жорес в своих «социалистических этюдах», стремясь к улучшению «республиканской» морали, видел в равенстве образования возможность наделить всех детей одинаковыми правами, предоставив им тем самым равную возможность использования этих прав. Принцип Кондорсе о бесплатности образования осуществлен третьей республикой; вторая же идея его о равенстве образования еще ждет своей реализации. Поэтому Ф. Бюиссон, под общие аплодисменты всей залы, предлагает Лиге ввести в программу своей пропаганды идею единой школы. Представленная резолюция вызвала интересные дебаты, логически развивающие начертанные проэкты: напр. предложение сенского делегата Кайо о подчинении контролю инспекторов народного образования приготовительных классов лицеев, ныне ничем не отличающихся по программе от начальных школ; и другая поправка депутата Baylet (при почти общем сочувствии съезда) о полной бесплатности всего обучения. Проф. А. Олар беспокоился о возможном извращении принципа единой школы тем обстоятельством, что многие буржуазные семейства не любят воспитывать своих детей с детьми пролетариата. Они отдают их в частные учебные заведения. При сохранении двойственности образования единая школа будет нарушена. Отрицая монополию на образование со стороны государства в наполеоновском духе, как неясное и двусмысленное понятие, проф. Олар заменил его не менее неопределенной концепцией о «национализации образования». В заключение было принято крайне важное решение Э. Кана об одинаковом педагогическом образовании учителей всех ступеней школы.

Интересно отметить, каким же образом отражаются в жизни все эти теоретические рассуждения и резолюции. Некоторый ответ на это дают двухдневные *дебаты в Палате Депутатов* при обсуждении бюджета Мин. Н. Пр., 15—16 декабря 1925 г. Идея единой школы была подвергнута аттаке со стороны клерикалов и правых групп парламента. Депутат Груссо смешивал идею единой школы с монополиею государства на образование и считал право родителей распоряжаться своими детьми выше и священнее права ребенка на образование, так как все государство основано на семье. После горячих прений, в которых принимал горячее участие и министр Нар. Пр.

Даладье, выяснилось, что осуществление единой школы еще вопрос далекого будущего. Принимаемые подготовительные меры не вполне энергичны, и увеличение количества стипендий несоразмерно мало в сравнении с потребностями страны. Коммунист Бару даже заявил, что Франция удаляется от единой школы, а не приближается к ней. Любопытно обратить внимание на один момент этого обсуждения, не имеющий прямого отношения к вопросу об единой школе, но могущий быть связанным с ней, при некотором углублении в эту тему. Этот момент — протест депутата Треминтена христианско-демократической группы против циркуляра бывшего М. И. П. де-Монзи, запретившего употребление областных и провинциальных наречей в преподавании. Треминтен требовал обучения на двух языках там, где это нужно по составу и разноплеменности состава населения. Это предложение натолкнулось на определенный (formel) отказ М. Н. П. Даладье. Этот циркуляр де-Монзи интересно сопоставить с реформой фашистского министра-философа Д. Джентиле, основывающего преподавание литературного итальянского языка на местных наречиях, а также с книгой французского преподавателя Оруза «Южный Ренессанс», который также на основании тонкого анализа процесса обучения настаивает на идее изучения французского языка, исходя из местных наречий.

Журнальная пресса также комментирует идею единой школы. Так журнал «Защита светской школы» (2-ой год издания, 1926) посвятил ей специальный номер (октябрь); а La Fraternité Universitaire устроило даже особую анкету: «Как организовать единую школу». Сводка различных мнений позволила сделать такие заключения:

1. Надо дать всем детям, желающим поступать в средние учебные заведения, одинаковые дипломы по окончании начального образования. Тогда проблема о взаимоотношениях приготовительных классов в лицеях и колледжах с начальной школой будет легко решена, и вопрос о монополии в образовании не будет иметь места. Равенство знания, приобретенное при начале прохождения среднего образования, разрешит все существующие трудности в этом отношении.

2. Само среднее образование должно заключать в себе два последовательных этапа. Первый должен был бы соответствовать образованию высших начальных школ и первому циклу предметов в лицеях; второй этап — второму циклу лицеев, колледжей и педагогических школ. Таким образом мог бы исчезнуть дуализм, констатируемый в лицеях, и несогласованность между высшим начальным образованием и лицеями.

Актуальность вопроса о единой школе ярко подтверждается тем большим циклом лекций, который устраивает сейчас (январь—март), Школа Высших Социальных Наук в Париже под руководством Гюи-Гранда, главного секретаря Философской Школы (L'École de Philosophie). Приводимая ниже программа и имена лиц, читающих лекции, говорят о важности, придаваемой всестороннему освещению этой темы:

1. Фердинанд Бюиссон, быв. дир. по нар. образ., и Поль Фоконне, проф. литературы в Парижском Университете. — Единая школа и французская демократия.

2. Ж. Фонтень, помощ. секретаря по технич. образованию. — Ориентация и отбор.

3. А. Ломон, инсп. по народ. образ. в Париже. Единая школа и начальное образование.

4. Леон Берар, быв. М. Н. Пр. — Единая школа и среднее образование.

5. Поль Ланжевен, проф. Коллежа Франции. — Единая школа и высшее образование.

6. Л. Гай, директ. нормальной школы в Отене. — Единая школа и нормальные школы.

7. Леон Бруневич, член Института и проф. литературы в Парижском Университете. — Единая школа и министерство национального образования.

8. Гюи-Гранд. — Единая школа и национальное многообразие.

9. Густав Бэло, глав. инспектор народного просвещения. — Демократия и образование.

Все эти факты убеждают нас в существовании огромного сдвига во французском общественном мнении в отношении к единой школе, до сих

пор не пользовавшейся особыми симпатиями французского педагогического мира. (п)

Чехословакия.

= III съезд по изучению ребенка в Праге. В последних числах октября и первых числах ноября (с 30 октября по 2 ноября) в Праге состоится третий съезд, посвященый изучению ребенка. Почин в деле созыва съезда принадлежит Педагогическому обществу имени Коменского, Обществу изучения ребенка в Брне и Обществу попечения о слабоумных, а также высшим педагогическим школам в Праге и Брне. В состав организационного комитета входят: инспектор I. Земан, проф. I. Кубале, допент др. К. Герферт, проф. др. Е. Бабак, доцент др. Я. Угер, директор I. Бартонь и др. Ц. Стейскал (генеральный секретарь; адрес: Смихов, 1138). Организационный комитет стремится объединить на съезде всех чехословацких научных деятелей — психологов и педагогов, врачей и социальных работников, из которых каждый со своей точки зрения осветил бы главную тему программы съезда: Основы активной школы (Základy činné školy). Число докладчиков уже в настоящее время столь значительно, что съезд предполагается разделить на секции. Наряду с педагогическо-психологической и биологическо-врачебной будет работать также особая секция по вопросам детской дефективности. Последняя секция будет продолжать успешно начатую еще до войны работу предшествующих съездов по вопросу о попечении над слабоумными детьми. Новшеством явится включение в программу секции также вопросов о детях слепых, глухонемых и морально-дефективных. При съезде предполагается организация выставки, также разделенной на три отдела. (м)

= Борьба с туберкулезом в школах Праги. По сообщению чешской печати борьба с туберкулезом среди детей школьного возраста в Праге идет успешно. В ближайшее время предполагается, однако, осуществить дальнейшие широко поставленные мероприятия предупредительного и врачебного характера. С этой целью в ближайшее время все дети пражских школ будут подвергнуты исследованию согласно новейшим методам, являющимися абсолютно безвредными. Больные дети, особенно те, которые могут распространять заразу, будут обучаться отдельно. Для детей с начальной стадией туберкулеза будут созданы школы в природе, а по мере надобности и с интернатом. Слабым детям беднейшего населения будет ежедневно бесплатно выдаваться молоко. Тем из них, которые страдают искривлением позвоночника, будет обеспечено бесплатное ортопедическое лечение. Кроме того, намечается устройство специальных летних колоний, солнечных ванн и т. п. (м)

Югославия.

= Просветительн. программа Степана Радича. 18 ноября 1925 года министром народного просвещения в Королевстве С. Х. С. назначен Степан Радич, заменивший на этом посту вышедшего в отставку министра Вукичевича.

В своем первом сообщении представителям печати новый министр следующим образом охарактеризовал свою программу «Прежде всего, — сказал министр, — необходимо деполитизировать дело просвещения. Народное просвещение должно вдохновляться великой национальной идеей, которая создала наше государство, а не партийной политикой каждого дня. Первая моя забота заключается в том, чтобы школьная молодежь не входила ни в какие организации. Нам необходимы школы, из которых выходили бы квалифицированные деятели, мы должны взять в этом смысле за образец Англию, а не Францию и Германию. Предпосылкой для этого является широкое местное самоуправление, которым должны пользоваться и сельские общины. Министерство будет оказывать школам содействие и помощь, но главная задача лежит на органах самоуправления. В области высшего образования следует обратить особое внимание на усиление на ряду с лекциями также занятий семинарского типа». Из дальнейших сообщений явствует, что новый министр народного просвещения имеет в виду возбудить вопрос о сокращении числа факультетов в отдельных югославянских университетах. По этому вопросу предполагается созвать совещание представителей высших школ в Загребе.

В своей беседе с представителями немецкой и венгерской печати Ст. Радич коснулся вопроса о своей просветительной политике в отношении национальных меньшинств. «Просветительная политика нашего государства в этом смысле находится в согласии с международными договорами. Решающим здесь должен быть культурный момент. Языком обучения будет материнский язык. Наши отношения с Австрией превосходны, отношения с Венгрией развиваются нормально. В нашу задачу не входит денационализация народных меньшинств, ибо наше государство из населения в 11½ миллионов имеет свыше 10 миллионов славян». (м)

= Мин. Нар. Просвещ. Ст. Радич принял представителей Югославянского Учительского Союза, которые, изъявив ему устно свои пожелания, передали следующее заявление: Союз Югославянских Учителей на своих главных съездах в Белграде, Загребе, Сараеве, Любляне, Дубровнике и Суботице вынес единогласно следующее постановление:

Необходимо в возможно кратчайший срок выработать закон о начальных школах, действительный для всех областей. Новый закон должен удовлетворить следующим требованиям: а) единая школа (единство преподавания и программ) во всем государстве; б) обеспечение содержания начальных школ и открытие новых; в) обязательность обучения в начальных школах; г) обязательность посещения школы детьми; д) правовая и моральная охрана свободы личности преподавателя; е) право областной и уездной инспекции должно принадлежать исключительно учителям. Должность инспектора должна быть постоянной, как и учительская, и носить характер не политическо-партийный, а педагогически-административный. (мч)

= Согласно §16 Конституции, мин. нар. просв. было постановлено введение первоначального обучения на областном наречии. Постановление министра гласит: 1) Во всех общественных начальных школах преподавание происходит на правительственном языке. 2) При наличии более 30 учеников другой национальности для них открываются параллельные классы, в которых в течение первых четырех лет преподавание ведется на их материнском языке, за исключением уроков, способствующих развитию национального чувства. (мч)

Международные съезды и организации.

= Международный съезд библиотекарей. С 28 июня по 3 июля 1926 г. состоится в Праге международный съезд библиотекарей и друзей книги. При съезде будет организована выставка, посвященная книжному и библиотечному делу. Во время съезда предполагается двухдневная экскурсия. Наиболее важные рефераты и дискуссия — целиком или в частях — будут излагаться на английском, французском, немецком, русском, польском и сербско-хорватском языках. Членский взнос определен в 100 ч. к. — Всю корреспонденцию, касающуюся съезда, следует направлять по адресу генерального секретариата международного съезда библиотекарей и друзей книги — Прага I, № 79. (с)

= Съезд по моральному воспитанию. В Риме состоится в апреле с. г. Съезд по вопросам морального воспитания. Педагогическое Бюро делегирует на Съезд в качестве представителей русской зарубежной школы тов. предс. Педагогическ. Бюро А. В. Жекулину и члена Бюро Е. П. Ковалевского. (г)

= Правовая охрана детей иностранцев. В дополнение к заметке о первом конгрессе о ребенке (Женева, 24—28 августа 1925 г., см. «Русская школа за рубежом», 1925 г. № 15—16, стр. 416) приводим часть резолюции конгресса касающейся правового положения детей иностранцев и имеющей практическое значение в частности для судеб детей русских эмигрантов: «До создания международной системы помощи детям конгресс предлагает создать международный фонд для оказания помощи детям иностранцев в исключительных случаях. Конгресс рекомендует частным обществам попечения о детях взять на себя почин в отношении правительств и подготовить общественное мнение к идее бескорыстной международной помощи, *не проводя никакого различия между детьми, которым оказывается помощь* («en n'établissant au-

cune distinction entre les enfants qu'elles assistent»). Равным образом он рекомендует публичным властям оказывать содействие частным обществам в деле попечения о детях иностранцев». («Vox pupulorum». Organe politique international. № 23. Novembre. 1925). (м)

Зарубежная хроника.

= Общежитие для русских детей в Париже. Как сообщают «Последние Новости» (1926 г., № 1775), при «Попечительстве о русских детях во Франции» организовался особый комитет для открытия в Париже пансиона-общежития для русских мальчиков. Комитет находится под почетным председательством митр. Евлогия, и в состав правления вошли: гр. М. Н. Граббе, Н. В. Плевицкая, о. Георгий Спасский, П. А. Половцев, Ф. О. Елиашевич, Н. В. Скоблин и Н. П. Булюбаш. Многим русским учащимся-мальчикам приходится ютиться в ночлежках, в гаражах, в неотапливаемых помещениях; готовить уроки в метро; жить впроголодь, добывая себе пропитание ночными работами после классных занятий. На устройство пансиона-общежития для лишенных крова мальчиков уже приступлено к сбору пожертвований, и некоторые суммы уже начали поступать в распоряжение Комитета. (м)

= В марте с. г. в Париже состоялось открытие Франко-русского института социальных и политических наук. Это — высшее учебное заведение с систематическим двухлетним курсом, испытаниями и зачетами. По окончании его, действительные студенты (т. е. имеющие среднее образование) получат диплом. Организационный комитет состоит из русских и французских профессоров. В Правление Института входят: председ. Гастон Жез, вице-председатели А. Олар и П. Н. Милюков, члены: П. Лапи, Л. Эйзенманн, П. Буайе, Э. Фурноль, Сибер, Патуйе, Ренар, Уалид, П. П. Гронский, Г. Д. Гурвич, И. Н. Ефремов, А. П. Марков, Б. С. Миркин-Гецевич и Б. Е. Шацкий.

В текущем году открывается первый курс, на котором будут читаться следующие основные курсы: П. Н. Милюков — История России от Петра Великого; П. П. Гронский и М. В. Вишняк — Европа в новейшее время; А. М. Кулишер — Основы современного государства и политические партии; Б. Е. Шацкий — Сравнительное конституционное право; Б. С. Миркин-Гецевич и Н. С. Тимашев — Основы советского публичного права; Г. Д. Гурвич — История политических учений в новое время; А. П. Марков — Основы политической экономии; С. О. Загорский, С. Н. Прокопович, А. М. Михельсон и А. П. Марков — Хозяйственный строй современной России; М. И. Догель — Международное право. Специальные курсы: ген. Ю. Н. Данилов — Вопросы обороны в современном государстве — эпоха Мировой Войны; И. М. Хорасков — История Европы в первой половине XIX века; А. П. Марков — Экономическая география. Эпизодические курсы (на русском языке): Н. О. Лосский — Религия и демократия; И. Н. Ефремов — Международное посредничество и международный арбитраж; И. И. Лапшин — Социальная психология; С. И. Гессен — Проблема правового социализма; Н. С. Тимашев — Проблема независимости суда; А. В. Маклецов — Проблема охраны детства; А. Боголепов — Власть на местах в СССР; Д. М. Одинец — Всеобщее обучение в России; В. А. Мякотин — История взаимоотношений России и Украины; на французском языке будут читать: Г. Жез, А. Олар, А. Эйзенманн, П. Буйе, Сибер и др.

Основные курсы второго года: П. Н. Милюков — История России XIX и XX века; А. П. Марков и А. М. Михельсон — Финансы; С. О. Загорский — Рабочий вопрос; П. П. Гронский и А. М. Кулишер — Управление и административные органы в современной демократии; А. В. Маклецов и Н. С. Тимашев — Советское гражданское и уголовное право; М. И. Догель, А. М. Кулишер и Б. С. Миркин-Гецевич — Развитие международного права после войны; М. В. Вишняк, С. И. Гессен, Г. Д. Гурвич, С. О. Загорский и И. М. Хорасков — История социальных и политических учений в XIX и XX веках; С. О. Загорский, А. П. Марков и А. Михельсон — Статистика; А. В. Маклецов и Н. С. Тимашев — Основы уголовного права

и уголовной политики и др. Специальные курсы второго года: ген. Ю. Н. Данилов — Вопросы обороны в современном государстве — после Мировой Войны; Д. М. Одинец — История народного образования в России, начиная со второй половины XIX в. и др.

Институт будет помещаться на рю Ломон 44. Пока еще не открыта канцелярия Института, за справками обращаться письменно к П. Н. Милюкову, «Dernières Nouvelles», 26 rue Buffault, Paris IX или к А. П. Маркову, редакция «Дней» — 11 rue Etienne Marcel, prolongé, Paris. Помимо чисто педагогической деятельности, Франко-Русский Институт будет вести и ученую работу в виде докладов, изданий и т. п. (к)

= В Белграде представительством Вс. Союз. Город. в Кор. С. Х. С. при содействии Акад. Группы, О-ва агрономов, ветеринаров и лесоводов, Русско-Сербского Медиц. О-ва и Союза инж. открыт Русский Народний Университет. В январе и феврале этого года в нем были прочитаны след. лекции: проф. Погодин — Начало русского государства, славянство и его отношение к России; Л. М. Сухотин. — Немец — опричник Грозного, Народные движения 1608—1612 г.; проф. Доброклонский. — Религиозно-моральный кризис Римской империи на заре христианства, Юлан Отступник; проф. М. Георгиевский. — Христианство и социализм, Кризис еврейской мысли (вопрос о бессмертии и воздаянии), Торжество христианской легенды в истории; проф. Соловьев. — Сербское царство в XIV в.; проф. И. Малинин. — В подвалах человеческой души (психол. скрытых душевных процессов); А. Ю. Венгер. — Трудности осуществления системы Дауса; проф. Троицкий. — Цель брака; проф. Свищев. — Земной шар; проф. Тарановский. — Право и нравственность; проф. Соловьев. — Русские в Далмации в XVIII и XIX вв.; проф. Марков. — Практические вопросы из области паразитологии животного и человека; проф. Конев. — Роль микробов в плодородии земли. — Чтение лекций производится в новом здании Белградского У-та. (г)

= День русской культуры Начата подготовка работ по устройству «Дня русской культуры» в 1926 г. Специально изданное обращение «О праздновании Дня Русской Культуры в 1926 г.» подписано следующими организациями: Правление Союза Русских Академических Организаций Заграницей, Объединение Русских Учительских Организаций Заграницей, Объединение Русских Эмигрантских Студенческих Организаций (О. Р. Э. С. О.), Российский Земско-Городской Комитет Помощи Российским Гражданам Заграницей (Парижский «Земгор»), Педагогическое Бюро по делам средней и низшей русской школы заграницей. В Праге организацией «Д. Р. К.» ведает особый Комитет, в президиум которого входят: гр. С. В. Панина (Председатель), В. Г. Полшина-Чирикова, Н. И. Астров и проф. М. М. Новиков (тов. предс.), кн. Петр Д. Долгоруков (казначей), И. Н. Заволоко (секретарь). (г)

= 21-го с. марта исполнилось пять лет со дня основания Русской Гимназии в Салониках. Гимназия была основана организовавшимся среди размещенных в лагере (б. французские бараки) русских беженцев Попечительным Советом, во главе с женой коменданта лагеря И. А. Томиловой и избранным Советом директором школы С. В. Зубаревым. Благодаря энергичной деятельности Совета, благожелательному содействию греческого правительства, помощи русской колонии и некоторых иностранных организаций (французского консорциума и др.) удалось открыть учебное заведение по типу гимназии, в основу которого были положены Игнатьевские программы 1912 года. Вначале были открыты четыре класса — младший приготовительный, старший, I и II классы. Через несколько месяцев явилась необходимость организовать V, а также открыть при гимназии Детский Сад. Всех учащихся, за исключением Сада, было 56 человек — 27 мальчиков и 29 девочек. В Детском Саду было 10 детей. Большинство — дети военных и чиновников. Преподав. персонал состоял вначале из 8 человек, из которых несколько были с высшим специальным образованием и почти все с продолжительным педагог. стажем. — Через год после открытия гимназии яви-

лась необходимость организовать для молодых людей, нуждавшихся в законченном среднем образовании, VII класс. Выпуск их в количестве 5 человек состоялся в августе 1923 г. В 1925 г. состоялся второй выпуск в количестве 4 лиц. К сожалению, не все окончившие имели возможность уехать в другие страны и поступить в высш. учебн. завед. Часть их принуждена была остаться в Салониках и зарабатывать кусок хлеба физическим трудом. Трудность усвоения современного греческого языка послужила причиной и того, что они не имели возможности поступить в высшие уч. зав. в Афинах, несмотря на доброжелательное отношение Греческого Правительства к детям русских беженцев. — Необходимо заметить, что последние всегда встречали со стороны правительства Греции и греческого общества самое радушное отношение. В течение нескольких лет Правительство выдавало определенный паек всем нетрудоспособным, в том числе, конечно, и детям, предоставляло самую широкую инициативу, совершенно не вмешивалось во внутреннюю жизнь гимназии. Поняв все значение местного языка для детей, которые могут остаться в Греции на долгие годы, Педаг. Совет в 1925 г. ввел в число обязательных предметов и греч. яз., пригласив для преподавания его опытного педагога. — Существуя в 1921 г. на средства, полученные от кружечного сбора и денежную помощь русского митроп. в Америке Платона, гимназия с 1922 г. перешла на содержание Рос. Земско-Городского Комитета в Париже, получая от него и в настоящее время 1500 франков в месяц — сумму, конечно, недостаточную для содержания гимназии. Если бы не постоянная материальная помощь со стороны частных лиц и различных благотворительных обществ и самоотверженная работа педагогического персонала, влачащего нищенское, полуголодное существование, гимназия давно вынуждена была бы закрыться. — Первоначально во главе гимназии стояли две организации: Педагогический и Попечительный Советы, из которых последний ведал исключительно финансовой стороной гимназии. К сожалению, между обеими организациями возникли трения, в результате чего в сент. 1924 г. Попечительный Совет был отстранен, и все стороны жизни гимназии объединились в руках Педагогического Совета. — В ноябре 1924 года, после высзда из Салоник первого директора гимназии С. В. Зубарева, Пед. Совет избрал на его должность преподавателя математики и физики Е. Г. Пащенко, выдающегося специалиста по артиллерии, человека, отдававшего все свои силы и знания русским детям и неутомимо боровшегося за существование маленькой Салоникской гимназии. Однако к великому горю всех детей и всего русского лагеря, Е. Г. неожиданно умер от разрыва сердца 23 ноября 1925 г. В данное время директором гимназии состоит о. И. И. Голоколосов, бывший преподавателем той же гимназии. — В настоящий момент Гимназия состоит из 5 классов (приготовительного, III, IV, VI и VIII-го). Учащихся 37 человек. Педагогического персонала 8 человек. За истекшее время Гимназия имела возможность приобрести от русских заграничных книгоиздательств большой запас учебников по всем предметам и некоторые учебные пособия. Помимо того, она имеет значительную библиотеку, состоящую из русских и иностранных классиков, а также книг научного содержания, приобретенных по большой части у греческих беженцев из России. (в)

= 5—7 сего мая в Софии созывается совещание представителей русских школ и групп О-ва русских педагогов в Болгарии. Совещание организуется О-вом р. п. в Болгарии совместно с представительством Всеросс. Союза Городов. В программу занятий входит: 1) вопросы преподавания русского языка (меры к более успешному усвоению правописания и к развитию устн. и письм. речи, вопрос о препод. церк.-слав. яз. в IV кл., теория словесн. и ее место в программе преподавания русск. яз. вообще, вопрос о преподавании литературы — история лит. или поэтика, вопрос об учебн. и хрестом.); 2) географии (вопрос об улучшении препод. геогр. вообще и России в особ. в связи с задачами русск. нац. заруб. школы, изучение географии Болгарии, учебн. и пособия); 3) истории (перераспределение

истор. материала и изменения методов преподавания в связи с задач. заруб. школы, учебн. и пособия); 4) Закона Божьего; 5) борьба с денационализацией русских детей в эмиграции (вопрос внеклассного воздействия на учащихся, вопрос об ознакомлении учащихся с историей и памятниками русск. искусства, день русской культуры, образование в учебн. зав. музеев). (г)

= В марте с. г. исполняется 40 лет литературно-общественной деятельности Николая Александровича Рубакина, с именем которого связана целая славная полоса русского общественного педагогического движения. Капитальные труды Н. А. «Этюды о русской читающей публике» (1895), «Среди книг» (2-ое изд. 1906 г.), «Письма к читателям о самообразовании» (1913 г., 3-е изд. 1923 г.) надолго определили собою общий характер русского библиотечного дела. Серия составленных им популярных книжек для народного чтения (по вопросам естествознания и истории науки) до сих пор является любимым чтением широких читательских масс. Пребывая с 1907 г. за-границей (в Лозанне), Н. А. последние годы посвятил работам по библио-психологии, доставившим ему широкую известность среди иностранных психологов и педагогов. С 1916 г. Н. А. состоит директором секции библиологической психологии Межд. Библиогр. Института в Брюсселе, одновременно работая над окончанием обширного труда по библио-психологии. Откладывая подробную характеристику деятельности Н. А. до следующей (первой за 1926 г.) книжки, редакция горячо приветствует юбиляра. Да не изменят ему на долгие годы еще его исключительная работоспособность и отличавшая его всегда душевная молодость. (г)

Книги, поступившие в редакцию.

а) *для отзыва:*

ЮНЫЙ ЧИТАТЕЛЬ. Иллюстрир. двухнедѣльный журналъ для семьи и юношества. Подъ ред. *Л. Кормчаго*. № 5. Мартъ 1926. Стр. 175—210. — Рига, изд-во «Саламандра».

CHARLES BALLY. Le langage et la vie. Paris, chez Payot. 1926. — Стр. 236. — Цена 20 фр.

Л. П. ЛОЙКО. *Школы взрослых повышенного типа. Задачи, положение, работа, перспективы.* — Главполитпросвет. Госуд. изд-во. 1926 (тираж 5.600). — Стр. 102. — Цена 80 коп.

Проф. Д. Н. УШАКОВ, А. М. СМИРНОВА и Н. Н. ЩЕПЕТОВА. *Учебная книга по русскому языку. Грамматика и правописание.* Ч. II для третьего и дальнейших годов обучения. Госуд. изд-во. 1926 (тираж 20.000). — Стр. 241. — Цена 1 р. 50 к.

А. А. ШАХМАТОВ. *Очерк современного русского литературного языка.* Госуд. изд-во. 1925. (Тираж 2.000). — Стр. 211. — Цена 3 р.

А. А. ШАХМАТОВ. *Синтаксис русского языка.* Вып. I. *Учение о предложении и о словосочетаниях.* Издание Академии Наук. Ленинград. 1925. (Тираж 1.000). — Стр. XVIII + 441. — Цена 10 р. 50 к.

Дешевая иллюстрированная детская библиотека на немецком, французском и английском языках из произведений мировой литературы, под ред. г-жи *Helen Schen-Riesz*. — Sesam-Verlag. Wien I., Wallftschgasse 10. (Всего вышло свыше 300 книжечек, каждая около 40—50 страниц):

1° Gedichte Goethes. 2° Prinzessin Sonnenschein von Elizab. Rona. 3° Dreissig deutsche Volkssagen v. Gebrüder Grimm. 4° Oesterreichsche Volksmärchen, bearbeitet v. H. Schen-Riesz I u. II. 5° Bergkristall v. Adalb. Stifter. 6° Schweizer Sagen, bearb. v. Hans Zahler. 7° Russische Volksmärchen v. Eugen Weller. 8° Estnische Volksmärchen, bearb. v. Hans Sauer. 9° Drei Märchenspiele v. Schen-Riesz. 10° Pechvogel und Glückskind

v. R. Volkmann-Leander. 11° Ein Instiges Buch v H. Fraungruber. 12° Wiener Kinder in der Schweiz v. Margit Ernst. 13° Der neue Paris v. Goethe. 14° Das Jahr im Bild. Verse von Schen-Riesz, Scherenschnitte v. Hans Mandl. 15° Frohe Wanderschaft. Lieder v. Erika Spann-Rheinsch. 16° Der Teufel und sein Lehrzunge und andere serbischen Volksmärchen erzählt v. Schen-Riesz. 17° Schiller. Dichtungen. 18° Uhland. Lieder und Gedichte. 19° Hans im Glück und andere Volksmärchen. 20° Englische Kinderreime ins deutsch übertragen v. Schen-Riesz. 21° E. Mörike. Lieder und Gedichte. 22° Kung-Fu-Tze (Konfuzius). 50 Sprüche. 23° L.-N. Hodgkin. Plumes guerrieres. 24° Lèon Tolstoï. Deux légendes. 25° Souvenirs d'enfance des grands ecrivains: Chateaubriand, Edgar Quinet. 26° Alice in Wonderland by Lewis Carroll. 27° A Child's Book of the Bee by Maurice Maeterlink. 28° The Yawning Princess by H. Schen-Riesz. 29° The Christ-Child's Christmas-Dream by H. Schen-Riesz. 30° Nursery Rhymes. Музыкальные сборники: 31° Liebe und Leid; 32° Weihnacht. 33° Lieder der Freiheit. 34° Sonntag im Dorf. Verse v. H. Schen-Riesz. Bilder v. Helmuth Stanzel (Schülers Professor Cizek's, — Jugendklasse an der Kunstgewerheschule in Wien).

L'EDUCATION PACIFISTE. Courrier pedagogique universel (trimestrielle). Organe officiel de l'Ecole de la Paix, du pacifisme intégral et du «Rapprochement pédagogique Franco-Allemand». Directeur: Horace Thivet. Paris. № 1 (janvier 1926). Стр. 16. Ц. 5 фр. в год и 1 фр. 50 за №.

THE WORLD ASSOCIATION FOR ADULT EDUCATION. Bulletin XXVI et XXVII. (November 1925 and February 1926). Стр. 24, стр. 32. Цена 1 шилл. за №.

OTOKAR KÁDNER, prof. Základy obecné pedagogiky. Díl I a II. Praha. Nákladem České grafické Unie. 1925. Стр. VIII+471+448. Цена 50 kč. за том.

ZEITSCHRIFT FÜR DIE BEHANDLUNG SCHWACHSINNIGER, herausg. v. R. Gürtler und Dr. Meltzer. 45 Jahrg. № 10 (Oktober 1925). Halle.

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ. Труды Ов-а для изучения городского самоуправления в Чехосл. респ. — Вып. III. Прага. 1926. Стр. 345.

б) в обмен поступило:

АСЬВЕТА. Часопісь Нар. Кам. Асьветы і Саюзу прац. асьветы Б. С. С. Р. Менск. № 7 (10) 1925 г. и № 1, 1926 г.

ВОПРОСЫ ШКОЛЬНОЙ ЖИЗНИ. Изд. Союза учителей К. В. ж. д. Харбин. № 2 (май) 1925 г.

PEDAGOGICKÉ ROZHLEDY. Vydávají Československ. obec učitelská a Dědictví Komenského v Praze. Ročník XXXVI (1926). Seš. 1—2 (led.—únor).

SLOVANSKÝ PŘEHLED. Red. A. Černý. Ročník XVIII (1926). číslo 1, 2 a 3—4 (leden, únor a březen—duben).

L'INTERMÉDIAIRE DES ÉDUCATEURS. Institut J. J. Rousseau. Réd. M. Pierre Bovet. Genève. № 109 (Déc. 1925).

СЛАВЯНСКАЯ КНИГА, ред. Ф. Мансветов. Прага. Изд. «Пламя» Янв., февр. 1926.

Сдано в печать 1 марта 1926. Отв. ред. К. И. Шульц — Изд. Объединения Российских Земских и Городских Деятелей в Чехословакии. — Печатается в типографии «Легиография» в Праге.

Открыта подписка на 1926-27 год.
4-ый год издания.

РУССКАЯ ШКОЛА ЗА РУБЕЖОМ

педагогический журнал, выходящий в Праге
под редакцией проф. С. И. Гессена,
пр. доц. С. И. Карцевского и В. А. Ригана.

Журнал ставит своей целью — освещать жизнь русской школы в эмиграции, в России и в лимитрофных государствах, следить за новейшими течениями педагогики Зап. Европы и Америки; особое внимание уделяется школе славянских народов. В журнале имеются следующие постоянные отделы: 1) общая педагогика, 2) народное просвещение в СССР, 3) русская зарубежная школа, 4) народное просвещение в Зап. Европе и Америке, 5) вопросы методики, 6) библиография, 7) обзор педагогических журналов (русских и иностранных), 8) книги для чтения детей и юношества, 9) методики и учебники, 10) хроника (советская, зарубежная, иностранная).

До сего времени вышло 18 книжек, образующих три тома свыше 700 стр. каждый.

В вышедших трех томах журнала поместили статьи следующие авторы:

Русские: Айтис, проф. Евг. В. Аничков, пр.-дц. С. С. Безобразов, А. Л. Бем, П. Г. Богатырев, С. Булгаков, Е. Варшавер. Н. А. Ганц. И. Геллер. проф. А .М. Георгиевский, д-р В. В. Гомолицкий, В. Т. Гонтарь, проф. А. Д. Григорьев. А. Громбах, Г. Данилов, Наталья Деддингтон-Эртель. проф. Э. Диль, кн. Петр Д. Долгоруков, В. А. Евреинов, Е. А. Елачич, А. В. Елчанинов, А. В. Жекулина, проф. В. В. Зеньковский. доц. К. И. Иванов. А. Камнев, д-р Е. Е. Карцевская. проф. А. А. Кизеветтер, Н. Н. Кнорринг, П. В. Кротков, П. Крымский. проф. И. И. Лапшин, В. М. Левитский, В. С. Левицкий, М. Лопуховский, А. Ю. Макарова, проф. А. В. Маклецов, проф. П. Н. Милюков, П. Митропан, проф. Н. М. Могилянский, проф. В. А. Мякотин. проф. М. М. Новиков, Б. Никольский. Н. Ф. Новожилов. С. П. Орлов, проф. С. А. Острогорский. А. Т. Павлов. Н. А. Парманин, В. Еремиловский, Б. Плаксин, А. А. Поляков, А. Ф. Поляков, П. Прокофьев, Владимир Розенберг, В. В. Руднев, Ст. Сероплко. проф. Д. М. Сокольцов, К. Солнцев, проф. В. В. Стратонов. Вл. Тукалевский, Михаил Хрисогонов. доц. Чижевский, В. Шапиловский и др.

Иностранные: проф. Charles Bally (Женева), Jean Dupertuis (Швейцария). д-р W. Flitner (Иена), доц. д-р М. Герасков (София). д-р J. Hostovský (Прага), prof. J. Hendrich (Прага), prof. O. Kádner (Прага), Ida Koritchoner (Лондон), Милан М. Майстрович (Сербия), Arture Manfre (Рим). д-р V. Melichar (Прага), д-р Maria Montessori (Рим), A. Očenášek (Прага). Helen Parkhurst (Нью-Йорк), D. Philip (Прага), д-р. K. Veleminský (Прага) и др.

Цена отдельной книжки без пересылки 15 ч. к., двойной 30 ч. к., всего тома — 90 ч. к.

В 1926—27 г. журнал будет выходить по прежнему 6 раз в год книжками по 120 стр. Адрес конторы и редакции: Praha II, Ječná 32, «Plamja». Tchécoslovaquie.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИЖНОГО УКАЗАТЕЛЯ (1-8) И СЛАВЯНСКОЙ КНИГИ (9-12) ЗА 1925 ГОД.

ФЕВРАЛЬ. № 1. От редакции. Книжный указатель. — МАРТ. № 2. Книжный указатель. — АПРЕЛЬ. № 3. Книжный указатель. — МАЙ. № 4. Книжный указатель. — ИЮНЬ. № 5. Книжный указатель. — ИЮЛЬ-АВГУСТ. № 6—7. Книжный указатель. — СЕНТЯБРЬ. № 8. Книжный указатель. — ОКТЯБРЬ. № 9. От редакции. *М. Ц.* Русская зарубежная юридическая литература за 1924—25 гг. *А. Саликовский.* Украинская пресса в прошлом и настоящем. *К. Кочаровский.* Краткий обзор организаций и литературы по краеведению. *Л. Магеровский.* Русская газета революции, гражданской войны и эмиграции. *С. Варшавский.* Библиографические учреждения Праги. Положение о Комитете Славянской библиографии. К юбилею Академии Наук. Хроника. Книжный указатель. Летопись русской зарубежной периодической печати. Объявления. — НОЯБРЬ. № 10. *К. Кочаровский.* Краеведение в Современной России. *Вл. Жилка.* Белорусская литература в XIX ст. *А. Муцюк.* Українська економична література емиграції. *П. Милославский.* Обозор литературы по книговедению в Сов. России 1918—1924. *Д. Лутохин.* Музей русской литературы. Писательская доля. Хроника. Книжный указатель. Літопис Українського періодичного друку по-за межами С. С. С. Р. *П. Вейцман.* Hiersemann — Katalog. Объявления. — ДЕКАБРЬ. № 11. *А. Изюмов.* Литература о декабристах за последние годы. *А. Лотоцкий.* Из истории Украинской книги. *А. Цалыкаты.* Литература кавказской эмиграции. *С. Рапопорт.* Русская печать в Англии. *Вл. Ж.* Янка Купала (К юбилею 20-летней литературной дѣятельности). Союз русских писателей и журналистов в Чехословакии. Хроника. Книжный указатель. Летапіс беларускага пэрыядычнага друку. Объявления. — ЯНВАРЬ. 1926 г. № 12. *Ст. Сіропольско.* О. Х. Саліковський (Некрольог). *С. И. Рапопорт.* Список периодических изданий, вышедших в Англии на русском языке, начиная с 1855 г. Хроника. Книжный указатель. Алфавитный указатель авторов и заглавий книжного указателя за 1925 г. Алфавитный указатель авторов и заглавий, отмеченных в статьях и хронике за 1925 г. Объявления.

Цена комплекта за 1925 год
12 номеров ам. дол. 1.20
С пересылкой ам. дол. 1.25

Цена отдельного № за 1926 год ам. дол. —.15
С пересылкой ам. дол. — 18

Изд. „ПЛАМЯ“

I. ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

	$
Алексеев Н. Н. Основы философии права	0.90
Булгаков Вал. Толстой — моралист	0.17
Введенский А., проф. Философские очерки	0.90
Лапшин И. И., проф. Философия изобретения и изобретение в философии:	
вып. I.	0.75
вып. II.	1.50
„*Логос*“. Международный ежегодник по философии культура. Кн. первая	2.40
Лопатин Л. М.: Лекции по ист. нов. философии	0.80
Лосский Н. О., проф. Сборник задач по логике	0.60
Спекторский Е. В. Христианство и Культура	1.80
Ученые записки. Т. I. вып. I. Философские знания	0.75

II. ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

	$
Бланк Р.: Иуда Искариот в свете истории	0.18
Бицилли П. М. Очерки теории исторической науки	1.80
Вернадский Г. В., проф. Очерк истории права Русского Государства	0.45
Головин Н., ген. Из истории кампании 1914 г. (прилож. 14 карт)	3.60
Дени Э., проф. Возрождение Чехии	0.75
Лаппо И. И., проф. Западная Россия и ее соединение с Польшею	0.60
Мякотин В. А. Очерки социальной истории Украины 17—18 вв., т. I, вып. I	1.50
т. I, вып. II	1.65
т. I, вып. III	1.35
Мельгунов С. П. Дела и люди Александровского времени	1.50
Мельгунов С. П. Первые уроки истории. — Древний Восток	0.90
Нидерле Любор, проф. Быт и культура древних славян	1.50
Нольде Б. Э. Петербургская миссия Бисмарка 1859—1862 гг.	1.65
Платонов С. Ф., акад. Борис Годунов	0.60
Платонов С. Ф., акад. Смутное время	0.60
Платонов С. Ф., акад. Учебник Русской истории, ч. I	0.90
ч. II	0.75
Ученые записки. Т. I, вып. II Исторические и филологические знания	1.05
Шмурло Е. Ф., проф. Введение в русскую историю	0.90

III. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И БЕЛЛЕТРИСТИКА

	$
Аверченко А., Шутка Мецената. Юмористический роман	0.75
Аверченко А. Рассказы циника	0.93
Е. Аничков проф.: Западные литературы и славянство ч. I.	0.45
ч. II	0.75
Бальмонт К. Д. Где мой дом? Очерки	0.36
Бальмонт К. Д. Мое — Ей. (Стихи)	0.40
П. Бицилли проф.: Этюды о русской поэзии	0.7
Гиппиус Зинаида. Живые лица. Вып. I	0.60
Гиппиус Зинаида. Живые лица. Вып. II	0.60
Гончаров И. А. Обрыв, тт. I и II	1.68
Дюгамель: Цивилизация и др. рассказы	0.30
Зайцев Б. Золотой узор. Роман	0.96
„*Ковчег*“, Сборник Союза Русских Писателей и Журналистов в Чехословакии Книга первая	0.75
„*Никодим Павлович Кондаков*“: Сборник статей	0.25
Ляцкий Е. А., проф.: Роман и жизнь. (Биография И. А. Гончарова по нов. дан.)	2.55
Ляцкий Евг.: Тундра, ром. часть I.	0.60
часть II.	0.60

	$
Мережковский Д. С. Тайна трех.	1.20
Мережковский Д. С. Рождение богов. Тутанкамон на Крите. Роман	0.75
Мякотин В. А.: А. С. Пушкин и декабристы	0.18
Ремизов А. М.: Зга. Рассказы .	0.93
Розенберг В. А.: Из истории русской печати	0.75
Русская зарубежная книга. Вып. I-й. Ч. I и II	0.90
Степун Ф. Из писем прапорщика-артиллериста.	0.90
Толстой Л. Л., гр.: В Ясной Поляне	0.17
Тэффи Н.: Вечерний день. Рассказы	0.45
Францев В. А.: Державин у славян	0.90
Форслунд К. Э.: Зунзунг и Зингилла. Романы из жизни животных	0.36
Цалыкаты А.: Брат на брата, роман	0.90
Цветаева Марина. Молодец (Сказка)	0.54
Чапек К.: R. U. K.	0.60
Шмелев И. С.: Неупиваемая чаша и др. рассказы . . .	0.60
Вестфаль Ларисса: В чужой стороне... (стихи)	0.30
Гаршич В.: Надежда Николаевна	0.24
Гоголь Н. В.: Страшная месть .	0.12

	$
Достоевский Ф. Неточка Незванова. (Распродано) . . .	0.30
Каррик В. Сказки-картинки — шесть книжек по	0.08
Каррик В. Сказки-картинки — в одном томике	0.24
Короленко В.: Письма к Луначарскому	0.06
Мельникова-Папоушкова Н. Ф.: Антология русской поэзии XX в., ч. I	0.27
То же, ч. II. Новая поэзия	0.36
Пушкин А. Капитанская дочка	0.30
Пушкин А. Дубровский . .	0.24
Пушкин А. Борис Годунов . .	0.17
Пушкин А. Пиковая дама . .	0.09
„Русские народные сказки". Том. I, с многочисленн. рисунками	0.17
„Русские народные сказки": Том II, с многочисленн. рисунками	0.18
Салтыков-Щедрин М. Сказки I	0.09
Салтыков-Щедрин М. Сказки II	0.09
Сказка о Жар-Птице (Издание с ударениями)	0.05
Соколов Б. Мятеж или искание	0.54
Тургенев И. Рудин	0.19
Тургенев И. Бирюк. Пожар на море	0.07
Чехов А. Вишневый сад . .	0.18

IV. СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ПОЛИТИКА

Водовозов В. В. Новая Европа	3.30
Гертнер Ф. О. О деньгах и обесценении денег . . .	0.55
Головин Н. Н., ген. Тихоокеанская проблема в XX столетии	1.05
Дионео: Англия после войны .	0.75
Косинский В. А. Основные тенденции в мобилизации земельной собственности	3.30
Масарик Т. Г. О большевизме	0.18
Масарик Т. Г.: Мировая революция (Воспоминания) т. I	1.00
Мельгунов С. П. Красный террор в России, изд. 2-ое . .	0.90
Право Советской России. Сборник статей. Вып. I .	2.25
Вып. II .	2.10
Радль Э., проф. Т. Масарик, его жизнь, общественная и научная деятельность . . .	0.27
Тотомианц В., проф. Кооперация в России	0.55
Ученые записки. Т. I, вып. III. Общественные знания . .	1.35
Циммерман М. А. Очерки нового международного права	1.50

V. ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ, ТЕХНИКА И ПРИКЛАДНЫЕ НАУКИ

	$
Вальден П. И., О хим. элементах	0.90
Головин Н., ген. Танки в минувшую войну и будущую	0.60
Классен Ф. Г. Технология рыбных продуктов	2.40
Лепешкин В. В., проф.: Организм с точки врения физики и химии, № 1	0.30
Маракуев С. В. Нач. основания математ. анализа	1.05
Новиков М. М., проф. *и Шкафф В. А.*, прив.-доц. Невидимые друзья и враги животного организма, № 2	0.30
Одинцов Б. Н., професс. Орг. вещ. почвы и их влияние на плодородие почвы. № 3—4	0 60
Стратонов В. В., проф. По небесному океану	0.30
Стратонов В. В., проф. Дневное светило	0.36
Стратонов В. В., проф. Земной шар	0.36
Стратонов В. В., проф. Движения осьми	0.45
Ученые записки. Том II, вып. I. Математические знания	3.30
Эрисман, проф. Мыслят ли животные?	0.15

VI. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, УЧЕБНИКИ

	$
О. Білоусенко: Вінок, читанка друга	0.50
Буттер О. и *Доравил В.* Чехословацкая Республика (распродано)	1.65
Всеславянский календарь „Плания" на 1926 г. III издание	0.50
Карцевский С. И. Русский язык. Грамматика. Ч. I.	0.42
Морковина В. В. Чешско-русский словарь	1.35
Морковин В. В. Первая книга для чтения „Наша Речь" (изд. с ударениями)	0.18
Русский букварь по Вахтерову: Изд. 2-ое, с ударениями	0.18
Фан-дер-Флит А. П., проф. Арифметика приближенных чисел	0.20

VII. ИСКУССТВО

	$
„Артисты Московского Художественного Театра за рубежом"	1.20
Вноско-Боровский Е. В. Русский театр начала XX в.	1.95
Кизеветтер А. А. М. С. Щепкин	0.60
Кундера. Чешская музыка	0.03
Маковский С. К. „Силуэты русских художников"	1.20
„Народное искусство Подкарпатской Руси". Текст С. К. Маковского. Художественное издание со множеством многоцветных и автотип. иллюстр. на бумаге „Шамоа". Русское издание	17.40
Чешское издание	17.40
Английское издание	17.40
Французское издание	17.40

VIII. ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

	$
„Вестник Крест. России"	0.24
„Военный Сборник".	1.20
„Воля России".	0.50
„Записки Наблюдателя".	1.—
„Записки Института Изучения России	1.20
„Записки Института с.-х. кооперации в Праге"	1.—
„Искусство Славян".	0.45
„Кавказский Горец".	0.60
„Казачья Лава".	0.10
„Казачий Сполох"	0.15
„Книжный указатель"	0.06
„Кооперация и Сельское Хозяйство".	0.75
„Местное Самоуправление"	1 05
„На Чужой Стороне"	1.20
„Революционная Россия".	0.18
„Русская Зарубежная Книга". В. I ч. I и II по	0.45
„Русская Школа за рубежом".	0.45
„Русский Экономический Сборник".	1.00
„Своими Путями".	0.25
„Славянская Книга" месячник	0.15
„Современные Записки".	1.—
„Студенческие Годы". „Годы".	0.15
„Черные пелерины"	0.20